

АНДРЕЙ ШОППЕРТ

И ОПЯТЬ ПОЖАРСКИЙ

К Н И Г А # 3

Андрей Готлибович Шопперт
И опять Пожарский 3
Серия «И опять Пожарский», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68829120

Аннотация

Силы проверены. Пора и за Родину постоять. Речь Посполитая. Rzeczpospolita От можа до можа. Нам туда. Смоленск наш.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	46
Глава 3	91
Глава 4	132
Глава 5	179
Глава 6	218
Глава 7	263
Глава 8	301
Глава 9	350

Андрей Шопперт И опять Пожарский Книга третья

Глава 1

Событие первое

Боярская Дума, наконец, собралась. Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков сидел на своём месте и не слушал, о чём, в отсутствии Государя и патриарха, мелят языками думцы. Не до того было. Думал он о назначении, которое по слухам ждало его со дня на день. Донесли боярину, что царь хочет отправить его воеводой в Вершилово. Вот такая вот новость. Нет, конечно, оказаться в городе, где выпускают столько диковин, и хоть немного погреть на них руки, на Руси мечтает каждый, но быть воеводой в вотчине князя Пожарского – это что-то из ряда вон. Такого ещё не было. По слухам сейчас в Вершилово население перевалило за семь тысяч. Крепостных же крестьян там всего несколько сотен. Государь может и выкупить их у Пожарского, да и дать всем вольную. Или не может. Ведь эти крестьяне сейчас производят

диковин на огромные деньги. Сколько стоит та же крестьянка, что масло производит? Вот. А ведь она не одна. Запутанная ситуация. Дума собралась обсудить целый ряд первостепенных вопросов. Самым болезненным было строительство дорог. Государь собирался основать новый Приказ Дорожного Строительства, поставить во главе этого приказа дьяка Акинфиева и начать строить дорогу от Москвы до Владимира и заканчивать Владимирский тракт, там ведь остался изрядный кусок от Владимира до Вязьмиков. Денег это строительство потребует прорву, и князь опасался, что каждый в Думе и сам захочет этот Приказ возглавить. Да и нажиться на этом. Вторым по важности был вопрос о переименовании Московского царства в Российскую империю. Практически все присутствующие в Думе уже жили в этой «Империи» при Дмитрии, всего-то чуть больше десятка лет прошло. Тем «императором» выстрелили тогда из пушки в сторону ляхов. Императором-то выстрелили, а империя осталась или нет? Шведы отобрали земли у Балтийского моря, ляхи захватили Смоленск и Чернигов с городками на западе. Но за это время шагнула Русь далеко на восток за Урал камень, почти уже и до Китая стрельцы с казаками добрались. Опять же, Большие Ногаи под руку царя попросились и в верности поклялись. Тоже землицы немерено. Чем не Империя, уж не меньше немецкой? Каждый из бояр видел новые деньги. Что сказать? Краше и нет ни у кого. Даже и ровнять с тем же талером не стоит. А про золотые пятирублёвики и

червонцы и говорить нечего, не поменяешь червонец на десять талеров. Как бы и не все пятнадцать придётся отдать. Одним словом было о чём подумать. А ведь ещё один «денежный» вопрос был. Выискал где-то за Уралом зятёк монеты невиданной красоты, а надписи на монетах почти по-русски. Золотая же монета называется «атлант». Неужто и впрямь русичи потомки атлантов? Умоются тогда франки и прочие немцы. Они-то от варваров и гуннов с германцами родословную ведут, а тут в предках неведомый народ «Атланты», что по слухам всех в знании превзошли. Тоже подумать есть над чем. Четвёртый вопрос был тоже первостатейный. Шведский король Густав Адольф предлагает союз заключить и вместе ударить по Речи Посполитой. Дела! Слух прошёл, что ляхи нарушили перемирие и захватили у шведов бывшие русские крепости Ям и Ивангород, да войско, что их отбить выступило, полностью разгромили, а остатки переодели в бабские платья и отпустили. Вот Адольфишка и злится. Это он хотел на ляхов напасть, а тут такой конфуз. Да ещё вроде всех крестьян окрестных ляхи согнали, кто же теперь будет шведские крепости кормить? У нас с ляхами перемирие на четырнадцать с половиной лет подписано, и нарушать его вроде нельзя, ты раз нарушил слово своё, кто тебе потом поверит, но Смоленск и Чернигов с городками назад возвернуть охота. Странное вообще это нападение ляхов, побили шведов, и ушли, бросив захваченные крепости. Кто так делает, зачем тогда вообще воевали, а ещё по слухам

всех мёртвых шведов в горы сложили. Прямо как Пожарский младший. А ведь он в это время где-то под Новгородом Великим был. Рядом совсем. Ох, и тёмное это дело. Лучше в него не лезть.

Событие второе

Они успели до вскрытия рек. Бесконечный обоз въехал в Вершилово через Балахну, чтобы не светиться в Нижнем Новгороде, 15 апреля. Уже почти ночь была. Можно было последний раз заночевать на обочине дороги, разбив лагерь, но Пётр гнал людей и животных без роздыху целый день и вот успели до ночи. Караван был огромен. Ехали стрельцы и рейтары, ехали, чуть уменьшившись в числе, татары князя Разгильдеева. Их за три сражения потеряли троих, и один в дороге от ран помер, как ни бились над ним доктора. Рейтар убило пятерых, и тоже один помер в дороге, но их по пути нагнал переселенческий караван из Европы. В Вершилово перебирались профессора с Тюбингенского университета во главе с Вильгельмом Шиккардом. Люди получили письмо от своего метра – Михаэля Мёстлина, и решили променять зелёный университетский городок Тюбинген, на берегу реки Неккар, на заснеженное промышленное Вершилово, на берегу Волги. С профессорами было два десятка немецких наёмников. Виктор Шварцкопф уже переговорил с ними, и часть высказала желание остаться на пятилетку в Вершило-

во. Профессоров было пятеро, считай половина университета. Они ехали с жёнами детьми и слугами, а те тоже с жёнами и детьми. Получился санный поезд из ста с лишним человек. Ещё один караванчик с новыми жителями Вершилово наоборот догнали они. Это были жены и подруги рейтар из Риги. И эти были почти все с детьми и охраной из десятка рейтар, тоже без малого сто человек.

А ведь ещё были переселенцы из-под Яма. Их не меньше двухсот. А ещё пленные из Ивангорода, полным составом даже с гулящими девками решившие убраться от шведов подалее. И целая деревня Климки из-под Ивангорода – семь семейств. Всего в Вершилово ехало больше семисот человек и больше полутора тысяч коней. Пётр так вымотался, организовывая всю логистику, что зарёкся больше ходить в такие набег. Только прокормить такую ораву людей и лошадей зимой было практически невозможно. Они скупали по дороге в деревнях и городах всю провизию и фураж. Пётр Дмитриевич истратил на это больше тысячи рублей, все деньги, что оставались после свадьбы.

Но ведь добрались. Всё, теперь дома. Где там жена?

Событие третье

Княгиня Мария Владимировна Пожарская приехала в Вершилово с двумя братьями мужа уже месяц назад. Всю дорогу их сопровождал отряд стрельцов. Стрельцы тоже пе-

реселялись в Вершилово. Их было два десятка, и они ехали с жёнами, детьми и всем скарбом. Из-за этого движение было неспешное. Её вещи перевозили пять возов, да вещи семейства Пожарских на семи возах, да барахло стрельцов – огромный обоз. Целых три седмицы провели в дороге, ну, правда, останавливались на три дня передохнуть во Владимире у тамошнего воеводы князя Бутурлина. Василий Матвеевич встретил княгиню Пожарскую с братьями Петра очень тепло. Все три дня он рассказывал, как они с Петром Дмитриевичем организовывали футбол и другие соревнования и занимались обучением стрельцов. Фёдор и Иван Пожарские слушали князя, раскрыв рот, а Мария откровенно скучала. Какое ей дело до тренировок стрельцов. У князя Бутурлина было две дочери, но они были ещё совсем соплюшки, и с ними княгине было неинтересно подавно. Так, что Владимир она покидала с радостью и нетерпением, быстрее бы домой.

Мария помнила Вершилово, чистые широкие улицы, красивые дома под черепичными крышами, храм, что построил её Петенька. А сам дом. Картины на стенах, иконы в красном углу, дорогие фарфоровые чашки и вазы. В доме всё было красиво. А ведь Петенька говорил, что сейчас для них строят дворец, больше, чем царские палаты в Кремле. Быстрее бы уж приехать.

Встречало княгиню и княжичей всё Вершилово. Чуть больше года прошло, как Мария была здесь, но за этот год

«село» выросло как бы ни в два раза. И как же оно отличалось от Казани или Москвы. Ровные улицы, с которых дворники смели снег, красивые кирпичные дома под черепичными коричневыми крышами, цветные луковки нового огромного собора, величественные здания академий. Её с княжичами отвезли не в старый дом Петеньки, а в новый, только что построенный огромный терем на окраине Вершилово, среди таких же и чуть поменьше теремов.

– Это – Рублёвка, – с улыбкой объяснил княгине сам Рубенс, который показывал Марии её новые владения, – Пётр Дмитриевич говорит, что названо это поселение не в честь рубля, а в честь меня – Рубенса.

Турчанок, что прислуживали гостям в первый визит Марии, не было. Как ей объяснил управляющий Вячеслав Михайлович Крчмар, девушек выдали замуж за дворян из соседней волости и теперь они замужние дамы и уже и дети у них есть. Жаль, Мария надеялась, что девушки будут рассказывать ей истории про турок и вообще, про свою жизнь.

– Это можно устроить. Две девушки уже овдовели и теперь живут в старом тереме князя Пожарского, там детям лучше, чем в деревушках их бывших мужей, – обрадовал княгиню немец.

– Бедные басурманки, как же они теперь без мужей с маленькими детьми?

– пожалела турчанок Мария.

– Князь Пожарский приказал о них заботиться, у них всё

есть, вы можете ходить к ним в гости, или наоборот они придут к вам. И они сейчас не басурманки, отец Матвей их крестил, а мужья были дворяне, так что теперь они законные русские дворянки, – с лёгким поклоном ответил управляющий.

Через день после приезда, когда Мария заканчивала с помощью двух сенных девушек, что привезла с собой, разбирать приданное, к ней пожаловал с визитом отец Матвей, настоятель местного храма. Он поинтересовался здоровьем княгини и княжичей и, выслушав ответ, велел всем одеваться и идти за ним к травницам.

Три старушки осмотрели Марию и младших Пожарских и велели приходить к ним три раза в день за лечебным питьём. Мария пыталась возмутиться, что невместно княгине ходить к лекаркам, пусть они к ней приходят, но отец Матвей строго на неё посмотрел и сказал, что даже царь батюшка, когда в Вершилово гостил, не гнушался ходить к старушкам, и все дворяне к ним ежедневно ходят, и Пётр Дмитриевич ходил, не обуял ли княгиню грех гордыни, что она себя выше Государя ставит. Мария пискнула, что прошения просит и отмолит она этот грех.

– Сегодня на вечернюю молитву приходи, – зыркнул на неё отец Матвей.

Когда же княгиня Пожарская пришла вечером в храм, то словно в сказку попала, такой красоты она и представить себе не могла. Отец Матвей после вечерней молитвы выслушал

её исповедь, отпустил грехи и спросил, не хочет ли княгиня участвовать в женском хоре, что занимается при храме, Мария хотела отказаться, но под строгим взглядом священника смогла сказать только «да». И не пожалела. В хоре в основном были её ровесницы и в перерывах между песнями обсуждали и жизнь в Вершилово и рецепты блюд, и другие новости. Там были и турчанки, которые обещали навещать княгиню и рассказывать ей и об Османской империи и о жизни в Вершилово, да и секретами разными женскими поделиться.

Отец Матвей через несколько дней проведаль Марию снова и принёс с собой несколько книг изданных здесь в Вершилово, в том числе и учебники по математике и астрономии и жития преподобного Сергия Радонежского и Александра Невского, её далёкого предка. Одна из книг была про приключения испанского дворянина Ламанчского и Мария как открыла её, так и не выпускала из рук несколько дней, пока не прочитала всю.

Отец Матвей определил в школу младших Пожарских, и теперь целыми днями Мария была по существу одна, приходили раз в несколько дней турчанки и рассказывали ей такое про супружеские забавы, что Мария убежала сначала в другую комнату со стыда. Потом ей стало интересно. Нужно попробовать проделать, что ни будь из этих шалостей с Петенькой, когда он вернётся. Быстрее уж. Как она соскучилась.

Событие четвёртое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский думал, что вот придет он домой и отдохнёт. Дудки. Ровно в два раза забот прибавилось. Первым делом надо было пристроить профессоров. Как всегда свободные терема на Рублёвке были и как всегда не столько, сколько надо. Профессоров было пять, а свободных теремов три. Ну, правда, Крчмар заверил, что за пару дней два терема достроят, есть уже начатые. А эти два дня, где им жить? Поселили в Православном храме, в том, который деревянный. Там с переездом отца Матвея в новый храм его жильё освободилось, и гостевые покои имелись, мало ли митрополит подъедет. Ну, хоть с учёными разобрались.

Теперь рейтары, убыль составила шесть человек, и только один из них был семейный. То есть освободилось пять домов, а новых наёмников целых тридцать. Будем считать, что все здоровы и все согласятся остаться, тогда нужно двадцать пять домов. Крчмар обрадовал, есть как раз двадцать пять.

Остаются переселенцы в Миасс, им где-то надо до отплытия полмесяца перекантоваться, тем более что люди измотаны дорогой. А ведь это пятьдесят семей, то есть более двухсот пятидесяти человек. Да ещё пленные из Ивангорода, они хоть и без семейств, но их тоже надо пристраивать. Что вот с ними потом делать. Это ведь два десятка слуг из русских

и жмуди: истопники, уборщики, конюхи и пять распутных девок – все чухонки. Доктор девок проверил на сифилис и гонорею, вроде не нашёл, но на кой чёрт ему в Вершилово проститутки, да ещё финки. Ладно, слуг можно пристроить к учёным, конюхов отдать Ивану Охлобыстину в помощники.

А самое главное, прежде чем все эти люди попадут в дома их надо пропарить в бане, вывести вшей и блох, вещи же все тоже в бане при максимальной температуре прожарить, чтобы остальных насекомых убить. Одним словом – полный Армагеддон. Всё Вершилово два дня на ушах стояло, пристраивая и прожаривая переселенцев. Больше всех намучились с профессорами. Двое наотрез отказались идти в баню. Уговаривать пришлось и Петру и ван Бодлю и Мёстлину и Кеплеру с Майром. А уговорил Шварцкопф, показал кнут и кулак. Подействовало.

Переселенцев разместили в трёх храмах и бывшем нефтяном складе. Там, правда отопления не было, но общими усилиями затащили туда три полевые кухни, и еду можно готовить и греться.

Пётр попал в свой новый дом только когда начало темнеть, больше суток на ногах. Съел ложку каши, чмокнул жену в губы, а братьев в макушку и отрубился до утра.

Утром вылезти из постели не удалось, получилось только к обеду. И то только для того, чтобы пообедать, а потом в баню и опять в постель. Так что появился Пожарский в Вершилово только 18 апреля. Снег уже практически сошёл, и доро-

ги совершенно просохли. Пётр решил прогуляться пешком и посмотреть, что понаделали, пока он три с лишним месяца отсутствовал. Да, заодно и проверить, как народ разместился. Улицы были многолюдны, все кто не работал и не учился, бегали, друг к другу в гости, обменивались новостями о походе. Пётр хоть и предупредил народ, чтобы зря не болтали, но люди есть люди, один об одном проговорился, другой о другом, и вот уже через два дня всё Вершилово знает, что «наши» побили шведов, да не просто побили, а прямо всех шведов изничтожили, ни одного не осталось, даже на племя. А ещё захватили у них пять городов и всё население вырезали под чистую. Так им шведам и надо не будут зариться на русскую землю.

Пётр зашёл в Академию наук, Мёстлин как раз был там и «толкал» вновь прибывшим политику партии. Князь постоял, послушал, извинился перед герром Швайцером, профессором философии, которого позавчера пришлось силой тащить в баню, и на своём хойдойче попытался объяснить тому о болезнях, которые разносят паразиты, и что не чесаться гораздо полезнее и культурнее, чем чесаться. Но Арнольд Швайцер уже и сам это понял, только теперь ему не понятно, зачем ему каждый день три раза ходить к колдуньям, почему нельзя взять их зелья сразу на весь день.

– Герр профессор, что будет, если вино простоит целый день на солнце?

– Ну, скорее всего оно превратится в уксус, – не долго

думал Швайцер.

– Вот. Лекарство портится при хранении и уже не даст того эффекта, кроме того, вы можете забыть его выпить или выпить слишком много. Что будет если выпить много вина. Правильно, организм будет болеть. Поверьте и порасспросите тех, кто приехал давно, нужно ходить к травницам три раза в день и получать свежее лекарство в положенном количестве. А ещё с завтрашнего дня вы начнёте бегать и делать зарядку, как и все учёные, и художники Вершилова.

– Ну, знаете ли... – попытался вякнуть профессор.

– А вы герр Арнольд, что вообще преподавали в Тюбингене.

– Историю философии, труды Платона, Плутарха, Овидия.

– Замечательно. А знаете ли вы истории римских или греческих богов, подвиги Геракла, историю с Икаром и Дедалом, историю про Персея, ну и тому подобное, – Пожарский постарался отвлечь ворчуна.

– Конечно, – учёный попытался снова свернуть на травниц, но князь ему не дал.

– Знаете, что, дорогой профессор, нужно немедленно садиться вам с кем ни будь из детей третьего класса и составлять учебник, который будет называться «Легенды и Мифы древнего мира». Почему с учеником? А вы будете сначала рассказывать ему и смотреть на его реакцию, ребёнку должно быть интересно, если какой ни будь миф ему не нравит-

ся, то пропустите его и переходите к следующему. Ясна ли вам моя идея? Вы видели, какие чудесные книги издаёт наш книгопечатник Петер Шваб. Вот, как напишете, он издаст этот учебник, а я попрошу царя, чтобы он за эту книгу возвёл вас во дворянство и дал вотчину небольшую. Царь у нас такие истории любит. А если захотите, то потом издадим вашу книгу и на латыни. Как вам моё предложение?

Пётр оставил учёных переваривать сказанное. Приехали кроме механика и математика Вильгельма Шиккарда в основном философы, куда их приткнуть. Ну, вот, хоть один совершит полезное дело. Ещё один профессор философии, сказал, что может преподавать римское право. Его Пожарский тут же озадачил переводом этой книги на русский.

– Но я не знаю русского языка? – опешил бедняга.

– Подойдите к тому же Швабу, он вам посоветует переводчика, только учтите, что книга не должна быть слишком толстой и если там есть статьи, которые сейчас устарели, то их переводить не надо. Попробуйте создать свод законов, при котором хотели бы жить сами. Ясна ли задумка?

– Вы князь хотите, чтобы я составил свод законов для Руси? – понятно кивнул Христиан Литке.

– Замечательно. Если, что не будет получаться, то сразу ищите меня, я буду здесь ещё две недели.

В Академии Художеств творили. Блин, художников уже пруд пруди. Приехал даже Гвидо Рени, как и обещал со своим учеником Паоло Бьянкуччи. Его тоже припрягли к рос-

писи фарфора. Вообще новые изделия мастера А. Лукина Петру понравились. Видно было, что парень ищет новые и неожиданные решения. Правильно его старшим сделали.

Осталось заглянуть к гарему. Его турчанки тоже ведь соскучились, ну и на детишек надо посмотреть, подросли, небось.

Событие пятое

Виктор Шварцкопф переезжал. Пожарский распорядился построить и ему терем на «Рублёвке». Куда им троим столько места, сразу пришлось слуг нанимать, за таким большим домом смотреть надо. Слуг, как раз из пленных с Ивангорода и взял. Истопника по имени Йонес, тот был из племени жмудь, ещё и уговаривать пришлось. Ему, видишь ли, собственный дом подавай. А плетей не хочешь? Ты, кажется, на врагов наших работал, может, и сам враг? Вот поработаешь немного, выучишь русский язык, потом посмотрим, что с тобой делать. А кухарку Виктор взял из гулящих девиц, девушка была ещё молодая и по разговору, попала на эту «работу» не по своей воле. Чухонка была белобрысая и улыбочивая, вся физиономия у неё была в веснушках. Варить разные каши Кайса умела и за коровой ухаживать тоже, что ещё надо?

За всеми этими полезными занятиями Шварцкопф не переставал думать о битве со шведами на реке Нарва. Вот, зная теперь, как правильно обороняться, смог бы он на месте

шведского генерала победить? Что надо было делать иначе? Не нужно было идти колонной, подставляясь под пули и картечь. Нужно было, как они сейчас тренируются, бежать на полной скорости рассыпным строем. Тогда до редута добежало бы гораздо больше людей. Но там гранаты и пушки в упор с картечью. Тоже полегло бы больше половины войска. Наверное, оставшихся хватило бы, чтобы раздавить сотню стрелцов, но те умели метать ножи и знали казачьи ухватки, ещё полегло бы половину. А ведь в засаде сидел ещё Баюш Разгильдеев. Чёрт побери. Выиграть было невозможно. Вот если бы удался фланговый охват драгунами. Но ведь там была засада. Получалась полная ерунда. Имея пятикратное превосходство в живой силе и то же самое оружие, шведы не могли победить ни при каком раскладе. Интересно, а что бы сделал князь Пожарский, если бы наступать пришлось ему?

Виктор собрал на третий день всех новичков и рассказал о том, как они будут тренироваться и жить. Согласились остаться все тридцать, и по счастью ни у кого не было срамных болезней. Людям уже выделили дома и сейчас подбирали из местных помощников по дому на первое время. Виктор предложил им посмотреть на пленных из Ивангорода, там даже ещё шесть женщин осталось, четыре чухонки из гулящих и две стряпухи, что готовили гарнизону крепости еду.

Новички уже успели наслушаться сказок про разгром всего шведского войска и переживали, что сами там не были. Всё-таки они были католиками и воевали сейчас со шведа-

ми.

– Ничего, ребята, потренируетесь вместе с нами и попадёте на следующую войну, чувствую я, что долго ждать не придётся, не тот человек Пожарский, чтобы просто так войско кормить. Войско должно воевать. И воевать так, как мы в битве при Нарве. Но учиться будем, как черти!

Событие шестое

Вильгельм Шиккард – профессор математики из тюбингенского университета, приехал в Вершилово вместе с женой и четырьмя детьми. Старшему Бруно было тринадцать лет, младшей Инессе Марии шесть. Учебный год в вершиловской школе уже заканчивался, но всех четверых детей посадили в первый класс, пусть начинают учить русский язык. Конечно, пусть учат, язык нужно учить всем, и ему, и жене, и детям. Вильгельму понравилось в Вершилово. Замечательный город, красивые дома, ровные чистые дороги, полное отсутствие нищих и преступников, а какая замечательная центральная площадь с чудесным храмом и двумя Академиями. В Академии Наук ему сразу выделили кабинет и даже табличку уже повесили с его именем на русском и латыни. Рядом был кабинет Кеплера, с другой стороны кабинет Симон Стивена. Чуть дальше были кабинеты Симона Майра и Исаака Бекмана. Весь цвет научной мысли Европы собрался в одном здании. Можно было просто зайти к любому

и обменяться мыслями по интересующему тебя вопросу. Не нужно месяцами ждать ответа на письма.

Сегодня с утра его провели по фарфоровому и стекольному производству с экскурсией. Боже мой, какие замечательные вазы здесь делают. Но больше всего Вильгельму понравился токарный станок, какие полезные вещи можно на нём делать.

Сейчас перед ним сидел князь Пожарский и рассматривал его счётную машину. Он крутанул ручку, потом изменил порядок чисел и снова попробовал, но в другую сторону. Профессор молчал, ему говорили, что этот юноша очень умён, но... Откуда он знает, как работает его машина?

А потом Пётр Дмитриевич, на своём не очень понятном немецком стал рассказывать Шиккарду, как улучшить его «арифмометр». Это был шок. Словно бы этот юноша знал всё о его счётной машинке, и даже работал на более совершенной, и теперь вспоминает, как она работала и рассказывает всё это Вильгельму.

– Профессор, а вы сможете сделать большие башенные часы? – вдруг прервал сам себя князь.

– Думаю, что смогу. Мой отец был часовщиком, и я в детстве помогал ему. Более того, на ратуше в Тюбингене есть такие часы, и я их ремонтировал пару раз, – сообщил Шиккард.

– Просто замечательно! Я как раз хотел построить в Вер-

шилово несколько башен с часами. Возьмётся?

– А как же преподавание в школе и работа в Академии? – поскучнел Вильгельм.

– Вы, дорогой профессор, наверное, меня неправильно поняли. У нас никто не делает чужую работу, вам не надо точить шестерёнки и ковать цепи. Вам надо составить подетальный чертёж и издать его в виде отдельной книги. Так, чтобы по этой книге другие мастера смогли делать часы. И было бы очень хорошо, если бы вы сделали астрономические часы как в Праге.

Князь ушёл, а Вильгельм ещё долго сидел один в своём кабинете и размышлял и об усовершенствование «арифмометра» и об астрономических часах. Да, на самом деле умный юноша. И вечно занятой, как только он всё успевает. И откуда у него столько знаний.

Шиккард даже не успел сказать Пожарскому, что вместе с ним приехала его вдовая сестра с двумя детьми, старшему сыну было восемнадцать, и он с десяти лет помогал своему деду часовщику делать настольные часы и другие механизмы вроде музыкальных шкатулок.

Событие седьмое

Князь Баюш Разгильдеев покидал Вершилово довольный, как кот объевшийся сметаной. Да он потерял четверых из двадцати взятых с собой лучших воинов. Но сколько добра

он с собой увозит. Пожарский дал, как и обещал ему с сыном Богданом по сто рублей. Каждому воину заплатил даже по двадцать рублей, а для семей погибших передал ещё по двадцать. Кроме того князю досталось сто шведских мушкетов и два десятка коней. Перепало Баюшу и сотня хороших шведских мундиров, а так же сотня пар сапог. Всех холопов можно в сапоги обуть в его двух деревеньках.

Кроме всех этих военных трофеев подарил ему Пожарский некоторые вещицы из стекла и фарфора. В сумме эти подарки тянули, наверное, на целую тысячу рублей. Но продавать их князь не собирался. Таких красивых вещей нет ни у кого из его знакомых. Теперь, принимая гостей, он сможет показывать им эти вазы и чашки, и рассказывать какой у него есть замечательный друг, князь Пётр Дмитриевич Пожарский, и как он ценит его Баюша, что просит всегда сопровождать его во все походы. Это они с князем разбили торгутов и уложили из них горы. Это они побили напавших по подлomu Больших Ногаев. Это они разбили в пух и прах огромное шведское войско. Хотя Пожарский просил об этом никому пока не рассказывать. Ведь у нас сейчас со Шведским королевством мир. Пусть думают, что это на них ляхи и крымчаки напали.

Князь Пожарский предлагал Баюшу дожидаться, когда вскрыется Волга и плыть до Казани на лодьях, но прикинув, сколько ждать и сколько, потом плыть, князь Разгильдеев решил выдвигаться, не дожидаясь таяния льдов, пока они рас-

тают, он уже дома будет. Там ведь полно работы. Нужно перестроить дома крестьянам в его вотчинах, как это сделано в Вершилово. Нужно найти печников и сложить себе, да и крестьянам печи, что топятя по белому. Нужно выдать на посев крестьянам «полуяровки». Пожарский выделил князю пять кадей семенной яровой ржи. Нужно купить крестьянам по корове, чтобы у каждой семьи было две коровы. Это быстро окупится, если из избытков молока делать масло. Ещё нужно научить крестьян пользоваться косой. Пожарский сам выбрал время и научил одного из людей Разгильдеева косить. Они вышли на берег реки и тренировались на камыше.

Столько дел. Столько дел. Как всё это можно успеть? Как успеваает этот юноша?

Событие восьмое

Пётр Дмитриевич Пожарский собрал всех художников в актовом зале Академии Художеств. Всех – это значит всех. Здесь были и метры и ученики Рубенса, и совсем начинающие подмастерья. Всего по его просьбе Рубенс выбрал тридцать человек. Пётр сидел сейчас перед ними на трибуне и оглядывал этот творческий потенциал. Ни одна страна мира не может даже близко подойти к Вершилово по этому показателю. Всё, что было лучшего он забрал.

– Господа, художники, – начал князь, – Хочу я провести среди вас три конкурса, то есть испытания. Только огово-

рюсь сразу, тот, кто победит не будет лучшим живописцем, просто данная картина больше всего мне понравилась. Итак, три конкурса. Вы все знаете, что я недавно женился. И вот я хочу, чтобы портрет моей жены вы и нарисовали. Погодите хвататься за кисти, не всё так просто. Первый конкурс будет заключаться в следующем. Вам выдадут лист фарфора размером 60 сантиметров на 40 сантиметров, вот такой лист, – Пётр поднял над головой заранее принесённый тонкий фарфоровый лист, совершенно белый, указанных размеров.

– Рисовать вам можно только теми красками, которые потом пройдут термическую обработку, сами знаете, что многие краски просто станут чёрными. Это может быть портрет или небольшая сценка, ну, там княгиня Мария держит на руках щеночка, или причёсывается перед зеркалом или кусает яблоко. Вы художники вам решать. Не надо только рисовать её обнажённой. Я выберу один портрет и выдам приз в сто рублей золотом. Один портрет выберет сама Мария Владимировна, и автор тоже получит сто рублей. У всех остальных я выкуплю портреты по десять рублей.

Второй конкурс. Это тоже портрет моей жены. Только это будет холст и обычные краски. Портрет должен выглядеть так, княгиня Мария сидит в пол-оборота к зрителю, а лицо повернуто полностью. Она чуть-чуть улыбается. Даже собирается улыбаться. У неё немного приподняты уголки губ. Взгляд должен выражать следующее. Я знаю, что я вам нравлюсь, но вы должны об этом молчать, так как у меня есть за-

конный супруг. Мария Владимировна сейчас придёт, и можете начинать. Думаю, если она попозирует вам два дня этого будет достаточно.

Третий конкурс называется «Три грации». Мы сейчас собираемся выпускать на фарфоровой фабрике новый чайный сервиз. В него будет входить шесть чашек с шестью блюдцами, заварочный чайник, молочник, сахарница и поднос. На всех предметах должен быть один и тот же рисунок. Должны быть изображены три девушки, которые сидят на берегу озера и плетут венки из ромашек или любых других цветов. Девушек нужно рисовать с турчанок, что я выкупил из рабства у казаков. Они вам тоже два дня попозируют после княгини. Вам всем выдадут по чашке и блюдцу, вот на них и рисуйте, только имейте в виду, ободок чашки и блюдца, а так же ручки чашек потом покрасят золотом. Мы тут научились делать золотую краску. На этом сервизе её испытаем, а потом можете подходить и брать для работы у Жана Рэ, нашего химика, только не переусердствуйте, всё же это золото и краску тоже сделать не просто, но если вы посчитаете, что рисунок с ней будет лучше, чем без неё, тогда конечно берите.

Я уже уеду в Миасс, так что образцы для сервиза выберут сами турчанки, они так же заплатят трём лучшим по сто рублей, а один образец для массового производства выберет Андрейка Лукин, и если это будет четвёртый образец, то и он получит сто рублей. Остальные так же будут выкуплены у вас по десять рублей. И имейте в виду, что чашки могут

треснуть и рисунок придётся повторить.

В это время на сцену как раз зашла княгиня Мария Владимировна Пожарская. Пётр предупредил её и попросил красиво нарядиться. Что тут скажешь, Мария принарядилась, на ней одного золота было больше килограмма. Одна эльфийская корона чего стоила. Пришлось опять брать слово и объяснять художникам, чтобы на золото внимание не обращали, интересуется лицо, а не золото.

Событие девятое

Пётр сидел напротив брата Федьки и рассматривал того. Брат был похож на отца и самого Петра. Те же русые волосы и голубые глаза, даже синие скорее, чуть приподнятые кверху густые брови и ровный прямой нос. Но мальчик был слишком щуплый для своих тринадцати лет. И слишком заносчив. Княжич, блин.

– Федя, послушай меня внимательно. Вот смотри, сидишь ты на уроке в школе, и весь класс не знает ответ на поставленный учителем вопрос, а ты знаешь. Ты отвечаешь правильно, и все говорят: «Ну, понятно, это же Пожарский». Второй пример никто не знает ответ, и всем ставят двойки, а тебе тройку и все снова говорят: «Ну, понятно, это же Пожарский». Какой вариант тебе больше нравится. Первый. Понятно. Но для этого надо перестать быть тем вторым Пожарским. Да, тебе достались замечательные родственники.

Отец спас Русь. Если бы не он и Кузьма Минин, то и не было бы сейчас Руси. Север был бы шведов, досюда, примерно были бы ляхи, Юг захватили бы татары крымские, между Днепром и Волгой было бы казацкое царство. Здесь бы правили ногаи или татары казанские. Именно наш отец спас государство от раздробления. Дядька Роман Пожарский разбил злейшего врага трона Заруцкого и пленил самозванку Марию Мнишек с её ворёнком. Да и ляхов не раз бил. Я организовал производства всякие, пригласил из Европы художников и учёных, нашёл лучших ювелиров и мастеров, дал им денег и помог подняться, развернуться. Основал три города и сделал из деревеньки в девятнадцать домов вот это Вершилово.

Только это не значит, что ты должен теперь ходить, задравнос и плевать на всех. Это не ты всё сделал. Не ты спас страну, не ты разбил Заруцкого, не ты построил Вершилово. Я хочу и родители, конечно, хотят, чтобы ты стал достоин фамилии Пожарский. Чтобы я сделал для этого на твоём месте. Тебе нужно вырасти высоким и сильным. Для этого нужно прямо с завтрашнего дня утром делать пробежку со стрельцами и потом делать зарядку. А по выходным, когда нет занятий в школе, тренироваться целый день, тем же футболом заняться, научиться кидать ножи и стрелять из лука и арбалета, залезать на стену по верёвке и научиться казачьим ухваткам и сабельному бою.

Второе, тебе нужно стать самым лучшим учеником в шко-

ле, если тебе чего-то непонятно, то подходи к любому учителю и попроси объяснить, тебе никто не откажет, я с преподавателями переговорю. И самое главное читай те книги, которые выпустили в Вершилово. Все, в том числе и про лекарственные растения и разведение пчёл. Я вот всё время учусь у иноземцев. Не стыдно чего-то не знать, стыдно не хотеть этого узнать.

Третье, я хотел тебя забрать на лето с собою в Миасс, но посмотрел на тебя и понял, что тебе пока будет лучше здесь. Тренируйся, учись, попробуй летом, когда не будет занятий, слепить что ни будь из глины или выдуть стеклянную вазу или научиться рисовать. Тебе никто не откажет в помощи.

Не становись таким как тот же Колтовский. Чем он гордился, что его тётка была женой плохого царя, который и угробил страну, не оставив достойного наследника. Чем гордиться? Тётка, даже не отец или дядя, а тётка. Она была одной из семи или восьми жён. В чём тут гордость? Он её, что ли вырастил и воспитал. Ладно бы он гордился, что ляхов разбил или шведов, так нет, тёткой. Это теперь сёстрам Марии нужно гордиться, что их сестра стала женой Пожарского. В чём гордость. Не их выбрали, значит нужно не гордиться, а огорчаться. Ты, кстати на Елену посмотрел на свадьбе? Тебе ведь через два-три года жениться.

Событие одиннадцатое

Йозеф Марк ван Бодль и Жан Рэ внимательно слушали, что рассказывает князь Пожарский про ртуть. Оказывается, это страшно ядовитый металл, от неё выпадают зубы и человек сходит с ума. Он начинает видеть галлюцинации, а потом полностью лишается рассудка и умирает. А ведь они уже долгое время в Европе изучали этот металл, а значит и сами уже немного отравились, может, поэтому у Йозефа Марка не хватает четырёх зубов и один ещё шатается, скоро похоже тоже выпадет. Теперь им нужно работать только в специальных повязках на рот и нос. И обязательно выпивать в день не меньше кружки молока.

А ведь они как раз сейчас работали со ртутью. Князь Пожарский предложил им освоить производство зеркал. Оказывается, всё просто. Нужно взять ртуть получить амальгаму серебра с небольшим добавлением золота и нанести это на стекло, а потом испарить ртуть, на стекле останется ровный слой серебра, который потом нужно покрасить очень аккуратно, чтобы не повредить серебряный слой, чёрной краской, а потом ещё для надёжности и лаком. И всё. А вся Европа бьётся над секретом муранских зеркал, и они стоят тысячи флоринов, дороже, чем картины Рафаэля.

Йозеф Марк даже сделал уже вчера маленькое зеркальце. Оно пока было хуже муранских. Пётр Дмитриевич посмотрел

рел на первую поделку и сообщил, в чём недоработка.

– Нужно, господа, более тщательно шлифовать стекло. Подключите Захариаса Янсена и Лукаша Дони́ча. Пусть помогут. Только не рассказывайте зачем, а то они свою работу побросают и займутся зеркалами, а кто тогда их работу будет делать. Ну, и главное, нам нужно получать более прозрачное стекло. Это немного зеленовато. Я знаю, как это сделать, нужно один из компонентов стекла заменить на другой и даже знаю, где его взять, но это страшно далеко. Попробуйте пока делать не из обычного стекла, а из хрусталя и стекло сделать тоньше. И обязательно пользуйтесь повязками на лицо, вы мне живые нужны.

Йозеф Марк потуже завязал тканевую повязку, и решил нанести серебро ещё на несколько листов стекла, используя разное количество золота. Мог ли он ещё год назад думать, что сможет поучаствовать в создании фарфора и стекла, делать зеркала, даже не делать, а по сути, изобретать их. Он всё хотел получить философский камень и научиться делать золото из свинца и ртути. Наивный. Зачем делать золото из ртути, если с её помощью можно делать зеркала, которые дороже золота. Может, простое амальгамирование и имелось в виду древними, когда они говорили о создании благородного металла из ртути. Ну, теперь цель ясна. Научиться, хорошо шлифовать стекло, сделать его более тонким и прозрачным и подобрать пропорции золота и серебра. Они с Жаном делают это.

Событие двенадцатое

На этот раз Барак Бенцион пришёл один. Он доставил очередной воз золота, который Пётр сразу переправил на монетный двор. Нужно начеканить как можно больше русской монеты и пустить её гулять по Европе. Рубль должен стать международной валютой. Это сейчас на неё идёт золото и серебро, а ведь потом в ход пойдёт обычная бумага. Да даже сейчас при переплавке флоринов и изготовления из них червонцев цена металла возрастает. Кому не хочется иметь такую замечательную монету.

Еврей отчитался о продаже ручек и чернильниц, первый ажиотаж схлынул, и пришлось чуть снизить цену и больше делать ручек не из золота с драгоценными камнями, а из простого серебра, для более бедных людей. Кроме того стали появляться конкуренты, но надпись «Пурецкая волость» пока делала своё дело. Некоторые мошенники попытались подделать и её, но нанятые Буксбаумом громилы объясняли хитрецам, что без пальцев писать про любую волость тяжело.

Чернильницы тоже начали подделывать. Что ж, процесс закономерный. Нужно главное не снижать качества. Здесь, наоборот стали пользоваться спросом более дорогие, изукрашенные камнями, мода дошла до дворян и государей.

Шоколадные конфеты ушли на ура, и Барак просил увеличить производство. Пожарский и рад бы, но пока поток

какао бобов с Испании и Португалии не впечатлял. Что-то товарищ Ротшильд буксует там. Пожарский доходчиво объяснил это ювелиру и тот пообещал подключить и других людей.

Неплохо пошло в массы и зелье от цинги. Причём брали не только моряки, на которых оно было рассчитано, но и аристократы и богатые купцы, всем хотелось иметь бутылку. Может, они и не выпивали даже само лекарство. Зато есть красивая стеклянная бутылка с красивой этикеткой.

По банку тоже все прошло удачно. Буксбаум был как раз сейчас в Париже. Купили двухэтажный дом недалеко от собора Парижской Богоматери и переделали его в банк, наняли красавчика, чтобы он охмурял прислугу и выведывал об истинной платёжеспособности заёмщика. Нашли и разорившегося дворянина, согласившегося управлять банком. Сейчас строят приют для беспризорников рядом с банком, пока подбирают мальчишек побойчее и поумнее. Кредиты, правда, пришлось выдавать под семнадцать процентов, но всё одно маржа в десять процентов. Барак приехал за очередной суммой русских рублей, пообсуждали и решили увеличить уставной капитал до одного миллиона рублей. Самое главное, что авантюра с рублями удалась, некоторые даже специально приходят с просьбой поменять всякие экю и ливры на рубли, причём с приличной маржой по весу серебра и золота. Понятно, что специально возить сюда ливры, чтобы переплавить и выпустить рубли не выгодно. Это ведь через по-

ловину мира везти надо и охранять в дороге, но вот построить закрытый монетный двор где-нибудь в Париже. Это уже другой расклад, об этом стоит подумать после возвращения с Урала. Сейчас уже некогда, Волга со дня на день вскроется.

На прощанье Пётр как всегда навывадал товарищам евреям поручений. Нужно привезти купоросное масло. Чем больше, тем лучше. Нужно поискать хлопок. Нужно скупить у актёров театра «Глобус» в Англии все пьесы Вильяма Шекспира. Нужно найти в Италии скрипичного мастера Амати и уговорить его переехать сюда со всем семейством и всеми учениками. Нужно найти тоже, наверное, в Италии хорошего композитора. Пора сочинять песни.

Кроме того нужно поискать ещё несколько растений выходцев из нового света. Нужна фасоль, нужны бобы и нужны баклажаны со сладким перцем. Пётр отдал ювелиру портреты этих растений нарисованных с его слов и эскизов художниками.

Блин, пора бы господину Ротшильду появиться с платиной и какавой. Афанасий Иванович точно помнил ещё из школьной программы, что без платины в качестве катализатора кислоты не получить. А ведь до войны с Польшей за Смоленск желательно получить гремучую ртуть и бездымный порох.

Напоследок, Пётр попросил ювелира по возможности его долю привозить не в монетах, а в произведениях искусства: картинах Микеланджело и Рафаэля, Леонардо да Винчи и

прочих знаменитостей, скульптур итальянских мастеров, а если попадутся скульптуры древнегреческие или древнеримские, то брать обязательно.

Событие тринадцатое

Пётр Дмитриевич собрал своих патриархов науки и искусства на небольшое совещание. Как-то расстроил его последний пул учёных. Четыре философа и только один математик и инженер, хотелось бы наоборот. Кроме того князь понимал, что пора выходить на международный уровень. Нужно издавать книги людей живущих в Вершилово на латинском языке и отправлять их в Европу. Но вот у него были в основном астрономы, а всех последователей Коперника сейчас в Европе церковь прессует. Если он начнёт продавать там книги по астрономии, то сожгут и книги, и продавца, заодно, а его объявят врагом веры или что-то типа того. Нужны математики и физики, их церковь не притесняет. Кроме того если лучших математиков собрать в Вершилово, то они общаясь друг с другом толкнут эту науку вперёд семимильными шагами.

Вот он и собрал корифеев, чтобы предложить им вызвать математиков сюда. Тем более там, в Европе ещё и тридцатилетняя война в разгаре. В кабинете Марена Мерсенна собрались, Гвидо Ренни, Михаэль Мёстлин и Иоганн Кеплер и сам французский богослов.

– Вот скажите, дорогие метры, чем вас не устраивает жизнь в Вершилово. Я чего-то обещал вам и не выполнил, или с вами плохо обращаются русские?

Товарищи поперевождали друг другу с его «неправильно-го» немецкого и за всех, как аксакал ответил Михаэль Мёстлин

– Кто вам такое сказал, Пётр Дмитриевич, мы все просто счастливы, что откликнулись на ваше приглашение и если кто-то вам чего-то наговорил, то наплюйте, это неблагодарная свинья. Скажите, кто это и мы все вместе выгоним его отсюда. В Вершилово дураки не нужны, – к концу речи профессор аж побагровел.

– Нет, господа корифеи, эти выводы я сделал сам по вашему поведению. Я всё время прошу вас приглашать сюда учёных, а за два года приехало всего несколько человек. Этого мало. Вон большая половина Академии Наук стоит пустая. Книг новых, которых ждёт от нас Государь, мы почти не издаём. Давайте попытаемся вспомнить и позвать сюда хороших математиков. Начнём с Франции, есть у вас товарищи по переписке господин Мерсенн?

– Пётр с широкой улыбкой уставился на священника.

– Фу, а я уже испугался, что среди нас завелась неблагодарная свинья. Но позвольте сначала узнать, князь, зачем вам математики? Они ведь не принесут вам никакой прибыли. Они закопались в своих цифрах и треугольниках и не ви-

дят и не слышат больше ничего.

– Прибыли мне вполне хватает. Мне нужно чтобы в Европе Россию, страну, в которой мы с вами живём, перестали называть варварской и отсталой, а стали называть великой. А для этого нужно, чтобы мы издавали книги и продавали их в Европе. Но начинать с Астрономии я не хочу, с Медицины, тем более, а вот математика как раз подойдёт.

– План не плохой. Только вот книги математиков читают единицы, в основном такие же математики. Может лучше всё-таки начать с философии. У нас сейчас собралось неплохие учёные в этой области, – покачал головой Мерсенн.

– Давайте издадим философов, если у них есть хорошие работы, а пока издаём, подъедут и математики. Так есть у вас знакомые среди математиков во Франции, – гнул своё Пётр.

– Конечно, есть, прямо сейчас навскидку готов назвать несколько имён, а в ближайшие дни написать им письма и пригласить сюда. Я много переписываюсь с Клодом Гаспаром Башё де Мезириаком он из городка Бурк – ан-Брес. Клод издал недавно учебник занимательных задач по арифметики, и он пишет замечательные стихи.

– Зовите его сюда. Такие люди нам нужны.

– Ещё есть Пьер Вернье, он из города Орнан. Это не совсем Франция. Это государство называется Франш-Конте Бургундия – вольное графство. Он математик и изобретатель, а сейчас работает директором монетного двора в Бургундии, – вспоминал дальше священник.

– Этого зовём в первую очередь, обещайте любые блага. Мне позарез нужен директор монетного двора.

– Но ведь наши монеты и так самые качественные и красивые в Европе? – удивился Кеплер.

– Вы же видели монеты Атлантов? Я хочу, чтобы наши монеты были не хуже, – пояснил Пётр.

– Хорошо, я завтра напишу ему письмо с приглашением, – пообещал Мерсенн и продолжил, – Есть ещё Жерар Дезарг. Он аристократ из Леона. Я о нем слышал от Рене Декарта. Сейчас он живёт в Париже и посещает кружок Шатеро-Левевра. Декарт пишет о нём, как о выдающимся геометре.

– Поедет ли французский аристократ в Россию? Но вы, дорогой Марен его обязательно пригласите и Декарта тем более. Я слышал от Исаака Бекмана, что его преследуют за вольнодумство. Пусть едет сюда. Здесь преследуют за тугодумство, – шутка корифеям понравилась. Мерсенн её даже записал.

– Кто же ещё? Вот, есть Альбёр Жира́р он, правда живёт сейчас в Гааге. Он переводит труды греческих геометров и сам занимается геометрией.

– И этому обязательно напишите. Издадим здесь его перевод греков.

– Наверное, и все французы. Хотя есть ещё Клод Мидорж он судебный чиновник в Париже, но очень много занимается геометрией, о нём я тоже слышал от Декарта. Теперь точно всё. Я вас понял князь. Завтра же сяду писать письма всем

шестерым и в письмах напишу, чтобы они ещё повспоминали хороших математиков.

– Вот и отлично, – Пожарский потёр руки. Шесть таких товарищей как Декарт точно создадут имя России.

– Теперь ваша очередь дорогой Кеплер, кого вы знаете из Священной Римской Империи? – Пётр переключился на немца.

– Есть Йост Бюрги, он живёт и работает в Праге. Кроме того что он придворный математик, так он ещё и создатель уникальных часов в которых три стрелки. Одна показывает секунды.

– Стоп! Этого сюда срочно за любые деньги. Я ищу часовщиков, а вы молчите. Что ему делать в воюющей стране, тем более в Праге, там скоро половину жителей перебьют, – замахал руками Пожарский.

– Он уже не молод. Ему, наверное, уже лет семьдесят, но когда я видел его в последний раз, он был вполне здоров.

– Сегодня же пишите ему письмо. Отправим до Праги со специальным курьером, Если что, здесь подлечим.

– Есть ещё Кристоф Шейнер, он сейчас трудится профессором во Фрайбургском университете. Но он иезуит. А вообще он известен как изобретатель прибора для вычерчивания конических сечений. Перед отъездом я получил от него письмо. Он усовершенствовал мой телескоп, вставив в него третью линзу и теперь изображение не перевёрнутое. Он писал также, что занимается наблюдением солнечных пятен.

– Зовите его к нам, перевоспитаем. Он, поди, твёрдо верит, что все звёзды и планеты вращаются вокруг папы римского, – усмехнулся Пожарский.

– Йост Бюрги в своём письме ко мне как-то хвалил некоего выпускника Пражского университета Йоханнеса Марци. Он сейчас в университете занимается физическими исследованиями посвящёнными механике и оптике, – напряг память Кеплер, – Всё больше никто на ум не приходит. – Разве три хороших человека – это мало. Зовите их сюда. Больных подлечим, холостых женим, заблудших перевоспитаем, – Пётр снова потирал руки мысленно, если ещё к тем шестерым и эти трое подъедут. Вот это будет кубло. Остался итальянец. Итальянских учёных у Пожарского не было, и он позвал художника Гвидо Ренни, может он кого вспомнит. И художник не подвёл.

– Я знаю только несколько фамилий. Есть некий иезуит Кавальери, он переписывается с Галилеем, больше я о нём ничего не знаю, вроде бы он живёт в Пизе. Ещё, конечно, есть Бенедетто Кастелли, друг Галилея, он сейчас после отъезда Галилея заведует кафедрой в университете Пизы. Ещё я слышал, что во Флоренции живёт Пьетро Катальди, но он тоже очень стар. Есть в Болонье всемирно известный учёный Клавдио Аккилини. По слухам он хороший поэт и математик, но я с ним не знаком. Всё больше я никого припомнить не могу, – итальянец развёл руками. – Ну, и ладно напиши-

те письма этим господам. Может, и захотят променять тёплую Италию на наши снега. Итогом встречи Пётр Дмитриевич Пожарский был доволен. Даже если половина этих математиков соберётся в Вершилово уже будет просто великолепно. А ещё Пётр себе в голове отложил, что Бургундия это ещё не Франция. Может на неё как-то можно руку наложить. Подумать надо.

Событие четырнадцатое

Всё, Волга вскрылась, такой грохот стоял, что казалось, их пушек палят. Ну, значит, через пару дней отплываем. Как всегда приходится бросать кучу дел, которые и доделывать-то некому. На стекольном производстве остаётся как бы родственник – Андрей Фёдорович Квашнин, внук почившего в бозе мужа Марты или теперь Марфы Петровны Квашниной. Три стекольных завода работали на полную мощность. Первый выпускал оконное стекло стандартного размера 40 на 60 сантиметров. Вчера начали строительство десяти новых теплиц, туда прорва стекла уйдёт, потом снова на продажу. Второй завод выпускал бутылки, стаканы гранёные и рюмки на ножке, причём стаканы и рюмки были из хрусталя. В нём же был цех, в котором стеклодувы делали всякие вазы и чаши, в том числе и из цветного стекла. Третий заводик, маленький совсем производил как раз цветное стекло, в основном на смальту. Сейчас на нём пытаются претворить

в жизнь одну задумку Петра. Он вспомнил, как в далёком 1970 году купил младшему сыну на день рождения в магазине игрушек игру «Мозаика». Там был круг с множеством отверстий и цветные шестигранники с ножкой, вставляя ножку в отверстие можно было набирать различные мозаичные картины. Вот что-то подобное Пётр и хотел повторить, только без ножек и в гораздо большем размере. Аким Юнусов идею князя горячо поддержал и сейчас он с Прилукиным и ван Дейком трудятся над созданием таких картин пока на бумаге, а Симон Стивен и во главе кучи кузнецов и токаря над созданием форм для отливки шестигранников одинаковой толщины и размеров. Фарфоровый завод Пётр в этот раз оставил на подростшего уже Семёна Антоновича Берёзина, сына боярского. Подрос он не вверх, и так каланча с Петра ростом, а в плане людьми руководить. Дисциплина на заводе железная, и не потому, что там бьют за проступки, боже упаси, просто люди понимают, где работают и правильно выстроенная система кнута и пряника сделала своё дело, а новички стараются как можно быстрее подтянуться до общего уровня. Зав производством там Андрейка Лукин, можно считать, что фарфоровое производство остаётся в надёжных руках. Не так давно там легко предотвратили попытку шпионажа. Один из купцов, что регулярно скупал товар, а потому был допущен в Вершилово, пытался ночью через забор пролезть на предприятие. Уж чего бы он там смог узнавать ночью-то, второй вопрос, но сторож не спал и из арбалета,

как учили, ногу любопытному прострелил. Купца перевязали и отвезли в Нижний, передали князю Фёдору Фёдоровичу Пронину. Сейчас он на дыбе песни поёт, похоже там крупный заговор и без вечно гадящей «англичанки» не обошлось. На карандашное производство Пётр поставил одного дворянина из Нижнего Новгорода. Трофим Козьмич Антуков потерял правую руку, обороняя Москву в последнем броске ляхов на столицу. Став инвалидом Трофим не спился и не опустил, пытался организовать производство рыбного клея и даже чуть преуспел в этом. Вот покупая у него клей для карандашей, Зотов его и нашёл. Пётр поговорил с мужиком и кандидатуру одобрил. Хваткий и серьёзный дядечка. Он даже уже усовершенствовал изготовление заготовок для деревянных частей карандаша. Сейчас производство этой диковинки сдерживало только количество выпускаемых фарфоровых коробочек. Пётр Дмитриевич категорически запретил продавать карандаши без них. Должно быть так, захотел купить карандаши, покупай и шкатулку из костяного фарфора, получается дорогая и эксклюзивная вещь. С резинками, правда, беда, кончаются одуванчики заготовленные. Ничего, снег уже сошёл, можно начинать новые заготавливать. А страда пройдёт, и детишки нароют, можно и жителей Нижнего подключить, пусть отправят детей выкапывать корни одуванчиков. Производство керосиновых ламп пока остановили, оказывается полторы тонны керосина, что удалось нагнать из нефти, быстро кончается, если его бесконтрольно

выдавать художникам и учёным. Зимой темнеет рано, вот и жгли не считая. И вдруг, раз и кончился керосин. Народ поругался и перешёл назад на свечи. Получается, что о продаже ламп думать пока рано, нужно думать, как себя обеспечить. Надо нефтяному мурзе план поднять. И ведь ещё на два выхода нефти показали башкиры. Придётся организовывать в следующем году экспедицию туда и если нефть есть, городки там городить. Ещё одно развивающееся производство – это макаронная фабрика. Начали с маленьких звёздочек, а теперь семейство Матвея Лыкова выпускает десятки тонн различных макаронных изделий, новинка народу понравилась, и от заказов со всей страны отбоя нет. Матвей даже договорился с архитектором Шарутиным о возведении кирпичной двухэтажной фабрики на берегу Волги. Пожарский и сам такой прыти от вчерашнего крестьянина не ожидал. Сейчас помогает Лыкову придумывать новые приспособления для уменьшения ручного труда Вильгельм Шиккард. Немец на износ работает, и книгу по изготовлению башенных часов пишет, и малой макаронной механизацией занялся, и в школе третьеклассникам азы механики преподаёт. О чём это говорит? Что немцы работающий народ? Нет! Это говорит о том, что их мало. Именно механиков мало. Пока свои вырастут. Стоп. Сейчас прямо две замечательные идеи в голову пришли. Первое, нужно предложить Матвею Лыкову зимой пельмени выпускать. Народ распробует и спрос появится. А второе, нужно Трофиму Шарутину сказать, чтобы строил не

одно здание под фабрику, а два. Давно пора бумажное производство расширять. Сейчас оно в нескольких деревянных бараках, вот и нужно объединить в одно большое кирпичное здание. А два этих здания нужно как единый комплекс возводить, в одном стиле, скажем друг напротив друга, а между ними площадь с фонтаном и клумбы. Эх, дел-то сколько, а тут уплывать завтра.

Глава 2

Событие пятнадцатое

Настало время прощаться с женой.

– Слушай, Машуня, меня не будет где-то пять месяцев. Я понимаю, что негодяй, сразу после свадьбы тебя бросил и сейчас буквально две недели вместе побыли и опять расставаться, но по-другому нельзя, от меня зависят тысячи людей. И кроме меня этого не может сделать никто. Вот может Федя подрастёт и кое в чём заменит, но это потом, а сейчас правда некому.

– А мне что же одной делать? – ну вот и глаза на мокром месте.

– А ты должна эти пять месяцев учиться.

– Так я и так грамоту разумею, вон пока тебя не было, Дон Кихота два раза прочла.

– И правда, молодец. Я тобой горжусь, но этого мало. С завтрашнего дня все дети в школе пойдут на каникулы. Я договорился с преподавателями, и они будут приходить сюда и каждый день кроме субботы и воскресенья заниматься с тобой, Федей и Ваней. Симон Стивен будет учить математике, Симон Майр астрономии, Иоганн Кеплер физике, Питер

Рубенс рисовать, кроме того будет приходиться доктор ван дер Бодль и станет учить вас лекарскому искусству.

– И зачем мне лекарству учиться? – фыркнула княгиня.

– А вот представь, меня ранят, а ты за мной даже ухаживать не сможешь, – опять слёзы.

– Петя не уезжай!

– Надо, Маша, я же говорил, без меня не смогут. Слушай дальше. Ты с братиками продолжай ходить к травницам и отвары три раза в день пить. Я знаю, что ты здорова. Это не для того, чтобы вылечиться, а для того, чтобы не заболеть. Кроме того я поговорил с турчанками, они каждый день даже в субботу и воскресенье будут ждать тебя у себя и учить восточным танцам. Я хочу по приезду, чтобы ты мне танец живота сбацила. Ох, как я на тебя после этого наброшусь.

– А без танца на животе не набросишься?

– Тоже наброшусь, но не так. И последнее, я договорился с Мареном Мерсенном – это священник французский и доктором ван дер Бодлем. Они будут учить тебя латинскому, французскому и немецкому языкам, но не в классе, а во время пешей прогулки по тропе из жёлтого кирпича, на которой стрельцы с рейтарами тренируются. Она две версты, вот каждый день будете проходить по две версты, и разговаривать по-латыни и по-французски и по-немецки.

– Почему же нельзя это делать дома? – выпучила глаза ненаглядная.

– Ну, вы будете ходить, они будут показывать на всякие

деревья, цветы и называть, как это на их языке произносится. Кроме того прогулки на свежем воздухе полезны, а то я приеду, а вместо тебя толстенная корова на диване лежит. Нет, давай ходи. А ещё лучше, если и Ванечку с собой будете брать. Я с ним поговорю сегодня. Ну, всё кажись, теперь в баню и спать, завтра отправляемся.

Событие шестнадцатое

На один день раньше основного каравана ушла самая быстроходная лодья, со специально отобранными лучшими гребцами. Двенадцать таких мордovorотов набрали, что и подходить к ним страшно. В этой лодье плыли десять плотников и двое печников, да ещё полсотни мешков муки. Пётр боялся их отправлять одних даже без стрельцов, но по храмам и баракам у него сидело почти триста человек переселенцев, которые страшно устали от скитания по стране и хотелось, чтобы по приезду в Миасс их ждали уже готовые дома. Им ведь не до строительства будет, нужно целину вспахать и хлеб посадить. А ещё огороды вокруг домов раскопать.

В прошлый год справились только потому, что крестьян было не много, а народу приехало прилично, организовали колхоз и, пожалуйста, вытащили эту непосильную ношу. Может, колхоз это не дурь, может, не ошибался Сталин всех туда загоняя. Надо будет обдумать эту мысль конкретнее и по-

пробовать. Но сейчас ситуация совсем другая.

С захваченных шведами земель привезли пятьдесят семей переселенцев, и двадцать семей князь выбрал в Юрьев день. Выбирал молодых, у кого не больше одного ребёнка и так, чтобы не было двух семей от одного хозяина. Соседей разорять тоже не хотелось. Он даже послал потом Зотова и всем бывшим собственникам выдал по десять рублей и кадь «полуяровки». Совершенно спокойно мог бы этого не делать, но зачем ему тайные враги под боком. Кроме того, что ехало семьдесят семей крестьян, царь послал своим ходом ещё в самом начале зимы сто стрельцов. Хорошо хоть эти были без семей, выбрали молодых и холостых. Стрельцы должны были разделиться на все три вновь образованных городка. Двадцать человек должны поселиться в Михайловске, тридцать в Белорецке и пятьдесят в Миассе.

Царь, конечно молодец, но всем этим людям нужно где-то жить и что-то есть, та ещё головная боль. Да ещё ведь сто жён потом нужно будет найти. Не забывал Пётр и о заказе Бадику Байкубету купить у ногаев пленных, если те будут продавать. Он оставил пятьдесят рублей на это дело, при цене около рубля за человека, это может получиться пятьдесят человек. А ведь ещё был заказ воеводе Уфы Григорию Григорьевичу Пушкину кликнуть желающих переселиться на вольную землю черносошных крестьян и башкир. Сколько таких найдётся, неизвестно, но у него определённая слава и люди могут откликнуться. Вот и получается, что строить новых до-

мов придётся огромное количество.

Пётр скрепя сердце оторвал от Вершилово отправленных с первой лодьей мастеров. Тут тоже надо строить много чего. Но тут можно и зимой, а там нельзя. Там нужно как можно быстрее. Весь караван опять разделили на три части, в первой плыли двадцать стрельцов и семьдесят мужиков – главы крестьянских семей. Плюс три лодьи везли лошадей. Полуяров выбрал из пригнанного от шведов табуна этих пятьдесят по принципу, «что нам не гоже», но даже так лошади были на голову лучше обычных крестьянских кляч. Сами же крестьянские одры путешествовали в следующей части каравана, вернее даже в третьей части, вместе с купленными по всей губернии коровами и козами.

Вершиловцы со своими коровами расставаться не собирались. У многих уже и по четыре коровы было. Богатеет народ. Вот и скупали отовсюду, докуда руки дотянутся. Иван Охлобыстин всю зиму по губернии путешествовал, выбирая коров и коз для переселенцев. Набрали. Что ж, не набрать, когда есть деньги и желание.

Во второй группе плыли семьи и ещё двадцать стрельцов для защиты. Все свои стрельцы должны были осенью вернуться в Вершилово. Помогут переселенцам обустроиться и домой, раз царь батюшка послал стрельцов, то свои дома пригодятся. Кроме крестьян набрали ещё пять семей мастеров по губернии. Три семьи углежогов согласились перебраться на Урал и две семьи кузнецов. Последних можно бы-

ло бы и побольше набрать, да не из кого, всех кого по губернии нашли, уже в Вершилово трудятся. Надо будет на следующий год поискать во Владимирской губернии. Караван судов получился ещё больше чем в прошлом году, три группы по десять судов.

Надо будет позаниматься строительством более вместительных кораблей. Понятно, что они должны быть плоскодонные, вся Волга состоит из одних мелей, но если применить железный рангоут, то можно лодьи и шири и длиннее сделать. Тем более что где-то есть ведь и корабел из Голландии. Пётр отметил это себе в блокнотике.

Вчера перед отплытием князь успел забежать к Лукашу Доницу и заказать ему, изготовить пресс для чеканки медалей. Пётр решил поощрить всех участников набега на Швецию. Медаль называлась нейтрально «За северный поход». На аверсе была эта надпись, а на реверсе развевался Андреевский флаг над башней. Медалей на монетном дворе должны были начеканить двести пятьдесят. Князю Разгильдееву потом тоже надо выслать, заслужил. А уже заказывая медали Пожарский вдруг сообразил, что три похода на Урал тоже не простое испытание, пусть стрельцы потешатся. Вторая медаль называлась: «За освоение Урала». Их должны были начеканить двести штук. На реверсе медали поднимались вверх горные вершины. Пока не понятно было, сколько стрельцов побывало на Урале, да ещё плюс татары Разгильдеева. Ладно, будут лишние – переплавим, не будет хватать –

допечатаем. Медали Пожарский дал команду изготовить из серебра размером в стандартный серебряный рубль, так что особых трудностей монетному двору это составить не должно. Ну, всё. В путь! Теперь будет время отдохнуть и подумать о будущем.

Событие семнадцатое

Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков приехал в Вершилово через семь дней после отплытия Петра Пожарского. Приехал боярин со всем семейством и сотней стрельцов из полка Афанасия Левшина. Так уж получалось, что всех стрельцов в Вершилово отправляли из этого полка. Вот и на этот раз Государь решил традиций не менять. Боярин выбрал стрельцов, как царь и велел помоложе, а сотника наоборот взял самого опытного и разумного.

Перед отъездом у князя состоялся интересный разговор с Михаилом Фёдоровичем. Боярская дума вопреки возражению царя постановила практически единогласно вступить в союз с Густавом Адольфом и летом идти воевать у ляхов Смоленск. Патриарх Филарет попытался образумить бояр, но те удила закусил и ни кого слушать не захотели. Вся неповоротливая военная машина пришла в движение, проверялось вооружение стрелецких полков, закупался у французов и англичан порох, лились пушки, собиралось дворянское ополчение. Тем более было странным отправить целую

сотню стрельцов в противоположную от Смоленска сторону.

– Владимир Тимофеевич, – начал Государь, – Съездил бы ты в гости к старшей дочери. Чай соскучился уже.

– Съездить-то можно, а стрельцы на что?

– Да хвалились мне люди Петруши Пожарского, что учит он стрельцов по особому, и что его сотня побьёт в бою целый полк стрелецкий. Вот и сравнишь тех стрельцов, что в Вершилово с теми, что с собой возьмёшь. Стрельцы из одного полка, сильно-то отличаться не должны. Полк Афанасия Левшина и так из лучших.

– Хорошо, Государь, устрою им испытание, а дальше что? – недоумевал боярин.

– Что ты думаешь, князь Владимир, о нападении ляхов на шведа у Нарвы? – переменял резко тему Михаил.

– Странное нападение, захватили без пушек две неприступные крепости, разбили шведскую армию и исчезли, – пожал плечами боярин.

– Более того скажу тебе, Владимир Тимофеевич, послал я, как услышал об этой диковине, к границе дьяка Тайного Приказа Трофима Возкова. Вот намедни он вернулся и такие новости привёз. Увели ляхи эти несколько деревень, что были возле крепостей Ям и Ивангород, всех до последнего старика забрали, а сами деревеньки сожгли. И было тех ляхов совсем немного, сотня драгун, да сотня рейтар, да меньше полсотни крымчаков.

– Крымчаки-то там, откуда? – вскинул брови князь.

– Вот, дальше – больше. Разбили эти две с половиной сотни армию лучшую в Европе и своих ни одного не потеряли, а шведов было гораздо более тысячи. Так они их всех раздели и в горы сложили. Ничего это тебе не напоминает?

– Зятёк мой так с ворогами поступает, говорит в книге, про Цезаря такое вычитал, – согласно покивал Долгоруков, – А крымчаки?

– Есть у Петруши спутник во всех его походах – татарский князь Баюш Разгильдеев. Зело воинственный тот князь. Все сражения всегда выигрывает, и всегда не просто победа у него, а разгром полный. Я ему даже грамотку в прошлом году послал на освобождение пожизненное от налогов любых за доблесть его и пользу для Руси.

– Так ты, Государь, думаешь, что зятёк мой с князем татарским шведов погромили? Зачем это им?

– Сдаётся мне, что таким способом несколько целей надеялся достичь Петруша, первое, конечно, шведов с ляхами сильнее рассорить. Как видишь, полностью удалась сия задумка. Адольфишка даже крепость Ям сулится нам отдать, если поможем ему в войне с Сигизмундом, – усмехнулся Михаил Фёдорович.

– Какая же, другая цель? – согласно покивал боярин.

– А войско князь Пожарский своё испытал. Как думаешь, боярин, успешно?

– Двести пятьдесят человек прошли больше тысячи вёрст, захватили две крепости неприступные без единой пушки,

разбили целую армию лучшую в Европе и, забрав крестьян, вернулись, ещё тысячу вёрст проделав. Под силу ли это отроку, пусть даже с князем Разгильдеевым? – сказочная картина вырисовывается.

– Вот и съезди, князь, в гости к дочери. Если всё, как мы и думали, то не могли людишки не проговориться, про викторию над Шведским Королевством. Один по секрету жене, второй, и всё Вершилово уже во всех подробностях о том походе Петра Дмитриевича «на Новгород» всё знает, – царь пожевал губы и чему-то про себя покивал головой.

– Да под силу ли это Петруше, ведь всего пятнадцать годов, тут старший Пожарский с Одоевским бы спасовали? – всё-таки сомневался Долгоруков.

– Конечно, не один из воевод бы с такой задачей не справился, – утвердительно кивнул царь, видно об этом же и думавший, – Только умеет Пётр Дмитриевич советников правильных находить. Вон всех лучших учёных смог из Европы к себе переманить. Я архитектора Шарутина искал по всей Руси, чтобы Кремль после ляхов восстановить, а он Пожарскому младшему соборы строит. Мы не можем найти хорошего мастера по монете, чтобы рубли начать чеканить, а он нашёл лучшего в Европе. И так во всём. Где-то нашёл он князя Разгильдеева, где-то командира рейтар Шварцкопфа, научился у них, да сам у того же Цезаря в книжках прочитал чего, вот и нет шведов. Ты видел, что они вдвоём с одним из стрельцов его на подворье Колтовских училили? Два связан-

ных человека поубивали почти три десятка одоспешенных и обученных воинов, не сказка ли? – Царь разгорячился, даже руками замахал.

– Хорошо, Великий Государь, съезжу я к зятюкь своему, поузнаю про шведов и стрельцов спытаю, а дальше что? – спросил о своём боярин.

– Учи сотню эту и сам перейми всё новое из науки воинской. Сдаётся мне, не простая война будет с ляхами. Не готовы мы ещё к этой войне. Ещё старые раны не зализали. Зря бояре кулаками трясли. Хоть ляхов турки и побили, да и шведы год назад потрепали, но сильны ещё проклятые. Езжай князь Владимир Тимофеевич, поучись побеждать у отрока пятнадцатилетнего, чувствую, пригодится опыт сей.

Событие восемнадцатое

Казань встречала хмурой погодой, даже дождём, словно осень, а не весна. Пётр простыл. Да, потому, что сидел всё время на носу корабля в кресле и мучил записную книжку. Вот его и продуло. Весна-то весной, а ветерок всё одно холодный. Он заварил себе лекарственный сбор из мешочка с вышивкой: «От простуды», и кашлял себе в каюте, когда в неё вломился мытник.

Хотелось крикнуть товарищу, чтобы он пошёл вон, но Пожарский понимал, что это обычный служащий, и не его вина, что князь батюшка прихворнул. Пётр выдал мытнику гра-

мотку царёву на освобождение от всех налогов и сборов данного каравана и проводил погрустневшего слугу Государя до пристани, где и был найден посыльным от воеводы. Князь Одоевский Иван Никитич Меньшой приглашал князя Пожарского Петра Дмитриевича Меньшого отобедать к нему в Кремль. Понятно, как же без этого. Это уже традиция. Придётся опять водку пить и здравицы произносить. Предвидя это, Пётр захватил из Вершилова десяток бутылок «Виски» и столько же «Особой столичной». Может сорокаградусное пойло воевод казанских быстрее угомонит, чем мутное хлебное вино и мёд стоялый.

Так и вышло, князя Одоевский и Куракин Фёдор Семёнович наклюкались чрезвычайно быстро, что позволило Петру сбежать с пира, оставив воеводам пару бутылок на опохмелку, и улечься спать у себя в каюте под двумя одеялами.

Утром он с двумя стрельцами пошёл на рынок. Почти каждый раз он находил на нём всякие полезные для себя вещи, то верблюдов, то коней «кохейланов», то гарем, то Бебезяка. Повезло и на этот раз. Во-первых, он купил пять верблюдов, два самца и три самки. Во-вторых, прогуливаясь по рядам рабов, он увидел выставленного на продажу вездесущими казаками человека явно кавказской внешности. Товарищ оказался из Дербента, купец тамошний, которому не повезло повстречаться с казацкой чайкой. Был этот абрек по имени Таймураз шуплым малым и обошёлся Петру всего в

два рубля. Ни на одном из знакомых Пожарскому языках горец не говорил, но ничего, у него же есть целых три турчанки. Дербент ещё недавно входил в Османскую империю, и Пётр позднее намеревался устроить на него набег. С целью поссорить турок с шахом, но это в будущем.

И ещё одну замечательную покупку совершил князь у того же казака. Покупка была лекарем из Хивы, и с ней (с покупкой) было два юноши, его ученика и одна девушка, кто она такая казак не знал, но просил за неё десять рублей, уверяя, что она девственница. Пётр не стал разделять этот квартет и купил всех за двадцать пять рублей. Деньги большие, но арабский врач мог того стоить.

Купленный дядечка стал о чём-то кричать и заламывать руки.

– Чего он хочет? – спросил князь у довольного сделкой казака.

– Да, он всё над книгами своими трясётся, хочешь и их купи? – пояснил работорговец.

– Где они и чего ты за них хочешь? – претворился совершенно равнодушным Пожарский.

– Вот сундук стоит, если все возьмёшь, уступлю за десять рублей, махнул рукой казак, видно отчаявшись продать арабские книги в Казани.

– Хорошо, – Пётр вручил казаку новый золотой червонец и склонился над сундуком, там было штук пятнадцать огромных книги в кожаных переплётках, понятно, делать нор-

мальные переплётыв удел только Шваб.

– Везите всё это на корабль, нет, стоп. Этих товарищей и верблюдов отведите на пристань и поищите корабль, что доставит их до Вершилово. Купец или хозяин корабля пусть подойдёт ко мне через пару часов, я с ним рассчитаюсь.

Дальше Пожарский пошёл по рынку один и заметил, что давешний казак следует за ним по пятам, неумело маскируясь.

Польстился на деньги, решил князь, и не ошибся. В одной из подворотен, в которую Пётр завернул намеренно, якобы, чтобы справить малую нужду, товарищ на него напал с длинным кинжалом в руке. Пётр руку ему сломал, кинжал забрал и все потраченные на рабов и книги деньги тоже, там даже немного и сверху было.

– Вот зачем тебе это надо было, я ведь честно с тобой рассчитался, – Пётр сломал ему все пальцы на второй руке и отправил в нокаут ударом ребром ладони по затылку.

Всё пора возвращаться. У этого разбойника должна быть целая лодья сподвижников. Одному в людном месте встречаться с целой шайкой не хотелось. Пришлось планы менять, брать рабов и книги с собой в Миасс, а в Вершилово отправлять только верблюдов. А то ещё прицепятся казаки к ни в чём не повинному купцу. Уплыли через час. Впереди ждал нефтепромышленник и Уфа.

Событие девятнадцатое

Янек Заброжский стал отцом во второй раз. На этот раз родилась девочка. Тесть опять закатил пир на всё Вершилово. Дочку по его просьбе назвали Анна Мария, в честь матери уважаемого пивовара. Празднование шло уже второй день, когда в Вершилово начался переполох, приехал со всем семейством и десятком слуг отец княгини Пожарской боярин Долгоруков Владимир Тимофеевич. Да, ладно бы один приехал. Нет он припёрся во главе сотни стрельцов всё того же московского полка Афанасия Левшина. С ними был и сотник – боярский сын Пётр Костров.

Надо было срочно с праздником завязывать и заниматься гостями. Как назло ни Зотова, ни Крчмара в Вершилово не было. Они ещё неделю назад уехали с группой дорожных рабочих в Вязники. Нужно было дотянуть эту замечательную дорогу до Владимира. Стрельцы по счастью оказались без семей и прибыли не навсегда, а только до осени. Уже легче, часть можно в казарме поселить, а часть распределить по пять человек в новые дома, ждущие переселенцев.

Единственная проблема была организовать помывку людей и прожарку одежды и тряпья, что они с собой привезли. Хотя нет, это как раз решилось легко, русские люди к бане привыкли и к подчинению командирам тоже, сказали прожарить вещи, значит нужно прожарить. А вот с лошадьми

намучались. Сразу разместить сто с лишним коней не просто. Пришлось по-всякому изгаляться, ладно уже тепло, хоть тёплых конюшен не надо.

С боярином Долгоруким тоже намаялись. В баню он и сам с дороги попросился, а вот прожаривать вещи отказался. Пришлось вызывать отца Матвея и доктора ван дер Бодля. Хорошо ещё дочь помогла, княгиня Мария сказала, что в дом вшей и блох не пустит, только привыкла к чистоте, а тут десяток дворовых со своими насекомыми. Боярин хотел бы руки распустить, но дочь с Фёдором Дмитриевичем Пожарским встали насмерть, Пётр Дмитриевич не велел.

Вот спрашивается, чего упёрся, неужели нравится с клопами и тараканами жить? Отец Матвей утихомирил боярина, в чём беда-то, ну полежат вещи часок в жарко натопленной бане, зато все клопы издохнут, а они болезни разносят, ту же оспу. Али ты против бога попёр боярин, который заповедовал тело в чистоте держать?

Вся дворня в княжий терем не вошла, пришлось размещать их в соседнем тереме, что построили в ожидании профессоров из Франции и Италии. Князю Долгорукому поднесли чарку новой водки «Медовая с перцем», тот отпробовал и успокоился, велел после бани бутылку этой водки ему в горницу занести, отдыхать боярин будет. Ну, и хорошо, Матка Бозка, может хоть вечер пройдёт спокойно.

Янек на следующее утро собрал сотников и других командиров отрядов. Собрались в новом доме, который Пётр По-

жарский именовал на немецкий манер «штаб». Были Малинин, Шварцкопф, Козьма Шустов, Афанасий Борода (командир десанта) и Бебезяк (командир десятка лучников). Всего в Вершилово размещалось триста пятьдесят пять военных: две сотни стрельцов под командованием Ивана Малинина и Козьмы Шустова, сто двадцать пять рейтар под командование Виктора Шварцкопфа, два десятка десантников Афанасия Бороды и десяток лучников Бебезяка.

– Как думаете, вои, зачем боярин Долгоруков с собой сотню стрельцов до осени привёз? – обратился к собравшимся Заброжский.

– С этим всё понятно, хотят проверить, правда ли мы лучше остальных стрельцов, как царю батюшке говорили. Именно поэтому и сотня из полка нашего. Не понятно другое, дальше-то что? Ну, и увидит князь Долгоруков, что стреляем мы лучше, бегаем быстрее, по верёвкам лазать умеем и в сабельной рубке превзойдём сотню Петра Кострова. А дальше что? – развёл руками Малинин.

– Сдаётся мне, что привели сюда сотню эту, чтобы опыт наш перенять, – с усмешкой на украшенном сабельным шрамом лице проговорил Козьма Шустов.

– Знамо дело, – поддержал его Афанасий Борода, – Что ж, своим-то можно и показать всё, что умеем и поучить. Вот только четыре месяца больно малый срок.

– Ладно, будем их учить, – подвёл итог совещанию Янек, – Вы только про поход к шведам в гости не хвастайтесь. Ходи-

ли мы в поход к Новгороду Великому и обратно через Псков и всё.

На этом совещание закончилось, а через пару часов их в том же составе собрал князь Долгоруков.

Событие двадцатое

К мурзе Бадику Байкубету заехали в яркий солнечный день, скоро и весна кончится. Толстенький башкир не подвёл, на берегу Белой стояло сорок бочек нефти и небольшой лагерь. Лагерь можно было разделить на две половины. В одной были башкиры и во второй были башкиры, только вот одна половина охраняла другую. Мурза на оставленные князем пятьдесят рублей выкупил у ногаев полонённых теми почти полсотни башкир. Стариков и детей не было. Были молодые мужчины числом тридцать восемь и девять девушек или молодых женщин.

Предвидя, что мурза Байкубет с его просьбой по покупке рабов справится, Пётр нанял в Казани две лоды до Уфы. В них пленников и загрузили. Кроме того князь расплатился с мурзой за заготовленную шерсть, набралось на полный корабль. Сколько валенок понаделаем.

– Бадик, у нас ведь с тобой взаимовыгодная торговля, или тебя, что-то не устраивает, – спросил сидя в юрте у гостеприимного башкира Пожарский.

– Нет, дорогой, всё хорошо, – взятый в Казани до Уфы

специально для этой беседы переводчик повторил широкую улыбку мурзы.

– А сможешь ты больше земляного масла добывать? – задал главный вопрос князь.

– Немного больше могу, бочек шестьдесят могу. Больше – трудно, работа тяжёлая, нужно болотную жижу собрать, отстоять, сверху земляное масло слить, опять отстоять, и только тогда разливать по бочкам, – мурза во время перевода продолжал качать головой, показывая, какой это долгий и тяжёлый процесс.

– И чего тебе не хватает, людей, бочек, времени или самого земляного масла? – попытался уточнить Пожарский.

– Всего не хватает и людей и бочек.

– Так купи людей у ногаев или найми из других деревень, – посоветовал Пётр.

– Я бедный мурза, где мне взять денег для покупки рабов? – расплакался Байкубет.

– Хорошо. Вот тебе сто рублей. Купишь себе рабов, но с этого раза будешь поставлять по сто бочек два раза в год. Пойдёт такая сделка? – Пётр показал мурзе десять новых золотых червонца.

Башкир попробовал монету на зуб, не из свинца ли. Затем прикинул на вес и просиял.

– С тобой хорошо иметь дела князь Пётр Дмитриевич. Будет тебе сто бочек осенью.

– И шерсти можешь тоже побольше заготовить, всю возь-

мём.

За нефтью и шерстью должны были вернуться купцы на двух лодьях, что подрядились доставить рабов до Уфы.

В Уфе ничего за зиму не изменилось, только ещё больше постарел воевода Григорий Григорьевич Пушкин. Пожарский опять привёз ему витаминную настойку от цинги, пусть дедушка подольше проживёт. Хороший воевода, побольше бы таких на Руси. Не о своём кармане думает, а о государстве.

Оказалось, что посланная Государем стрелецкая сотня давно Уфу покинула. Воевода выделил им семь лодей. И от себя послал до Михайловска десяток плотников, чтобы переселенцам сразу дома срубили. Кроме того навербовал Пушкин десять семей черносозных крестьян, пожелавших переселиться в Михайловск. Они уже тоже были отправлены на трёх кораблях. Замечательно, блин. Пётр заплатил Пушкину по списку и от себя добавил, явно не купающемуся в роскоши старичку ещё фарфоровую шкатулку с двадцатью новыми золотыми червонцами. Заслужил, что уж тут сказать.

Задерживаться в Уфе долго не стали, Пётр отужинал с воеводами и на следующий день, по заведённой привычке, прошёлся по базару. Он надеялся встретить китайца или монгола, что в прошлый раз продал ему яков. К сожалению того не было. Пришлось опять договариваться с Пушкиным, что если оный появится, выкупить у него всех яков и чай и отправить всё это незамедлительно в Вершилово. Деньги на

это Пётр Пушкину тоже оставил. Зато князь купил всех овец и коз, что были на рынке и нанял три кораблика, чтобы всё это переправить в Белорецк.

Там ведь ждут обещанного ногаи, да и купленным башкирам нужно отары заводить.

Ещё на рынке князь увидел продающего неплохие поделки резчика по дереву и уговорил его переехать в Вершилово осенью, когда корабли поплывут назад. В целом, если бы не отсутствие яков набег на Уфу можно было считать удачным.

Событие двадцать первое

Князь Долгоруков, наверное, не был таким довольным жизнью никогда. Дом зятя и дочки был просто замечательным. Взять хотя бы умывальник, не надо выходить во двор, чтобы сполоснуться после сна. Подошёл к «умывальнику», открыл красивый фарфоровый краник и из него льётся тонкой струйкой тёплая вода. Красота. Потом эта настойка, которой надо по утрам рот полоскать, чтобы зубы не болели. Тоже красота, вкусная, даже если и проглотишь чуток, а во рту потом холодок остаётся. Из чего только сделали её травницы. А заморский «туалет», что на первом этаже дома в специальном пристрое. Не надо ни каких горшков, сел на стульчик сделал все дела и дёрнул за верёвочку, откуда-то вода потекла, всё смыла и куда-то утекла. Прямо как в сказке. А какие иноземные блюда готовит кухарка Петра Дмит-

риевича. Одни пельмени со сметанкой чего стоят, а «кукуруза» варёная с солью, одно объедение. Вот умеет же зятёк окружать себя диковинами разными. Те же конфеты шоколадные мёстле, можно гору съесть, а всё хочется.

А как дом обустроен, все стены картинами завешаны, богини всякие римские и из Евангелия сюжеты и из Ветхого Завета. Хороших художников пригласил Пётр Дмитриевич из Европы. А диван с креслами, это тебе не лавки, сидеть мягко и удобно, даже подремать можно. И каких только фарфоровых безделушек нет и девицы разные и собачки и лошади разных пород и расцветок и животные диковинные, Марюшка говорит, что таки, по словам Пети и правда живут в заморских станах. Вот хоть зверь этот кенгуру, что детёнышей после рождения год в сумке таскает. Каких только тварей Господь не создал.

За всем этим не забывал боярин и того зачем его Государь в Вершилово послал. Устроил он испытание по мушкетному бою. И обмер. Мушкеты у Пожарского переделаны так, что поджигать фитилём не надо. Просто спускай курок и всё. Бывают, правда «осечки», но не часто, да и не страшно, взвёл опять курок и стреляй снова. А всё немцы с французом на выдумывали. Это ведь и проще стрелять и быстрее.

Испытания на меткость огненного боя князь устроил так. От каждой сотни размещённой в Вершилово выделили по пятьдесят человек и все сделали по два выстрела, тоже сделали и с сотней Кострова. Даже и вспоминать не хочется. Как

бы и виноватым себя чувствуешь. Это кого же он в Вершилово с собой привёл. У Кострова из ста выстрелов в цель попало двадцать три. У сотни Ивана Малинина девяносто пять, у сотни Козьмы Шустова девяносто один, у рейтар Шварцкопфа восемьдесят четыре, а отдельно выстреливший десяток Афанасия Бороды из двадцати выстрелов сбил двадцать мишеней.

Затем князю продемонстрировали конвейер. Стрелков получается в три раза меньше, а выстрелов за тоже время в два раза больше. Понятно теперь, как шведов побили. Нужно учиться стрелять. Но князя, когда он приказал пришедшей сотне Кострова тренироваться по сто выстрелов в день, остановил воевода вершиловский Янек Заброжский.

– Давай, Владимир Тимофеевич, мы их поучим, а то они порох пожгут и пищали свои в негодность от множества выстрелов приведут, а толку не будет. Мы знаем, как надо учить, мы и научим.

Князь даже и спорить не стал, так даже лучше, а что от частой стрельбы ствол раздувает, всякий знает, а пищаль или мушкет более двадцати рублей стоит.

Потом устроили испытания по бегу, все вершиловцы уже давно сидели лясы точили после пробежки на две версты, даже запыхавшихся не было, а костровцы всё тащились и тащились, последние вообще еле добрались и в свежую травку носом зарылись. Срамота.

Показали боярину стрельбу из лука десятка особого под

командование ногай Бебезяка. Стрелы просто одна в другую в мишени втыкались. Правда, что и белку в глаз выцелят. Продемонстрировали два десятка Афанасия Бороды, как с помощью крюка специального и верёвки с узлами можно на стену высоченную в несколько мгновений взобраться. Вот, значит, как они крепости у шведа забрали. И в самом деле, зачем здесь пушки.

Что шведов разбили вершиловцы, князь уже прознал, Федя Пожарский проболтался за обедом, но допроса никому Владимир Тимофеевич устраивать не стал, только пользу Руси тот набег на шведов принёс, пусть раз хотят тайну хранить, то и хранят.

Долгоруков охочих забраться на стену по верёвке из сотни Кострова выкликнул, и даже рубль посулил. Опять срамота. Двое правда забралось, а пробовала-то почитай вся сотня. Ведь и правда получается, что вот эти три с половиной сотни воев вершиловских легко тысячу остановят. А две? Князь задал этот вопрос Шварцкопфу, немец хвастать не будет.

– Если с Петром Дмитриевичем, то и две, – на ломанном ещё, но вполне понятном русском ответил сотник.

Вот так!

– Четыре месяца у вас есть, – сказал после испытаний князь воеводе Заброжскому, – Учите всему, чему нужно и поблажек не давайте. Я сам буду на всех занятиях присутствовать. Такой мне наказ Государь дал.

А что, с такими-то воями и Смоленск с Черниговом мож-

но отбить у ляхов.

Событие двадцать второе

В Михайловске жизнь была ключом. Плотники и стрельцы отодвигали наружную стену крепости подальше от берега реки ещё метров на триста. Понятно, когда Пётр её строил, всех стрельцов-то было десять человек. Теперь количество стрельцов увеличилось до пятидесяти. Кроме этого, по словам воеводы сотника Игнатия Тихонова будут ещё рубить две казармы по образу уже имеющейся и пять домов.

А на другом берегу реки росло поселение, починок, так сказать, но было в том починке уже двадцать крестьянских семей. Мужики пахали целину, бабы с детьми мотыгами вручную разрабатывали огороды. Дома крестьянам уже построили. Это были, конечно, не те дома, что в Вершилово – обычные полуземлянки с односкатной крышей крытой тёмсом и очагом внутри вместо двух печей. Вот, блин, не уследил, корил себя Пожарский. Куча труда в холостую. Придёт-ся в следующем году отправлять сюда плотников и печников и начинать всё заново.

Нет, эти крестьяне не имели к нему никакого отношения, и можно было смело махнуть на них рукой, пусть как умеют, так и живут, он и так помог им, спас от холопства и переселил хоть на сотню километров, но на юг, в целинные плодородные земли. Но чувствовал Пётр за них ответственность.

Он не разорится, если построит двадцать нормальных домов с банями и всеми хозяйственными постройками и двумя печами, топящимися по белому. Да и коров с козами сюда привезти нужно. Зато двадцать семей будут жить лучше и дети у них не будут с голоду и от холода зимой помирать. Так по крохотному шажку и можно вытянуть Русь из многовекового сна.

Это ведь не правильно, там, в Европе уже арифмометр изобрели, и теорему свою Ферма вот-вот докажет, а у нас один грамотный на сотню человек и живут люди в землянках. Какая нафиг теорема, если половину детей не дожив до пяти лет умирает.

Остановились в Михайловске только на ночёвку, и так опаздывали уже с посевом, правда, Пётр в тайне надеялся, что у мэра Миасса Шульги хватит соображаловки вспахать поля на новых переселенцев. Он, естественно, не знает, сколько человек привезёт Пожарский с собой, но семей на двадцать должен был рассчитывать. Вот и посмотрим, так ли хорош этот антикризисный менеджер, сохранивший Казань во время смуты.

Ещё неделю выгребали против течения, вверх по Белой, пока не достигли, наконец, первого порога. Оп – па! А порога-то и нет. Камни все вытащены на берег, а само дно реки углублено. Молодец Шульгин, просто молодец. Это на целый день время в дороге уменьшает. Вечером этого дня и пристали к большому новому причалу Белорецка, у которого оди-

ноко покачивался на волнах один единственный кораблик. Это посланные вперёд плотники уже четвёртый день стучали топорами.

Встречал на причале переселенцев сам Никита Михайлович Шульга. Они крепко обнялись с Пожарским.

– Давайте разгружаться, – скомандовал Пётр, – Ещё пара часиков светло будет.

Стрельцы, посланные царём, уже тоже добрались, пять людей, идущие назад в Уфу, попались Пожарскому навстречу, только они миновали Михайловск. Сейчас в Белорецком остроге было тридцать пять стрельцов, пять старожил и тридцать молодых пацанов царь батюшка прислал. Вот спрашивается, о чём он думал, посылая сюда холостяков. Где они себе в тайге жён найдут. Вогулок, конечно можно поискать, но эти дети лесов на любителя, себе бы такой жены Пётр не хотел. Нет, среди них попадаются вполне милovidные, но привычки и образ жизни, сколько надо время, что их в русскую бабу превратить. Придётся на следующий год организовывать караван невест. Где б взять их ещё?

В Белорецком решили оставить семь семей переселенцев из деревни Климки, которая была недалеко от Ивангорода. Здесь уже жили две семьи, теперь будет десять. Один из взрослых сыновей старосты села Матвея Бороздина, уже женатый, решил от родителя отделиться и жить самостоятельно, раз дом полагается бесплатно.

Плотники за четыре дня подняли уже с помощью стрель-

цов десятков домов и сейчас строили два барака для холостяков. Завтра обещали закончить. Вот все вместе и тронемся в Миасс. Шульга оправдал надежды князя. В Белорецком силами пяти стрельцов и двух живших уже здесь крестьян было распахано пять участков для переселенцев. Никита Михайлович лишь чуть не угадал, нужно было восемь, но вдесятером, да с помощью трёх десятков стрельцов, мужики три недостающих участка завтра за один день поднимут, а на следующий день уже и посеют рожь и пшеницу.

Мэр Миасса рассказал, что в самом Миассе подготовлено тоже двадцать участков. Вот это мало. Пётр шестьдесят три семьи привёз, да ещё кто ни будь по намеченному младшим Бороздиным Пахомом пути пойдёт, захочет выделиться из семьи. Ну, что уж теперь, народу приехало много, недостающие участки за пару дней подыдем, лошади есть, желания хоть отбавляй. Сдюжим.

Событие двадцать третье

Рене Декарт получил письмо от Марена Мерсённа. Письмо было запредельно странным. Оказывается его друг и соученик по иезуитскому коллежу Ла Флеш сейчас в Москве. Они закончили коллеж в теперь уже далёком 1612 году. Как быстро летит время. Марен давно стал священником, а сам Рене солдатом, но они продолжают переписываться. Но вот уже почти год от его друга не было ни одного письма.

Оказывается он уехал в Московию. Сам Рене сначала воевал в Голландии, потом в Германии, где участвовал в битве за Прагу, которую протестанты бездарно проиграли. Потом снова была Голландия, где Рене познакомился с выдающимся учёным Исааком Бекманом, рьяным кальвинистом. Оказывается Бекман сейчас тоже в Московии, живёт в одном городе с Мареном. Странно. Оставив военную службу, Рене поселился в Париже и снова свёл знакомство с Мерсенном. Тот переписывался со всеми учёными и художниками Франции, да и всей Европы.

Декарт собирался вновь надеть форму и поучаствовать в осаде Ля-Рошели, сражаясь с очередными отступниками веры, когда получил письмо от старого друга и приглашение переехать в Московию (Марен называл её Россией), где есть сказочный город Вершилово в Пурецкой волости. Понятно. Кто в Европе сейчас не знает словосочетания «Пурецкая волость». Там делают перьевые ручки, там делают чернильницы непроливайки, там делают бесподобную белоснежную бумагу. А фарфор из Пурецкой волости, его могут себе позволить только очень богатые люди. Да там делают всё, что дорого. Дорогие вазы из цветного стекла, дорогой сыр, дорогую водку в стеклянных бутылках. Рене только один раз довелось попробовать, что ж, это был неплохой напиток. Там, наконец, изобрели средство от цинги. Любой грамотный человек в Европе знал, что есть Пурецкая волость, а вот Марен Мерсенн взял да и уехал туда, поближе к чудесам.

Его друг пишет, что все лучшие учёные Европы собрались там. И им всем выделили «кабинеты» для работы в огромном здании Академии Наук. Можно просто постучать в соседнюю дверь и пообщаться с Симоном Стивеном или Исааком Бекманом или даже с Иоганном Кеплером. Все уже там. И со слов Марена там просто райские условия для жизни. Просто удивительно. Самое интересное, что напротив стоит такое же огромное здание Академии художеств, которой руководит сам Рубенс, который переехал из Антверпена вместе со всеми своими учениками и даже ни одного растиральщика красок не оставил в Голландии, всех перевёз в это Вершилово.

Мерсенн пишет, что туда почти каждый месяц продолжают съезжаться учёные со всей Европы, недавно приехали все профессора Тюбингенского университета вместе с жёнами детьми и слугами. Уму непостижимо. Собирает всех учёных князь Пожарский и это именно он производит бумагу, фарфор, вазы из цветного стекла, перьевые ручки и даже шоколадные конфеты мёстле, за которыми гоняется вся Франция.

Марен от имени князя приглашает Декарта к себе заниматься наукой в новой Академии и пишет, что если нужны деньги, то можно зайти в новомодный банк «Взаимопомощь» и сказать, что деньги нужны на переезд в Вершилово. И тебе их дадут, просто подарят, причём ещё и переезд организуют. Такого просто не может быть. Ещё старый друг советовал объединиться с Баше Мезири́аком и с их общим

другом Флоримоном де Боном и Жераром Дезаргом, всем им тоже выслано приглашения на переезд в Вершилово. Мерсенн советовал нанять для охраны пару десятков мушкетёров, идёт война дороги не безопасны, а князь Пожарский всегда предлагает остаться иноземным солдатам на очень выгодных условиях.

Декарт задумался, приглашения получили все его друзья, а все его кумиры уже там. Стоит ли ему ехать? Очень далеко в варварскую Московию? Эти «варвары» делают вещи, до которых не могут додуматься лучшие умы Европы, а теперь уже и не смогут додуматься, потому что они уже там, у варваров и просто ходят друг к другу в соседний «кабинет». Что ж, для начала нужно встретиться с вероятными будущими попутчиками и прогуляться до этого самого «банка». Про него тоже рассказывают разные чудеса, и там ссуду выдают в русских рублях и червонцах, замечательные, красивые монеты, все хотят иметь у себя хотя бы серебряный рубль, что уж говорить о золотом червонце, недостижимая мечта.

Событие двадцать четвёртое

Король Франции Людовик тринадцатый сидел за бюро в своём кабинете и перебирал в руках монеты. Монет было несколько, три монеты были серебряные и две золотые. Самое интересное, что серебряные монеты были одного достоинства, веса и размера и отличались только рисунком на ре-

версе. На одной был бородатый мужик и надпись на непонятном языке, на второй герб, канувшей в Лету Восточно-римской империи, а на третьей изображение какой-то крепости с высокими красивыми башнями. Золотые монеты были разного веса и достоинства. На одной, которая побольше была цифра 10 на маленькой цифра 5.

– Итак, господа я просил узнать вас всё об этом банке «Взаимопомощь», – перед Людовиком находилось два человека, интендант финансов Жанен и шеф полиции Парижа Гильберт Госс.

– Разрешите доложить, сир, – начал Жанен, и, дождавшись кивка монарха, продолжил, – «Банк» это просто большая меняльная и ростовщическая контора.

– Вот как? И почему же эти ростовщики осмеливаются печатать монету прямо в Париже? – Людовик покрутил в пальцах червонец.

– Они не печатают эту монету, государь, – вмешался полицейский, – Это валюта страны «Московия».

– Московия, это где-то за Османской Империей?

– Не совсем так, Ваше Величество, Московия находится к востоку от Речи Посполитой или Польши, – поправил интендант.

– Вы знаете, что написано на монетах? – Людовик указал на надпись на одной из монет.

– Очень тяжело найти людей знающих язык этой Московии, но один из купцов, что там бывал, сказал, что это монета

один «рубль», а надпись означает «Российская империя», – неуверенно ответил Госс.

– Империя? Почему же я раньше не слышал об этой империи и при чём здесь Московия? – король начинал злиться, простой на первый взгляд вопрос превращался в полную неразбериху.

– Рубль это национальная валюта Московии, столица, которой город Москва, со слов того же купца, гораздо больше Парижа. А некоторое время назад, примерно лет пятнадцать, один из её прошлых правителей, ставленник Польши и Ватикана провозгласил себя императором, но никто кроме Польши тогда этого не признал. «Россия» – это второе название их страны. Ну, как бы, если нас называли «Галлия», – Госс аж вспотел, поясняя всю эту галиматью королю.

– Значит ещё одна азиатская империя, – усмехнулся Людовик, – И насколько она велика.

– Точных данных нет, Ваше Величество, но со слов купцов побывавших в Москве, Московия больше всей Европы в несколько раз.

– Что?! Больше всей Европы и я не знаю об этой империи ничего, – Людовик вскочил из-за бюро и прошёлся по кабинету, чиновники поворачивались вслед за ним.

– Ваше Величество, точных данных нету, но все же по слухам из одного конца в другой конец Московии нужно добираться на лошадях несколько лет.

– Такая огромная страна, почему же она не захватит всю

Европу? – Людовик заходил ещё быстрее.

– Сир, там очень мало народу, один город находится в сотнях лье от другого, а между ними только снежная пустыня.

– Ладно, оставим пока эту «империю», что с «банком»?

– Банк основал французский дворянин Клод де Буше. Но деньги не его, он только управляющий. Все до единого работающие в этом банке французы, ни один не связан с преступностью, обычные добропорядочные обыватели, – доложил интендант финансов.

– И кто за этим стоит? – усмехнулся Людовик.

– По нашим данным евреи, – вставил свою информацию Госс.

– Опять евреи, чем же их не устроила обычная ростовщическая контора, и при чём здесь деньги московитов и самое главное, что это приносит Франции вред или пользу? – Людовику всё это надоело, и он злился, совершенно запутанная история и никто ничего не может толком объяснить.

– Ваше Величество, – сглотнув, начал интендант Жанен, – Банк несомненно приносит пользу Франции, он выдаёт ссуды под открытие новых мануфактур или расширение старых и значит способствует развитию производства, кроме того его деятельность позволяет увеличить сбор налогов. Что же до Московии и её денег, скорее всего евреи, взяли в долю одного из богатых людей этой страны.

– Возможно, а вы заметили, господа, что их монеты просто великолепны, наши гораздо более худшего качества, –

король снова повертел в руках червонец.

– Здесь нет ничего удивительного, все, что делается в Московии, намного превосходит по качеству изделия любой другой европейской страны, – с вымученной улыбкой сообщил интендант.

– Как это?

– Ваше Величество, на вашем бюро лежит перьевая ручка из Московии, оттуда же и чернильница. Весь фарфор, завозимый во Францию, из Московии. Бумага, стеклянные вазы и бутылки, шоколадные конфеты, что лежат у вас на бюро, скорее всего большая часть украшений вашей жены, по крайней мере, та великолепная корона с изумрудом, и ещё множество вещей изготовлены в Московии в «Пурецкой волости».

– Что такое «Пурецкая волость», давно хотел спросить, что означает эта надпись на перьевой ручке? – Людовик показал на надпись.

– По моим сведениям, «волость» – это такая территориальная единица Московского государства, типа нашего округа. «Пурецкая» просто название, Как, например, округ Сен-Дени, – пояснил интендант финансов.

– Вы хотите сказать, что эта «варварская Московия» производит все эти бесподобные вещи? – Людовик вытащил из фарфоровой коробочки шоколадную конфету и откусил от неё маленький кусочек. Очень дорогое лакомство.

– Да, сир, и не только это, они производят уйму очень до-

рогих и качественных вещей, недавно появились зеркала, которые не хуже муранских и ткань лучше английской. На их расписных подносах вам подают завтрак, а утренний чай вы пьёте из их чашек, – продолжал добивать короля Жанен.

– Чёрт побери, почему мы не можем делать все эти вещи? – Людовик доел конфету и непроизвольно потянулся за следующей.

– К сожалению, секреты выделки всех этих вещей нам не известен. Эта Пурецкая волость закрыта для въезда иностранцев под страхом смертной казни. И со слов купцов торгующих с Московией, казни не очень и редки, недавно казнили несколько английских купцов, пытавшихся похитить секрет фарфора.

– Ещё раз, чёрт побери, нужно обязательно попасть в эту «волость», неужели нет ни единого способа? – Людовик вскочил и снова нервно заходил по кабинету.

– Я думал над этим, Ваше Величество. Туда можно легко попасть, в эту Пурецкую волость, а точнее в её административный центр город «Вершилово» приглашают учёных, профессоров и художников со всей Европы. Они, скорее всего, и научили москвитов делать эти чудесные вещи. Даже великий голландский живописец Рубенс туда перебрался со всеми учениками.

– Рубенс? Что означает слово «вершилово»? – король остановился и снова взял с бюро золотой червонец. Монета была красива и руки сами за ней тянулись.

– Я пытался выяснить это у купцов, никто не знает точно, один перевёл это как «главный, решающий всё», – вздохнул Жанен.

– Нужно найти профессора в одном из наших университетов и уговорить его съездить в этот «Главный город», лучше всего подойдёт алхимик, нужен ведь состав смеси для производства стекла и фарфора. Найдите патриота, пообещайте дворянство и деньги. И ещё нужно отправить туда посольство и поговорить с этим «императором», может быть, за признание его варварской страны империей удастся получить секреты производства этих вещей.

– Хорошо, сир, я поищу такого человека, – поклонился Жанен.

– Всё, господа, оставьте меня. Действуйте.

Событие двадцать пятое

Врача звали ходжи Али ибн Заир Мезуани. Пётр хорошо знал в отличие от всей остальной Европы, что ходжи это не имя, а констатация факта путешествия в Мекку и Медину, так сказать, по святым местам. Ибн – это сын. Итого получаем – Али Заирович Мезуани – путешественник по святым местам. Долго. Будет пока просто Али.

Сразу по посадке на лодью Пожарский приказал из парусины сделать на палубе небольшой балаганчик и отправил туда Али и его дочь Гулистон. В нагрузку к удобствам Пётр

дал путешественнику ещё и две книги: азбуку и учебник по траволечению. Понятно, что прочесть он его не сможет, но оценить качество бумаги и картинки вполне дедушке по силам. Господин Мезуани был врачом из Хивы и направлялся в Стамбул по приглашению султана в гарем лекарем. Это Пётр выяснил на языке жестов и с помощью знаний по географии.

Насколько помнил Пётр узбекский язык – тюркский, а, значит, татары его должны хоть немного понимать. Сам Пожарский из восточных языков знал только имена их учёных и поэтов, что он и продемонстрировал дедушке. Фирдоуси, Ибн Сина, Низами, Омар Хайям. Лекарь покачал головой, показывая, что это великие учёные и очень странно, что варвар из Московии их знает. Но когда он увидел книги, то глаза его стали вполне круглые. Врут, что узбеки узкоглазые, просто им не то показывали.

Весь путь от Казани до Белорецкого острога от нечего делать Пётр учил товарища русскому, а сам понемногу изучал узбекский, в целом не понимая, зачем ему это надо, лучше бы время потратил на латынь. Однако Пётр ещё в первый год принял решение ни в коем случае не изучать латынь, международным языком должен стать русский. Хотите разговаривать со мною – учите великий и могучий. И ведь действовало. Оторванные от своей языковой среды переселенцы из Европы его лихо осваивали. Ну, правда, это были самые умные европейцы.

В Белорецке Пётр пробыл два дня, а потом вместе с ос-

новной массой переселенцев и стрельцов целых два дня добирался до истока Миасса. Сам городок его порадовал. Миасс напоминал Вершилово на весну 1619 года. Ровные улицы, пока не засыпанные щебнем, дома крытые черепицей, дымы печей и даже строящаяся церковь.

Сразу стали строить семьдесят домов и пять казарм. Пока не очень понятно было, что делать с башкирами, во-первых, они не семейные, а даже если и создадут семьи, то девушек всего девять, мужиков же тридцать восемь. Ну, что делать, год поживут, потом привезу, во-вторых, овец и коз на всех явно не хватит, тем более что он обещал ещё и шестерым ногаям из прошлогоднего завоза отары подогнуть. Пришлось собирать этих товарищей и с помощью одного из ногаев Торка, переименованного уже в Турка объяснять выкупленным рабам, что вот создавайте девять семей и получите немного овец и коз, а остальные будут работать на шахте и в плавильном цехе. Пётр ожидал увидеть побоище за девушек, но всё на удивление закончилось мирно. Скорее всего, они уже по пути сюда пары составили.

Первые дни был аврал, всем миром или колхозом, поднимали целину. Самое интересное, что все ставшие семейными башкиры тоже захотели получить надел и посеять рожь с пшеницей. Ну, и замечательно. Пришлось, правда, ещё дома строить. Когда с посевной закончили, и народ принялся обживать, Пётр, наконец, смог пройтись по металлургическому комплексу Миасса и оценить, чего достигли за непол-

ный год.

Успехи были не слабыми. Выплавляли более двадцати тонн черновой меди. Хотя, тут до электролиза ещё сотни лет, так что, просто меди. Теперь добавятся почти три десятка башкир к металлургам и работа должна ещё лучше пойти. Кроме того получили пятнадцать тонн чугуна. Тоже не плохо для начала. И на закуску имелся полный бочонок золота, килограммов восемьдесят, Пётр его еле поднял. Сильно-то его золото не порадовало, ему за пару лет его евреи навозили с избытком. Пора форт Нокс строить. Чугун был важнее.

Если метр рельса весит десять килограмм, то на узкоколейку для конки от Вершилова до промзоны, которая получалась длиною четыре километра, нужно будет восемьдесят тонн, а за год получили пятнадцать, это что, пять лет ждать. Нет, надо выпуск чугуна наращивать.

С этого и начал Пётр разговор с Шульгой. Никита Михайлович заверил, что это начать было сложно, а с набранным опытом и увеличение народа работа пойдёт.

Где-то через пару недель, до Пожарского вдруг дошло, что он здесь больше не нужен, всё идёт своим чередом, главное он сделал, пополнение привёз, и скот с инструментом для вновь прибывших привёз, дальше уж сами. Вообще хорошо. Пётр начал собираться в обратную дорогу, Все свободные от срочных работ люди возили на лошадях к Белорецку металлы и полевой шпат, тоже заготовленный в приличном количестве, на пару лет хватит. Сам же Пожарский пообщался

напоследок с вождём вогулов Увачаном. Шульга сдал на руки Пожарскому несколько мешков с мягкой рухлядью, сейчас же вождь принёс собой ещё целый мешок шкурок соболя, белки и куницы. Оказывается, племя Увачана неплохо устроилось, оно по демпинговым ценам скупало железный инструмент у жителей Миасса, а сами соседним племенам меняли на шкурки по совсем другой цене. Слух о богатых железными орудиями пришельцах распространился на огромный уже район и шкурки несли десятками. Племя Увачана выросло, он принял к себе несколько молодых холостых мужчин из других племён и десятков пацанов подросток. Так что Увачан сейчас в здешних местах сила и авторитет. И ладно, Пожарский понимал, что одна фарфоровая ваза, ну, пусть, две, стоят дороже всех этих шкурок, но нужно ведь жене шубу шить. И не это убожество местное с рукавами до земли и подолом подметающим землю. Он в телевизоре видел, какими шубки могут быть, напрягём память и Рубенса и законодателем мод должна стать не Франция и Италия, а Русь матушка. А и правда, пора, наверное, и платьями заняться. Художников у него как грязи, нужно только ножную швейную машинку изобрести. Там проблема в шпульке и игле с ушком в начале, а не в конце иглы. Нужно будет напрячь Симона Стивена и Вильгельма Шиккарда, втроём эту проблему должны решить.

Перед отъездом Пётр собрал металлургов и озадачил их. Нужно чугуном лить не чушками, а рельсами и чем длиннее,

тем лучше. И началось, пришлось с товарищами делиться опытом, набранным при литье колоколов. Но через три дня отлили несколько первых рельсов длиною два с половиною метра.

– Вот так и продолжайте, – сказал им напоследок Пожарский и уплыл.

На целый месяц раньше, чем обычно получилось. Вышли из Белорецка первого июля.

Событие двадцать шестое

Княжна Марфа Владимировна Долгорукова намазала на кусок белого хлеба толстый слой орехового масла и стала откусывать от получившегося бутерброда небольшие кусочки, растягивая удовольствие. Сейчас холопка Васька должна принести заморский кофе и нужно, чтобы бутерброд ещё остался, а то чем эту горечь закусывать. Кофе Марфе понравился, единственной из сестёр. Младшие Елена и Фетинья предпочитали пить по утрам чай, а противная Машка вообще ничего не пила, она ходила по утрам, сразу после заутрени к ведьмам и принимала там разные зелья. В последние дни вместе с Машкой к ведьмам стали ходить и батюшка с матушкой.

Княжна же любила утром после кофею посидеть, взобравшись с ногами в уютно мягкое кресло, и помечтать. Ей уже исполнилось девятнадцать лет, а она всё ещё в девках. Ко-

нечно, то батюшка был три года воеводой в Казани, где женихов днём с огнём для княжон не найти, а только они попали наконец в Москву, как батюшку отправили в Вершилово. Здесь князей ещё меньше, чем в Казани. Ещё пару лет и никто вообще замуж не возьмёт, кому старухи нужны.

Марфа страшно завидовала старшей сестре. Вот один единственный княжич проезжал через Казань и тот Машке достался, да не старик какой, а Петенька Пожарский, самый завидный жених на Руси, ну, может, второй после царя. Петенька был красавцем, он был высок и строен и он был, по словам батюшки, самым богатым человеком во всём мире. И за что всё это досталось дуре Машке. Она ведь тощая и глупая. Вон даже до приезда Марфы не могла догадаться приказать управляющим, чтобы ей каждый день новую коробочку шоколадных конфет приносили. Хоть сейчас после требования Марфы стали, правда, коробочку назад забирают, ну и ладно, куда им сотни коробочек. Если бы на всех разные рисунки были, тогда можно было и не отдавать, а так на всех либо рожа её старшей сестры Машки, либо вид на Спасскую башню московского Кремля. По словам батюшки, коробочка эта стоит столько, сколько в неё серебряных монет влезет.

Нет, ну это не справедливо, у дурёхи Машки есть всё, и муж красавец и богатство и диковины всякие. Все самые знаменитые художники в мире её портреты пишут, а она – Марфа умная и красивая сидит в девках и достанется, скорее всего, какому ни будь старику. Вот если бы Машка умерла, и Пе-

тенька решил жениться на следующей более молодой и красивой сестре, к тому же такой разумнице.

В конце июля Марфа как-то увязалась перед вечерней с матерью к травницам, той надо было в третий раз за день пить отвар. Марфа попала в этот терем первый раз, и когда увидела трёх старух в окружении всевозможных горшков и чугунков, то поняла, что ей нужно сделать, чтобы исправить несправедливость. Она отравит Машку. И тогда, погоревав немного, Петенька непременно женится на ней.

На следующий день она вышла с сенной девкой Глашкой якобы прогуляться. Вот интересные правила заведены в Вершилово, любой может спокойно ходить по городу, хоть девушка обычная, хоть дворянка, без всякого сопровождения, иди себе одна куда хочешь, никто тебе и слово не скажет, и даже не подумает, что это девице незамужней невместно. У терема колдуний сердце Марфы бешено забилося, и она уже хотела повернуть назад, но образ Петеньки стал перед глазами, и она решительно толкнула дверь. В горнице на втором этаже была только одна ведьма, самая старая и самая страшная с крючковатым костистым носом, ну настоящая ведьма.

– Мне нужна отрава, – с порога заявила Марфа бабке.

– Зачем тебе, девица? – на ломаном русском спросила колдунья.

Так она ещё и немка, тем лучше, решила княжна.

– Держи, вот, десять рублей, – Марфа протянула немке золотой червонец, подарок Петруши, – и не спрашивай ни-

чего, а дай мне зелья.

Ведьма загадочно улыбнулась и ушла из горницы. Марфа хотела было убежать, пока это возможно, но сдержала себя. Через пару минут вернулась колдунья и протянула княжне стеклянную маленькую бутылочку, что делали на стекольном заводе Петруши для новомодных духов. В бутылочке наполовину было коричневой жидкости.

– Как это действует? – собрав последние силы в кулак, синими губами произнесла Марфа.

– Добавишь в чай всё до капли, человека через час вырвет, потом пронесёт, потом ему полегчает и он уснёт, а утром уже не проснётся. А ты хорошо подумала, девица? – ведьма хоть и говорила с акцентом, но ехидные интонации Марфа уловила.

– Хорошо, ещё как хорошо, – она на каблуках повернулась и, забрав, стоящую в сенях Глашку, уверенным шагом направилась домой.

Глава 3

Событие двадцать седьмое

Князь Баюш Разгильдеев получил царёву грамоту в своём имени Рындина. Чепкун – младший сын князя сейчас у Петра Дмитриевича Пожарского воинскую науку постигает, вот и приходится за хозяйством Баюшу самому присматривать. Старший – Богдан, после похода на шведов снова сидит в деревне Княжья и там хозяйствует. За весну и большую часть лета князь успел не мало. Он купил всем своим крестьянам по корове. В Княжьей насчитывалось двадцать восемь дворов, самое большое поселение в округе, в Рындине дворов чуток поменьше, девятнадцать было, да князь купил в Казани двух печников с семьями, получилось двадцать одна семья. Вот пятьдесят коров Баюш и купил, одну тёлку определил на свой двор, будет пробовать сыр делать, как отелится корова и молоко появится.

Кроме того он распределил полученных лошадей от Пожарского по дворам и докупил в Казани недостающих с тем расчётом, чтобы и лошадей было по две в каждом дворе. Посеяли яровые, причём с двумя то лошадьми во дворе подняли прилично целины. Туда на свежую земли, и посадили

«полуяровку». Рожь отменная должна получиться уже сейчас в конце июля видно.

В Рындине за эти три месяца успели силами трёх нанятых плотников, да купленных печников поднять пятнадцать домов по образцу вершиловских. И даже бани князь своей мордве построил. Только крыши пока крыты не черепицей, а тёсом, но черепицу потихоньку начали формовать и сушить пока на солнце, формы Пётр Пожарский дал, зимой время появится, обожжём.

И тут неожиданно царская грамота с указанием людно, конно и оружно прибыть князю Разгильдееву в Москву через месяц по получении грамоты. А ведь до Москвы почитай три недели ходу. Так ведь ещё собрать людей надо. У князя их осталось, то всего ничего. Тоже «князь», а больше двадцати человек сейчас и выставить не сможет. Зато эти двадцать человек будут с настоящими шведскими мушкетами, на хороших кавалерийских конях, а не на крестьянских клячах. И кроме того за это время из доставшихся князю шведских мундиров сенные девки и две его дочери сшили на этих двадцать человек замечательную форму, по образцу польских драгун, только сине-жёлтого цвета, ну а что, не перекрашивать же ткань, вон какие цвета яркие и красивые.

Баюш поохал, что не вовремя всё, кто начатую перестройку домов продолжит, но деваться некуда, выбрал двадцать человек, что с ним в Москву поедут, в основном те же люди, что и на шведов ходили, и помолясь двинулся в сторону

Нижегород, собираясь на денёк заехать в Вершилово, повидать младшенького.

В Вершилово князя Пожарского, разумеется, не было, зато был отец княгини Пожарской князь Долгоруков. Он то и сообщил Баюшу, что началась война с ляхами и все войска стягиваются к Смоленску.

– Почему, же меня Государь требует не в Смоленск, а прямо в Москву? – спросил озадаченный князь.

– О том мне, князь, не ведомо, но зная твою храбрость и талант воинский, думаю, будет для тебя у царя батюшки особое задание, – Долгоруков осмотрел два десятка стоящих рядом людей Разгильдеева, усмехнулся и продолжил, – Сдаётся мне, что лучше, чем у тебя люди к войне ни у кого не подготовлены, кони как на подбор, мушкеты, одеяние, больших денег стоит такой отряд снарядить.

Баюш, помня, что о шведском походе распространяться не стоит, потупился и сказал, что снаряжение сделано на деньги князя Пожарского.

– Что ж, молодец зятёк, друзей не забывает, – снова усмехнулся Долгоруков.

Князь Разгильдеев обнял сына на прощанье и поспешил откланяться.

Может и зря он ткань не перекрасил?

Событие двадцать восьмое

Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков стоял и смотрел, как покидают Вершилово драгуны князя Разгильдеева, когда прибежал один из немцев и закричал чего-то на голландском, показывая на отряд татар. Боярин не понял, но на всякий случай послал Чепкуна Разгильдеева вернуть отца с его воинами. А оказалось вона что!

Оказывается, уже перед самым отъездом князь Пётр Пожарский повелел отчеканить на своём монетном дворе медали, и теперь они готовы. А среди тех, кому эти медали положены, есть и люди князя Баюша Разгильдеева. Когда татары вернулись и спешили, переговариваясь между собой на дикой смеси татарского, русского и мордовского, пришёл запыхавшийся Янек Заброжский – воевода вершиловский и прояснил, наконец, ситуацию.

Князь Пожарский велел отчеканить два вида медалей: «За северный поход» и «За освоение Урала». Люди князя Разгильдеева участвовали в обоих этих делах. Медаль «За северный поход» была на белой ленточке и косым Андреевским синим крестом, а вторая медаль на ленточке зелёного цвета. Тех, кому положена была медаль «За северный поход», среди татар оказалось восемнадцать человек, включая Богдана и самого князя. Второй медалью наградили всех, кроме Богдана.

Князь Долгоруков сам вешал медали на грудь воинам и по тому, как загорались глаза этих храбрых рубак, чувствовал, не прогадал князь Пожарский, не зря потрачены деньги на эти «медали», теперь эти воины за него порвут, кого хочешь, только команду дай. Делов-то всего бляха размером с рубль на цветной ленточке, а человек себя по-другому чувствует. Как это удаётся зятю, уму непостижимо.

Когда татары гордо уехали во второй раз, к боярину по-дошёл преподаватель астрономии в вершиловской школе Иоганн Кеплер и на вполне сносном русском сказал, что им нужно отойти в укромное место и переговорить. Ну, что ж, сегодня был день сюрпризов. Они находились на главной площади Вершилова, и Кеплер предложил пойти в его кабинет в Академии Наук. Они поднялись по лестнице с резными перилами на второй этаж и по увешанному различными картинами коридору прошли в кабинет астронома. Одну из стен кабинета занимала большая карта звёздного неба, вторую чертёж какого-то прибора, судя по линзам – телескопа. На стене напротив окна была большая школьная доска, выкрашенная в чёрный цвет, и на ней мелом были написаны непонятные Долгорукому знаки.

Кеплер пригласил боярина сесть в кресло у стола и, насупившись, начал.

– Пару дней назад к моей матери приходила ваша дочь и попросила у неё яду.

– Что! – боярин подскочил как ужаленный.

– Не волнуйтесь, – астроном вернул князя в кресло, – Моя мать, как вы, наверное, знаете травница, она делает настои и отвары вместе с двумя русскими травницами. Она дала княжне не яд, а наоборот, противоядие. Человека, которого им попытаются отравить, сначала будет рвать, потом проне-сёт, а через час он уснёт крепким сном, так как в состав сбо-ра входят травы, что вызывают сон, – Кеплер медленно хо-дил от окна к доске и обратно.

– Я догадываюсь, кто приходил за ядом и кого хотят отра-вить, – сильным голосом выдавил враз постаревший боярин.

– Я тоже догадываюсь. У нас в Вершилово так не посту-пают.

Это был удар. Немец, меньше трёх лет живущий в Вер-шилово, говорил «у нас». А князь Долгоруков и ответить на это ничего не мог. И на самом деле в семитысячном городе вообще не было преступности, не было воровства, не было пьяных драк, да и самих пьяных тоже не было. Здесь можно было посреди ночи гулять по улице и ничего не произойдёт, тут даже рогаток не было. Здесь было всего два наказания, за первое самое маленькое прегрешение отрезали прилюдно ухо, а за второе полагалось тоже прилюдное холощение. Так второго наказания ещё ни разу и не применили, до всех и с первого раза доходило. В этом городе не было кабаков и распутных девиц, не было нищих и убогих, их сюда просто не пускали, не было мальчишек попрошаек. Здесь были чи-стота и порядок, тут даже ни кому в голову не придёт бро-

свить мусор на сверкающую чистотой улицу. И вдруг появляется боярин Долгоруков, и его дочь хочет отравить другого человека. И этот человек – жена князя Петра Дмитриевича Пожарского. Как бы и самому Владимиру Тимофеевичу не пришлось выметаться из Вершилова без уха, за нерадивое воспитание дочери.

– Да, дела! – совсем сник боярин.

– Я надеюсь, ты, князь, сам разберёшься со своей дочерью, – сочувственно проговорил астроном и протянул боярину стакан с водой, что наполнил сейчас из стоявшего на столе гранёного кувшина.

Владимир Тимофеевич выпил воду, лязгая непослушными зубами, встал с кресла и, поклонившись Кеплеру, вышел из кабинета астронома. Он не помнил, как попал домой, а там крик и ор. Машеньку рвало сильно, а теперь она спит, и добудиться её не получается.

Князь прикрикнул на домочадцев и, разогнав их по комнатам, схватил за рукава обеих Марф, и жену и дочь, поволок их в кабинет Петра Дмитриевича. Там он плюхнулся в кресло и не глядя на дочь, обращаясь только к жене начал.

– Марфа Васильевна, ведь неправильно мы с тобой поступили, что отдали за князя Петра Дмитриевича Пожарского Машеньку.

– Как так, что-то случилось, – встрепелась княгиня.

– Случилось. Марфа, вот, посчитала, что это несправедливо и такой завидный муж должен был ей достаться, и отра-

вила сестру кровную, – всё ещё не глядя на дочь, проговорил князь.

– Так что умрёт теперь Машенька, – заголосила княгиня и принялась реветь в три ручья, прося помощи у богородицы.

– А ну, цыть! – прикрикнул Долгоруков, – Жива, здорова Маша, травница Марфуше-разумнице под видом отравы продала наоборот противоядие, – теперь только оба родителя устали на дочь.

– Ты, что же это наделала окаянная, – поднялась на дочь княгиня и залепила ей звонкую пощёчину.

Отравительница молчала и только сильнее насупливала брови.

– Ах, ты дрянь эдакая, на родную кровь руку подняла, – начала было снова голосить Марфа Васильевна, но князь остановил её.

– Стоп! То есть на родную сестру руку нельзя поднять, а на другого человека, пожалуйста. Трави Марфушка всех подряд, так что ли? – князь аж позеленел и переводил глаза только с одной дурёхи на другую.

– В монастырь её надо, змеюку, – опять замахнулась княгиня, но Марфа отпрянула за отцовское кресло.

– Думал я об этом Марфа Васильевна. Нельзя. Дознаются ведь, за что мы дочь в монастырь отправили и на всё царство позор будет. Ведь нам потом младших дочерей и замуж не выдать, кто же захочет породниться с семьёй, где одна сестра другую травит.

– Ох, горе-то какое, что же делать Владимир Тимофеевич? – княгиня даже реветь перестала, представив такую перспективу.

– Я попросил того единственного человека, который о сём ведаёт, никому, ничего не говорить, пообещал, что сами с Марфушкой разберёмся, – пожал плечами князь, – Может и правда, как в Вершилово заведено, ухо ей отрезать, – Долго-руков горько усмехнулся.

– А ты что молчишь, гадюка подколодная? – опять переключилась на дочь княгиня.

– Хотите резать, так режьте, – вдруг зло прокричала Марфа отцу и тоже ударилась в слёзы.

– Дура, ты – дура, кто же тебя безухую потом замуж возьмёт, в общем, так, княгиня, с этой взгляд не сводить, двух девок к ней приставь и чтобы по пятам ходили. Три раза в день пусть в церковь ходит и не давать ей лакомств вершиловских, пусть посидит на хлебе, да на яблоках, может хоть похудеет, а то вон распёрло корову на шоколаде, да масле ореховом. А как вернёмся через пару месяцев в Москву, сразу замуж её надо отдавать, я пока спишусь с товарищами старыми, познаю, у кого сыновья холостякуют, али вдовствуют.

Князь встал и пошёл вон из кабинета, противно ему было, но в дверях он обернулся и сказал всё же дочери:

– Машенька ведь всё для сестёр, как лучше, делает. Мы вот с ней даже разговаривали, что неплохо бы через пару годков Феденьку Пожарского на Елене женить, а ты! – он мах-

нул рукой и хлопнул дверью.

Событие двадцать девятое

Конечно, нефтяной магнат мурза Бадик Байкубет не успел подготовить сто бочек нефти. Ну, тут его вины нет, просто предприятие ещё не раскачалось, и Пётр на целый месяц раньше с Урала удрал. Бочек было всего пятьдесят семь, и стояли они не на берегу Белой, а в большом сарае на окраине вотчины мурзы. Пришлось целый день убить на перевозку и погрузку на корабли этих бочек. В это время князь Пожарский пообщался с первым в мире нефтедобытчиком. Обговорили, что теперь нужно покупать больше девушек и женщин у ногаев, нужно ведь тем без малого тридцати мужикам пару найти. Бадик понятно закивал.

– Тогда мужчин можно приспособить земляное масло собирать, пока и им пара не найдётся?

– Конечно, мурза. Заберу всё масло, сколько бы ты его не приготовил. Я как приеду к себе, отправлю пару людей с освободившимися бочками, и они на обратном пути заберут всё, что ты успеешь за эти пару месяцев приготовить.

Пётр уплывал довольным, нефть пошла более мощным потоком, и ещё и целый корабль овечьей шерстью загрузили. Перед этим в Уфе он так же загрузил полный корабль шерстью и кроме того купил ещё четырёх верблюдов. Он уже и со счёту сбился, сколько их сейчас у него, тем более что пер-

вые семь самок должны были в конце весны принести верблюжат.

В Уфе от Григория Григорьевича Пушкина Пожарский узнал и про готовящуюся войну с Речью Посполитой. Оказывается король Швеции Густав Адольф, получив пинка от Петра, и сочтя это происками поляков, договорился с царём, что в обмен на крепость Ям, Русь выступит осенью против ляхов. Михаил Фёдорович вместе с думой боярской, конечно, на это купились. Они ведь не знают, что идёт тридцатилетняя война, и к концу этой войны и Швецию и Польшу можно будет брать голыми руками. Ну, да, ладно, сделанного не вернёшь. До зимы далеко. Сейчас воюют только после того, как урожай соберут и дороги замёрзнут.

Яков опять не было. Тем не менее, забирая шерсть и расплачиваясь с воеводой, Пётр Дмитриевич договорился с Пушкиным, что если китаец всё же привезёт лохматых коров, то Григорий Григорьевич их выкупит и отправит в Вершилово, если реки ещё не встанут. Если же отправлять будет уже поздно, то прокормит их до весны и отправит уже весной. Григорий Григорьевич должен был сидеть на воеводстве в Уфе как раз до весны и согласился по дороге в Москву обязательно с яками или без, посетить Вершилово и погостить пару деньков у князя Пожарского меньшого.

В Казани Петра Дмитриевича ждал сюрприз, оказывается, обоих воевод Государь затребовал в Москву. В целом, это было предсказуемо, Иван Никитич Одоевский меньшей был

признанный полководец и победитель Заруцкого, а Куракин Фёдор Семёнович хоть и молод ещё, но тоже боевой товарищ, с Лисовским справился, да и ляхов под Москвой гонял. Если Михаил Фёдорович им доверит брать Смоленск, то это не самое плохое решение. Сюрприз был в другом, князя Баюша Разгильдеева царь отдельной грамоткой со всеми его людьми затребовал в Москву. Хотя и здесь было ясно, зачем. Это ведь тот самый князь Разгильдеев, который учинил погром на Белой торгутах, потом разбил зарвавшихся ногаев, потом вогульских князьков победивший и принявший деятельное участие в посрамлении шведов. Что царь прознает про то, кто навалял этим товарищам, Пётр не сомневался. Если же добавить сюда и две прежние победы Баюша, за которые он и получил княжеский титул, то не Разгильдеев какой-то получается, а Македонский.

На базаре в Казани под руку попались ещё пять верблюдов, пришлось и этих покупать. Старых знакомцев казаков, торгующих неординарными рабами, не оказалось, зато была та самая тётка, что торговала кедровыми орехами. Они и сейчас у неё были. Целый мешок, Пожарский его весь и купил, десяти рублей не пожалел. Заколятся через сорок-пятьдесят лет кедровые рощи вокруг Вершилово. Заколятся.

Всё теперь быстрее домой.

Событие тридцатое

Государь Михаил Фёдорович Романов всё своё время посвящал подготовке к войне с Речью Посполитой. Почти ежедневно собиралась боярская Дума, заслушивая стрельецких полковников и командиров полков нового строя. Вчера докладывал дьяк Пушечного приказа, сколько огненного зелья имеется, да сколько ещё шведы обещали поставить. Осадных орудий хватало, а вот с порохом дела обстояли не очень, но шведам нужно, чтобы Русь ввязалась в эту войну и они обещали порох продать.

Сегодня же с утра дьяк Фёдор Борисов доложил, что прибыл князь Баюш Разгильдеев и ждёт дозволения предстать перед Государем.

– Зови, – Михаил ни разу не видел этого воинственного князя, только читал от того донесения и подписывал грамоты об освобождении вотчин князя от податей.

Вошедший был среднего роста, чуть выше Михаила, и в плечах не больно широк. Царь почему-то представлял его себе богатырём. Чернявый мужчина был одет в форму драгун польских, только синего цвета и на груди у него висело две медали. Михаил Фёдорович был одним из тех немногих людей на Руси, кто знал, что это такое.

– А ну, подойди, князь, – Государь подождал пока татарин приблизится, потом встал и подошёл к тому, чтобы посмот-

реть, что у того за медали.

Михаил видел три медали. Одну они с отцом вручали боярам, которые открыли в Москве приюты для беспризорных мальчишек со школами. Медаль называлась: «За дела угодные Господу». Сейчас эти приюты уже второй год обучают пацанят, и навещавший свой приют Михаил видел, что детей хорошо учат и кормят, да и одеты они опрятно. Самые способные уже сносно лопочут на немецком и голландском языках.

Вторая медаль была «За лучшую на Руси ткань». Золотой медалью наградили купца Игора Рослякова. Михаил тогда отправил в Вершилово кусок ткани и письмо Петру Дмитриевичу Пожарскому с фамилией и именем купца, да где проживает. В этом году из-за подготовки к войне смотр тканям ещё не проводили, но медали лежали в коробочке у дьяка Фёдора и образцы тканей у него же. Сейчас вспомнив это, Государь решил завтра же определиться с победителем. Дело было хорошее и его нужно обязательно продолжить. Третью медаль князь Пожарский прислал царю весной. Она называлась: «За лучшую выделку кожи». По всем губерниям были разосланы грамоты Государевым дьякам, о том, как проводить отбор и когда присылать образцы кож в Москву. Намечено это награждение было на Рождество. Только вот из-за войны, как бы не забыть.

Медали, висевшие на груди князя Разгильдеева, были другие. Одна называлась: «За освоение Урала», вторая: «За

северный поход». Понятно, Петруша новые игрушки сделал. Как он писал в одном из своих писем: «Страна должна знать своих героев». А ведь князь Разгильдеев горд, этими медалями, вон, как грудь выпячивает. Да и есть чем гордиться, практически не потеряв своих людей, они с Петром Дмитриевичем, где бы ни появлялись, везде горы из поверженных врагов укладывают. Ещё бы несколько таких вояк и враги Руси кончились бы.

– Скажи мне, князь Разгильдеев, как бы ты с ляхами за Смоленск воевал? – ради этого вопроса царь Баюша и вызвал в Москву.

– Я бы, Великий Государь, позвал на помощь людей князя Петра Дмитриевича Пожарского, они обучены крепости без пушек брать, – низко поклонился татарин.

– А если без людей Петруши, то что бы делал, – усмехнулся Михаил, ясно кто Ям и Ивангород без пушек взял.

– Нужно обмануть ляхов. Они попытаются вылазку сделать ночью или под утро, чтобы пушки захватить. Так надо перед позицией пушкарей редут построить и стрельцов, там, обученных метко стрелять, в засаду поместить, а ещё перед позицией чеснок разбросать, чтобы кавалерию остановить и мелкие пушки замаскировать и картечью зарядить. Как ляхи на приступ осадных орудий пойдут, тут по ним в упор из спрятанных мелких пушек картечью и садануть. И ещё, Великий Государь, они ведь из Витебска войска пошлют, чтобы нашу армию, город, осаждающий с тылу атаковать, так нуж-

но вёрстах в десяти от Смоленска в сторону ляхов поле найти и там такую же засаду организовать. И главное, не надо с ними в конные схватки вступать, нужно из пищалей и пушек выбивать у них людей, да в тыл к той армии, что пойдёт на выручку Смоленска послать казаков, чтобы обозы грабили да сжигали, нужно их продовольствия и фуража лишить.

Обо всём этом как-то разговаривал Баюш с Петром, и вот теперь довелось передать эти мысли царю.

Михаил слушал очень внимательно. И правда, хитрости. Жаль нельзя поставить этого князя войском командовать. Бояре не дадут. Дума утвердила командовать осадой Смоленска князя Одоевского меньшова. Тот тоже побеждал во всех сражениях, даст бог и сейчас управится. Надо будет их свести, как Одоевский доберётся из Казани, пусть поговорят, решил Михаил.

– Есть ли, князь, у тебя, где остановиться? И сколько людей с тобой? – спохватился вдруг Михаил.

– Со мною сын Богдан и двадцать человек с мушкетами и одвуконь. А вот где остановиться не знаю.

– Тут месяц назад выслали в Томск дворянина Колтовского, так ты его подворье занимай, я сейчас скажу, чтобы грамоту тебе выписали, – царь кивнул дьяку Фёдору и отпустил этого боевого князя.

Только на этом удивительные события этого дня не закончились. Михаил сидел в кресле и размышлял о словах татарского князя, когда его снова отвлёк дьяк Борисов.

– Великий Государь, к тебе посольство прибыло от короля франков Людовикуса.

Вот это да. Михаил Фёдорович, знал о Франции только то, что она на западе, за ляхскими и немецкими землями, что король там Людовикус, и что это большая и богатая страна. Ну и ещё, что в бушующей в Европе войне Франция пока участия не принимает, у них там свои разборки идут, католики с гугенотами воюют. Что же им нужно от нас.

– Зови. И рынд позови. А с толмачом, что? – поинтересовался Михаил, здесь доктор Бильс со своим голландским и латынью не помощник.

– У них свой толмач, из купцов, что в немецкой слободе проживает, – успокоил дьяк Фёдор и, кланяясь и пятясь, вышел.

Через несколько минут в грановитую палату вошли четверо мужчин. Один и правда, был купцом, а вот остальные выглядели как павлины: парики, кружевные воротники и коротенькие штанишки, тоже оканчивающиеся кружевами. В Вершилово приехало уже много не бедных иностранцев, но таких вычурно одетых Государю ещё видеть не доводилось.

После долгих расшаркиваний и приседаний слово взял высокий одетый в чёрный бархат мужчина в седом парике.

– Ваше Величество, мой король Людовик шлёт вам и вашей стране пожелание благоденствия и процветания, – опять расшаркивания и приседания.

– Передайте моему брату, королю франков, благодарность

за пожелания и наше желание видеть его здоровым и счастливым, – Михаила утомляли эти пустые фразы, на его счастья французы видно поняли это и перешли к делу.

– Ваше Величество, сейчас в Париже открылся банк, который выдаёт ссуды в рублях. Его Величество король Франции не имеет ничего против этого, тем более что ваши монеты такого высокого качества, что их практически невозможно подделать.

Михаил об этом и понятия не имел. И туда Петруша руки свои запустил, ещё и из Франции будет деньги качать.

– Кроме того, Ваше Величество, – продолжал посол, – во Франции огромный спрос на изделия из фарфора и цветного стекла, что производят в Пурецкой волости, а сейчас появились и восхитительные зеркала.

Михаил получил недавно из Вершилова несколько зеркал разного размера в подарок, но церковь на Руси не одобряла зеркал, и Михаил эти подарки убрал от отца с матушкой.

– И что же хочет от меня мой брат король Людовик? – уже начал догадываться царь.

– Меня, Ваше Величество, мой король Людовик уполномочил передать вам следующее: в обмен на секрет производства фарфора, цветного стекла и зеркал Франция признает Россию империей, а вас, Ваше Величество императором, кроме того, зная о готовящейся войне Вашего государства с Речью Посполитой, мой король посылает вам пятьсот бочонков с порохом и двести французских мушкетов, лучших

в мире.

– Вот до этого момента, господин посол, всё было замечательно, – вздохнул, наслаждаясь будущим шоком этого петуха, Михаил, – Только русские мушкеты гораздо лучше французских. Фёдор, занеси мушкет, что князь Долгоруков из Вершилово прислал.

Посол без сомнения был военным. Он долго рассматривал замок мушкета и непонятное устройство на конце ствола, взвешивал его в руке и прикидывал под мышку намереваясь прицелиться.

– Этот мушкет стреляет без фитиля и здесь не колесцовый замок, который дорог и ненадёжен. Здесь стоит батарейный замок, – пояснил Михаил послу.

– Мы пробовали такой замок, но он даёт очень много осечек и ещё хуже колесцового, – снисходительно улыбнулся француз.

– Мне писали, что осечек не больше одной на двадцать выстрелов, и держите вы его, господин посол, неправильно. Его нужно прикладывать к плечу и целиться вон через ту прорезь на мушку, что на конце ствола.

Француз перестал улыбаться и попробовал прицелиться, как говорил царь и даже щёлкнул курком, промелькнула искра.

– Вынужден признать, Ваше Величество, что ваши мушкеты и впрямь великолепны. Что же вы скажите на предложение моего короля?

Михаил Фёдорович не знал, что сказать. Было огромное количество «но». Хотя бы просто потому, что нужно вынести это предложение на обсуждение в боярскую Думу. Потом ведь, что ещё скажет батюшка. Ну и самое главное, что скажет Пётр Пожарский? Это ведь его секреты. И эти секреты приносят стране огромные деньги в виде пятин, сколько же денег они приносят семейству Пожарских. Михаил решил сказать послу правду.

– Господин посол, мы обсудим предложение моего брата короля Франции Людовика на боярской Думе на следующей неделе, тогда вас известят о следующем визите, а сейчас вы свободны.

Опять расшаркивания и поклоны, быстрее бы уж ушли, нужно подумать обо всём в тишине и покое. Вопрос, ой какой не простой.

Событие тридцать первое

Прибыли двадцать пятого августа. В разгаре была уборка урожая. Пётр посвятил сутки жене, и в перерывах спорам с тестем. Вот, что за человек, по любому вопросу сразу начинает спорить. Пётр даже попробовал, перешёл в споре незаметно на позицию князя Долгорукого, так тот начал спорить сам с собой, а когда Пожарский указал ему на это, то начал спорить, что это не его позиция, а «мальчишка просто старается его запутать». Спорили о Смоленске. Князю Долгору-

кому не терпелось пойти туда всеми вершиловскими «войсками» и захватить его без артиллерии.

– Не получится, Владимир Тимофеевич, город к тому времени уже будет осаждён и на стенах и днём и ночью будут сотни ляхов, даже если и удастся забраться на стену, а она больше десяти метров, то потом очень многие погибнут, ведь ляхов в разы больше, – пытался отговорить князя от безумной идеи Пётр.

– Они успеют открыть ворота, и ворвётся в город основное войско, – упорствовал тесть.

– Это ещё хуже, в городе, наверное, не меньше тысячи воинов, даже если каждый убьёт одного нашего, то это значит, что умрёт по-глупому тысяча русских воинов.

– На то она и война, чтобы вои погибали, за царя батюшку, – Долгоруков искренне полагал, что так и должно быть.

– Владимир Тимофеевич, у меня есть другое предложение. Речь Посполитая ведь не только Смоленск себе по договору 1618 года прирезала, но и Чернигов, да и ещё городов и крепостей не мало. Вот пока основное войско будет у Смоленска воевать и к себе все силы ляхов приковывать, мы захватим сначала Трубчевск, потом Стародуб, потом Чернигов. Нужно будет только как-то с Государем договориться, чтобы он по нашим следам стрельцов послал, чтобы они после нас эти города занимали и к обороне готовили.

– Хитро! – наконец сдался боярин и опять начал спорить, что от Чернигова нужно повернуть на север и выйти к Смо-

ленску с юга.

– Зачем нам Смоленск. Ляхи и сами попросят нас забрать его, – опять пытался настроить на переговоры упёртого тестя Пожарский.

– Как это? – оставил пока Смоленск боярин.

– Мы не пойдём на север, мы пойдём на северо-запад. После Чернигова возьмём Гомель, Рогачёв и Пропойск. Везде будем захватывать крепости уничтожать польские гарнизоны, а народу говорить, что Великий Государь даёт всем волю и панскую землю раздаёт. Потом сжигаем все костёлы, убиваем ксёндзов и идём дальше.

– Да ты в уме ли зятёк? – князь даже спорить не стал, настолько это было дико с его точки зрения.

– Конечно. Всю остальную работу за нас сделают крестьяне, они поубивают всех ляхов и литвинов на своей территории и будут истреблять пришедших наводить порядок мелкие отряды ляхов. Большие отряды Сигизмунд послать не сможет, у него на севере шведы, на востоке русские, а на юге турки с крымчаками. Уж те-то ситуацией воспользуются. В результате, когда Сигизмунд попросит забрать у него все города и крепости, отторгнутые у Руси по договору 1618 года, мы будем требовать всю Украину вместе с Киевом или пригрозим не заканчивать войны, пока жив хоть один лях. Только это уже конец плана, а есть ещё и середина. После Пропойска, Владимир Тимофеевич, вопреки вашему невысказанному желанию, идти на Смоленск, мы пойдём на Ви-

тебск. Вот уж где нас точно не ждут. И когда мы его захватим, нужно чтобы царь и туда гарнизон послал сильный. Вот тогда Смоленск окажется в глубоком тылу, и не будет надеяться на помощь извне. Они сами сдадутся. Но мы им опять не дадим. Защитники Смоленска потребуют, чтобы их выпустили из города и дали уйти с оружием. Нам этого не надо, нам надо, чтобы они во Владимире и Казани дробили камень на наши новые дороги, а жены их оплакивали в Польше. Нужно, чтобы Польша так боялась Русь, что даже при звуках русской речи у шляхтича понос начинался.

– Ну, ты, Пётр Дмитриевич, и нагородил, а сможем ли. У нас всего четыреста пятьдесят человек, – боярин теперь уже с испугом глядел на Пожарского, но и с надеждой.

– Нет, сами, конечно, не сможем. Нужно в занятых городах и крепостцах гарнизоны оставлять. Поэтому надо тебе Владимир Тимофеевич срочно ехать к Государю и получить у него грамотки с приказом к воеводам Владимира, Переяславля, Тулы и прочих городков, что нам по пути встретится, половину гарнизонов за нами вслед посылать и самим эти отряды возглавлять, и города нами захваченные под свою руку брать. Только об этом царь пусть даже отцу своему патриарху Филарету не говорит и грамоты, чтобы писал не дяк, а вы с царём вдвоём. Ясно ли, князь? – Пётр выдержал гневный взгляд боярина и повторил вопрос, – Ясно ли тебе, Владимир Тимофеевич?

– Страшно мне даже представить, что потом начнётся! –

через пару томительных минут прохрипел боярин.

– Начнётся празднование Великой Победы и награждение непричастных, – хмыкнул Пожарский, – Я для думцев специальные медали отолью. Назовём её, медаль эту: «За воспомоществование Великой Победе». Ну, или как-нибудь похоже.

– Не по годам ты разумен зятёк. Что ж, пойду собираться. Выступаем-то когда?

– Вот как вернёшься, князь, из Москвы и выступаем, нам спешить особо некуда, нужно чтобы ляхи начали все силы к Смоленску собирать.

– Точно ли патриарху Филарету не говорить? – напоследок попытался опять поспорить Долгоруков.

– Если о нашем плане прознает хоть один человек, то ничего не выйдет, – пожал плечами Пётр, – Ты уверен, боярин, что патриарх со старыми друзьями посоветоваться не захочет, а что знают трое, то знает свинья.

– Ну, да поможет нам бог, пошёл я собираться.

– Подожди боярин. Есть у меня ещё одна мысль. Нужно письмецо отцу моему переслать, но чтобы Государь его сначала прочитал. Только Государь и никто другой.

Событие тридцать второе

Василий Петрович Полуяров подводил итоги очередного года. Всё, все злаковые убрали, можно и посчитаться. Начал

агроном с опытного поля Зосимы Олександрова, туда посеяли перебранную пшеницу яровую, привезённую из Курляндии. К полям подошли на совесть, весной произвестковали и вывезли навозу не мало, да ещё и отходы от производства поташа туда высыпали. Но чуда не произошло. Собрали очень хороший урожай – тридцать пять центнеров с гектара, если перевести кади и чети на новые величины. Многие крестьяне и на его «полуяровке» столько же собрали. Ячмень из той же Курляндии у Зосимы дал и того меньше двадцать шесть центнеров. Тем не менее, Василий бросать эксперимент с заграничными культурами не собирался. Он выкупил весь урожай у Олександрова и засадил монашек на переборку, вернее на три переборки, сначала отделить зерна от мусора и овсюга, потом выбрать крупные зёрна, а потом ещё раз выбрать крупные из крупных. Поглядим, на урожай следующего года.

Яровая рожь, привезённая купцом из Речи Посполитой, была весной отдана Епифану Воронову и дала при тех же трудозатратах двадцать семь центнеров. Тоже не лучше выпестованной им местной ржи. Что ж и здесь эксперимент продолжим.

Местные сорта ржи и пшеницы яровой уже выращиваемые третий год с двойной переборкой и прожаркой дали на круг тридцать один центнер с гектара. Это пусть на десять процентов, но лучше прошлогоднего. На следующий год и здесь нужно будет завести опытовые поля и перебрать для них семена три раза. Урожай и так народ порадовал. Опять

пришлось все войска отправлять на «битву за урожай», как шутит князь Пожарский. В этот раз и овёс с ячменём были перебраны и тоже не подвели.

Ещё летом Василий объехал всех крестьян Пурецкой и Жарской волостей, и дал им задание выбрать и принести самые крупные морковки, теперь в амбаре у Трофима Приступкина, пересыпанная песком промытым, эта морковь дожидалась весны, чтобы быть посажена для получения семян. Теперь будем ещё и морковкой заниматься. А ещё таким же образом поступили с репой. Трофим теперь будет помощником у Василия по выведению более урожайных огородных культур. На следующий год запланировано заняться капустой и огурцами.

В «зоопарке» у Кости Фомина семь верблюдиц благополучно произвели на свет верблюжат. «Зоопарком» эту заимку Пётр Дмитриевич назвал, по латыни это значит – лес для животных. Хозяйство Кости и находится на опушке леса, якам у нас жарко летом, вот они в лес, поближе к болоту и забираются. Князь из Казани и Уфы прислал ещё четырнадцать верблюдов, и теперь вместе с верблюжатами их скопилось ровно сорок. На следующий год ожидается ещё одиннадцать верблюжат. Весной всех девятнадцать старых обитателей зоопарка постригли, да ещё всю зиму вычёсывали, в итоге набралось двести двадцать килограммов шерсти. Шерсть разделили на три кучки по цветам и отдали на ткацкую фабрику для выделки нити. Пётр Дмитриевич дал команду пока

пересыпать всё это полынью от моли и хранить до следующего года. Хочет он найти специалиста по вязанию ковров и попробовать научиться и у нас ковры делать.

Як огулял и свою самку и двух предоставленных ему коров и сейчас имеются три телёночка. Ячиха отелилась бычком, а обе коровы тёлочками мохнатыми с лошадиным хвостом, князь их «хайнаками» обзывает. Яков тоже и вычёсывали и постригли на лето, но шерсти получилось мало, всего-то три килограмма. Сплошное разорение, как говорится, ни шерсти, ни молока, один навоз. Ладно, охота Петру Дмитриевичу иметь зоопарк пусть будет, дети вон ходят кататься на верблюдах. Где ещё на Руси можно на верблюде покататься?

Жеребята прошлого года, наконец, подросли, и стало понятно, кого выбирать для потомства на племя в следующем году. Дестриэ, уменьшившиеся в количестве после набега на Вершилово старшего Пожарского, принесли жеребят уже в третий раз. Вернее кобылы, спаренные с дестриэ. Сейчас ещё говорить о породе рано, но судя по двухлеткам, неплохие выйдут кони, самое то, для войска, здоровущие, выносливые и смирные. Чего не скажешь об арабских скакунах и кохейланах. Вот тем бы всё играть и резвиться, сладу с ними нет. Омар, купец, что привозит кохейланов, появился и этим летом, привёз ещё пять кобыл и три жеребца. Не маленький табун этих красавцев уже набирается. Денег Омар не взял, поменял коней на две вазы фарфоровые специаль-

но для него сделанные с затейливым переплетением зелёных полос и чёрточек. Понятно, две таких больших вазы стоят гораздо дороже восьми лошадей, но Пожарский велел купца не обижать, вазы ещё наделаем, а вот новый рынок сбыта продукции освоим и коней замечательных получим. Полуяров прощаясь с Омаром, предложил ему, по наказу князя Пожарского, на следующий год привезти на продажу красивые ковры и если получится рабов или просто мастеров, умеющих ковры вязать, а так же если это возможно десяток воинов или телохранителей. За всё обещали расплатиться фарфором или цветным стеклом. Купцу кроме того были предоставлены, как образцы товара перьевые ручки, чернильницы и бумага. Если будет спрос, то милости прошу, приезжайте, покупайте. Омар уехал довольный и окрылённый открывающимися перспективами.

Кроме этого купца были и другие. Весной просто столпотворение было от желающих на семена его «полуяровку» получить. Пожарский продавать разрешил, но только один раз от мусора и овсюга перебранную и прожаренную от спорыньи. Цена из-за этого была не маленькая, но распродали всё что приготовили, да ещё и куча купцов ни с чем уехала. Теперь нужно готовиться к новому весеннему наплыву купцов. Уже и с Казани и с Владимира приезжали, даже московский один гость был. Мог ли Василий Петрович ещё три года назад подумывать о таком, ведь из-за его ржи и пшеницы настоящие драки с кровопусканием ведутся.

Да, бог с ними, с драками, крестьяне свечи ставят в храме за многие лета «нашему Полуярову». А ещё в семье Василия Петровича родилась девочка Маша.

Событие тридцать третье

Пётр Дмитриевич Пожарский стоял перед большим караваном переселенцев и не знал, что с ними делать. Они с Марией ходили осматривать их дворец. Здание уже возвели во все четыре этажа и черепицу на крышу уложили. Сейчас вставляли рамы и стеклили их. Процесс не быстрый. Пожарский подсчитал, что заводу по производству оконного стекла придётся целый месяц работать на остекление его «Лувра». В здание было больше сотни залов, комнат и комнаток и везде огромные двойные окна, а в спальнях помещениях даже тройные. Они как раз размышляли с Машей, где будет детская, когда прибежал мэр Вершилова Коровин и сказал, что приехали переселенцы, и грамотки от царя у них нет.

Оказалось всё просто. Это была третья волна. Пётр знал, что её не миновать. Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше. Переселенцы были из Риги. Это были не крестьяне и не учёные. Товарищи были мастерами. И были они родственниками его рейтар или их жён, приехавших к ним весной. Народ обжился и написал родичам, что тут молочные реки и кисельные берега. Немцы всегда были лёгкими на подъём. Тем более Риге не избежать очередного нападения шведов.

Среди приехавших были кожевенники, были шорники (мастера по конной упряжи), были ткачи и красильщики ткани (наконец-то), были кузнецы и корабелы, даже один коновал (зоотехник и ветеринар в одном лице). Всего было восемнадцать семей. Да не семей в современном понимании этого слова, ну, там три – четыре человека. Нет, тут прикатили целые кланы с седобородым главой и несколькими жена-тыми или замужними детьми и огромным количеством внуков. На такую семью и терема маловато. Придётся выдавать больше пятидесяти домов. Но это бы ладно, построим. Но кожевенники ведь будут вонять. Их надо селить у Волги подальше от самого Вершилова. Чем они там кожи выделывают: мочой да какими-то квасцами, знать бы ещё, что это такое.

Город разрастался, скоро так начнутся проблемы с водоснабжением и утилизацией отходов, удел всех мегаполисов. Хорошо хоть сейчас нет отходов пластмассовых.

Не это волновало Петра, этих людей поселим и жильё дадим, а вот дальше. Среди следующей волны могут оказаться и больные и преступники, нужно срочно строить рядом с Вершилово карантинный пункт. Не хватало затащить к себе оспу или ещё чего похуже, чуму, там или холеру. Он дал команду Коровину всех тащить сначала в баню, а все до последней тряпочки на прожарку, а потом так же всех до одного, без каких либо исключений сначала к докторам немецким, а потом к нашим травницам. И пусть проверяют на си-

филис и гонорею. Пока бог ограждал Вершилово от эпидемий, нужно по крайней мере ему не мешать, а ещё лучше – помогать.

Приключения на этом не закончились, только добрались до дома и сели обедать, как вновь появился Коровин.

– Князь батюшка, там опять обоз. Этот с рейтарами, но людей почти нет, только возчики.

Пришлось, дожёвывая на ходу, снова двигать к медведям. Пётр оглядел необычный обоз, на самом деле – это не переселенцы. Точнее переселенец был. На переднем возке сидел молодой человек в немецких одеждах, а рядом с ним сам товарищ Ротшильд, дождались, наконец.

– Здравствуй, Якоб! Заждались тебя. А это что за молодой человек с тобой? – Пожарский тепло обнял Майера Ротшильда.

– Мы нашли вам Иоганна Глаубера сына очкового мастера из Баварии.

– Вот это ты, Якоб, на самом деле молодец. Даже прощаю тебе годичную отлучку, – Пётр внимательно осмотрел великого химика. Ну, а что он ждал от двадцатилетнего юноши. Научим, он не только глауберову соль изобретёт, но и таблицу Менделеева. Может фамилию ему поменять, нужно, чтобы такое великое открытие по-прежнему носило русскую фамилию. Женить его надо на русской дворянке и дать ему её фамилию.

– Добро пожаловать, Иоганн, в Вершилово. Я прослышал,

что ты хотел бы заниматься химией, здесь есть все условия и есть, у кого учиться, – Пожарский протянул немцу руку.

– А откуда, князь, ты слышал, что я хочу заниматься химией? – и подозрительный взгляд.

Вот влип, не начинать же с вранья встречу с великим учёным.

– Это я так шучу, – улыбнулся Пётр, – Мои люди обыскивают всю Европу, чтобы найти тех, кто желает заниматься химией, вот и на тебя вышли. Сейчас в Вершилово уже работают француз Жан Рэ и голландец Йозеф Марк ван Бодль, и я выслал письма с приглашением перебраться в Вершилово ещё двоим: Жану Баптисту ван Гельмонту в Брюссель и придворному алхимику императора Фердинанда Иоганну фон Рихтгаузену, который, по словам знающих людей, на глазах у всего двора превратил ртуть в золото.

– Про Фердинанда фон Рихтгаузена я слышал, но приедет ли он сюда, на край света. Когда Якоб предложил мне ехать с ним, я и не представлял, что путешествие займёт четыре месяца, – какой-то неулыбчивый попался товарищ.

– Ладно, Иоганн, сейчас тебя будут устраивать на постоянное место жительства. Твоё путешествие закончилось и начинается новая счастливая жизнь. Только бани не пугайся, она сделана, чтобы получать удовольствия, – Пётр кивнул трущемуся рядом Коровину.

– Теперь с тобой Якоб, понимаю, что устал с дороги. Вечером помоешься, отдохнёшь и приходи ко мне, а сейчас про-

сто скажи, что на этих возах, больно много их? – Дорога была и вправду просто заставлена телегами. Хорошо, что успели до снега.

– Здесь почти две тонны платины и много какао, всё какое нашёл в Испании и Португалии, я сделал заказы на какао бобы множеству людей в этих странах и надеюсь, что теперь поставки пойдут регулярно. Тоже самое и с платиной. Только боюсь, что такое пристальное внимание к этим товарам поднимет на них цены, – Якоб развёл руками.

– Ладно, вечером переговорим, есть у меня пара задумок, как сбить цену, расскажу.

Осталось только с рейтарами определиться, но рядом уже крутился прознавший откуда-то о возможном пополнении Виктор Шварцкопф. Молодец немец, нужно как-то поощрить его.

Событие тридцать четвёртое

Антуан ван дер Бодль стал дедушкой. У его старшего сына Иоахима и его жены, дочери пастора Виктора ван Бизе, Шарлоты Марии родился сын, которого назвали в честь князя Пожарского Питер. Маленький Питер родился не дома, как тысячи и миллионы детей до него, а в родильном доме. Эту больницу для новорождённых и их матерей придумал и построил за прошлую зиму и весну князь Пожарский. Здание было, как и школа, сделано из толстенных брёвен и об-

ложено снаружи кирпичом. На четыре палаты полагалась одна печка голландка, причём в той палате, где была топка, никто не лежал, там был запас дров и несколько кресел, чтобы могли присесть и отдохнуть доктора или «медсёстры», так теперь называли женщин, которые ухаживали за роженицами и новорождёнными. «Главврачом» этой больницы и был Иоахим ван дер Бодль. Вторым доктором был Генрих Тамм. Кроме них было две повивальные бабки, привезённые Онисимом Петровичем Зотовым из его частых поездок по Нижегородской губернии. Медсёстрами здесь работали крестьянские девушки, которые решили стать лекарками. Лечебные же отвары и настои продолжали делать травницы, что привёз в Вершилово тогда ещё княжич Пожарский. У них теперь имелось с десятков учениц, и одна всегда дежурила в родильном доме. Всех девушек учил ежедневно всему, что знал сам Антуан ван дер Бодль. Второй сын доктора Томас, которому на днях исполнилось восемнадцать лет, тоже практиковался в родильном доме. Дать ему в Московии университетского образования, конечно не получится. Но теперь уже ван Бодль сомневался, а тому ли учат в тех университетах, например в Падуе он узнал гораздо меньше, чем в Вершилово. Причём многое из того, чему его учили, не просто не могло помочь больным, но и наоборот вредило им. Пусть сыновья не смогут похвастать дипломом Падуи, зато они смогут сказать, что проходили практику в Вершилово, а это в сотню раз лучше, чем любой университет во вшивой Европе. Антуан теперь

иначе как «вшивой» Европу и не называл. Всё с лёгкой руки князя Пожарского. Очень меткое выражение. Ведь педикулёз – это не только болезнь. Это образ мыслей. Грязь, невежество и самое главное, нежелание учиться на своих ошибках.

На днях князь Пожарский привёз из очередной поездки на Урал целую группу новых врачей. Они ещё очень плохо говорили по-русски и не знали ни одного европейского языка. Но их главный – ходжи Али ибн Заир Мезуани арабский врач, был выше всяких похвал. Он знал многое из того, что поведал Антуану Пётр Дмитриевич и чего не знал ни один врач в Европе. Сейчас Али со своей дочерью Гулистон и двумя учениками тоже работают в родильном доме. Они все вчетвером как проклятые изучают русский. Ещё бы, столько знаний нет ни на одном другом языке в мире. Половину понятий просто нельзя произнести на другом языке, хоть на той же латыни, им нет аналогов в этом древнем языке. Латынь – это вчерашний день. Любой доктор должен знать русский. И Антуан подозревал, что так же думают и астрономы, и химики, и другие учёные, живущие в Вершилово.

Антуан заметил на днях, что очень охотно помогает осваивать Гулистон язык его сын Томас. Ну, что ж, девушка очень красива и ровесница Томаса, если у них что получится, будет не плохо. А вера? Ван Бодль, прожив два года в Вершилово, понял, что все разделения веры на протестан-

тов, католиков, православных нужны только иерархам церкви, чтобы «стричь деньги» (выражение князя) с доверчивых людей. Если бы богу больше нравилось то или иное течение в христианстве, он бы давно дал о том знать и сделал веру единой, значит, ему нужно просто чтобы люди верили и жили по заповедям. Чего не скажешь о большинстве жителей вшивой Европы.

Сам Антуан сейчас писал две книги. Вернее, одну перерабатывал. Свою первую книгу по траволечению он сейчас дополнял и исправлял. Более продолжительное общение с травницами и частые беседы с Пожарским во время «северного похода», когда доктор продолжал по крупицам вытягивать из князя знания по медицине, привели к тому, что книгу пришлось серьёзно дополнять и исправлять. Вторая книга была голландско – русским словарём. Ну, над этой ещё работать и работать.

Идея построить родильный дом была настолько радикальна, что первых пациенток приходилось туда буквально загонять. Как это рожать не дома? Но теперь все понимали, что так лучше, дети практически перестали умирать, а смертность среди рожениц вообще близка к нулю. В почти восьмитысячном Вершилове рожали примерно две женщины в день, Женщин с новорождёнными держали в палатах примерно неделю, и только удостоверившись, что с матерью и младенцем всё в порядке отпускали домой.

Примерно за месяц до родов женщина должна была прий-

ти на приём к доктору на осмотр и получить от травниц сбор из нескольких трав, который весь этот месяц нужно было заваривать и пить. И это было правильно, но во вшивой Европе до этого естественно не додумались. Какие всё-таки правильные книги легендарных атлантов прочитал князь Пожарский в детстве. И как хорошо, что русский язык и язык атлантов очень похожи. Очень жаль, что эти книги сгорели, сейчас и Антуан смог бы их прочитать, русский он уже знает вполне достаточно.

Слух о чудесном родильном доме пополз по округе и недавно князь Пронин, воевода Нижнего Новгорода привёз рожать в него свою жену. Ну, после него и остальные дворяне потянутся, а там и купцы. Так скоро рядом второй корпус строить надо будет.

Событие тридцать пятое

На своих ошибках учатся, а на чужих богатеют. Пётр решил воплотить этот постулат в реальные доходы. Оба его инженера получили задание сделать рулетку. Это для человека двадцать первого века ничего необычного, в семнадцатом сложнее. Пока ещё не существует подшипника качения. Подшипники нужны ещё в тысячах вещей, но пусть господа иностранные специалисты для начала сделают рулетку. Пётр, как мог, рассказал им об её устройстве. Главное, чтобы барабан крутился равномерно и не заклинивал. В помощь

Симон Стивен и Вильгельм Шиккард получили токаря, резчика по дереву и литейщика с кузнецом. Пожарский нарисовал подшипник с шариками и роликами, пусть пробуют сделать оба. Конечно, промышленность ещё не способна делать те подшипники, что помнил Афанасий Иванович, но кто-то их когда-то придумал, и это было явно до создания станков с ЧПУ. Из всей машиностроительной промышленности в Вершилово сейчас имелось четыре станка. Был первый созданный Симоном Стивеном токарный станок на литой станине, был обычный наждачный станок, химики долго бились, пока камень сделали, чтобы он и точил и не разваливался сразу. Третий станок был фрезерный, тоже пока больше проблем создавал, чем пользы, ведь надо фрезы ещё научиться делать. Четвёртый был тоже токарный, но должен был выпускать болты и гайки. Пётр нарисовал инженерам лерку и метчик, пусть пытаются создать. Пока получалось не очень. Резьба была рваная, и инструмент быстро садился или ломался. Пётр даже подумывал бросить всё до появления у него приличного металлурга, но Симон Стивен отговорил его.

– Когда мы с Вильгельмом пытаемся воплотить в металл ваши великие идеи, то приобретаем кучу бесценного опыта, – сказал тогда немец.

Ну и ладно, пусть бьются. Пётр помнил, что в сталь для твёрдости добавляют хром, но где его взять. Стоп, ведь ещё подойдёт и платина. Пожарский выделил десяток килограмм

металлургам, пусть попробуют добавлять в сталь разное количество. Если бы они знали, сколько их опыты стоят. Конечно сейчас платина не дороже золота, как в будущем, но она обошлась Петру в треть стоимости серебра, то есть на опыты парни получили больше ста полновесных рублей. Это сто коров купить можно.

После инженеров Пётр пошёл, пообщался с художниками. Во время плавания по Белой Пожарский вспомнил торгутов. Монгольские лучники больше не появлялись, но Пётр думал не о них, а просто о лучниках. И вот какими-то непонятными тропами его мозги переключились на воспоминания об эльфах. Его внучка в той жизни прямо была фанатка этих мифических существ, и вся её комната была завешана напечатанными на принтере рисунками эльфиек. Вот всю дорогу от Михайловска до Вершилово князь Пожарский и пытался нарисовать этих воительниц. Рисовал он, конечно, как курица лапой, но оружие и украшения, а также нанесённую на тела боевую раскраску он попытался изобразить.

Вот сейчас Пётр и показал свои наброски художникам.

– Я не знаю, слышали ли вы легенды об эльфах. Скорее всего – это сказки. И чёрт с ними. Представьте себе гибких, стройных девушек с луками. Их тела разукрашены вот такими рисунками. Из одежды у них только стальные нагрудники скрывающие часть груди и железные же плавки, я вот тут нарисовал. Эти предметы одежды должны быть со всякими узорами и украшены драгоценными камнями. Луки долж-

ны быть не просто палками, а тоже все изукрашены. Мечи должны быть со всякими вычурными гардами и тоже украшены самоцветами. Теперь о лице. Уши должны быть острые и длинные, глаза если они зелёные, то с зеленоватым белком, если синие, то с голубым белком. Волосы должны обязательно развиваться, и могут быть любого цвета, хоть голубые, хоть зелёные, хоть красные. И попробуйте рисовать их так, как будто волосинки гораздо толще даже чем в гриве у коня. Каждый волосок виден отдельно. У них должны быть тонкие, чуть вытянутые лица и они не должны быть добрыми. Это злые воительницы. Понятно ли я объяснил? – Пётр осмотрел всех тридцать собравшихся художников.

Те молчали, переваривали услышанное и пытались такую девушку представить. Пётр решил их добить.

– Сюжеты не важны, это может быть размытый пейзаж с лесом или скалы. Можно попробовать на горизонте нарисовать волшебный город с высокими остроконечными башнями. Можно просто голубой или зелёный фон. Не обязательно помещать лучницу в центр композиции. Попробуйте сместить её максимально от центра и нарисовать так, что она целится в вас. Стрелы тоже могут быть не простые. Пусть наконечники светятся магическим светом. Одним словом, отпустите фантазию. Мы выпустим большие вазы с раскрашенные золотом ручками, вот на них и надо будет рисовать эльфиек. Думаю, за каждой такой вазой выстроится очередь из королей.

Слушать обсуждение его бредовых идей Пожарский не стал. На днях вернётся тесть от царя, и нужно будет выступить на войну. Столько всего нужно подготовить. На северном походе логистику немного обкатали, но тогда было всего двести пятьдесят воинов и сотня саней сопровождения. Сейчас же войска набирается почти пятьсот человек, а это значит, что обоз будет уже из двухсот саней. Врут, наверное, о сотысячных армиях монголов и турок, как кормить такую прорву народа и самое главное лошадей. Если с пятьюстами такие проблемы, то войско в десять тысяч человек займёт дорогу от Казани до Смоленска.

Если по учебникам истории Наполеон вторгся в Россию с армией в триста тысяч человек, то когда он входил в Москву, конец его армии ещё в Париже в колыбели лежал. Это несколько лет непрерывного потока из войск и обоза. Точно «всё врут календари». По приблизительным подсчётам, только обоз для такой армии вытянется на тысячу километров, если сани или телеги будут ехать одна за другой даже без просвета. Или в эти триста тысяч человек как раз и входит двести тысяч человек обоза.

Но Наполеон ещё не родился, а вот свои пятьсот человек нужно к походу готовить.

Глава 4

Событие тридцать шестое

Михаил Фёдорович ходил по грановитой палате из угла в угол и всё не мог успокоиться. Дикие вещи он сейчас услышал от боярина Долгорукова. Правда ли это, возможно ли такое? Князь ушёл собираться в обратную дорогу, а Государь приказал дьяку Борисову найти и привести к нему князя Разгильдеева, а сам вот бегал из одного угла в другой. Если задумка Петруши удастся, то Русь не только все земли вернёт, что по договору 1618 года отошли ляхам, но ещё и часть исконно русских земель, что сейчас Украиною зовётся, назад у проклятых католиков заберёт. Но сможет ли юноша шестнадцати лет, имея всего не полных пять сотен, подобное совершить. Конечно, гарнизоны во взятых городах и крепостях будут оставаться не из этих пяти сотен, грамотку всем воеводам без исключения слушать указания князей Долгорукого и Пожарского меньшого они сейчас с Владимиром Тимофеевичем собственноручно написали. Даже смешно, сидит Государь и пишет сам приказ воеводам. А только, как всегда прав Петруша. Если об этом плане кто узнает, то сорвётся всё. Михаил даже Долгорукому побожился, что ни батюшке,

ни матушке ничего не скажет. Единственную коррективу в план Петра Пожарского они всё же внесли. Сейчас царь ждал князя Разгильдеева, чтобы отправить его в Севск на новую границу с ляхами. Пусть положение дел разведает до прихода в этот городок отряда Пожарского и Долгорукова.

– Великий Государь, тут французы до тебя просятся, – прервал ход царских мыслей дьяк Фёдор.

– Скажи послам, что Дума боярская ещё не решила их вопрос, – махнул на дьяка рукой Михаил и по его лицу понял, что не получится так.

– Прости надёжа Государь, но это не послы, те вчерась приходили и я им это же и сказал. Это учёные из Франции по приглашению князя Пожарского.

– Вот как! Петруша последних в Европе выгребает, уже немецкие земли все очистил от умных людей и теперь за Францию взялся, ну что ж, зови, только что с толмачом?

– Я уже парнишку кликнул из приюта сиротского, говорят, он зело в языках продвинулся, – Фёдор запустил в палату рынд и белобрысого веснушчатого мальчонку лет десяти.

– Как звать тебя, толмач? – улыбнулся бухнувшему на колени мальчику Михаил.

– Иннокентием, прозываюсь, Великий Государь, – пискнул парнишка.

– Разумеешь ли язык франков? – Михаил продолжал улыбаться. Вот и ещё одна затея Петра Дмитриевича плоды принесла, подрастают в приютах толмачи, а не на улице тати.

– Немного разумею, – мальчишка опустил голову, но царь успел заметить в глазах радость, видно остальные языки не так хорошо знал юный толмач.

Французов было шестеро. Все ещё не старые, есть даже совсем молодые, не старше самого Михаила.

– Представьтесь господа учёные, – предложил Михаил Фёдорович, кивнув головой на их долгие расшаркивания.

Чуть вперёд вышел чернявый малый с военной выправкой и полувоенной одежде.

– Рене Декарт, Ваше Величество, изучал право в Пуатье, занимаюсь математикой и философией в перерывах между воинской службой, – француз отвесил учтивый поклон.

– Как же связаны между собой воинская служба и математика, считаешь убитых врагов, – засмеялся собственной шутке Государь.

Когда его слова мальчик перевёл на французский, дружно гоготнули все шестеро.

– Нет, Ваше Величество, просто нужно на что-то жить, вот и приходится наниматься на службу.

– Правильно ты, сделал Рене, что приехал, у князя Пожарского учёные на кусок хлеба с толстым слоем шоколадного масла всегда заработают. Я пока с другими поговорю, а ты посмотри учебники по математике за первый, второй и третий класс школы, что в Вершилово, – Михаил кивнул, и дьяк Фёдор принёс учебники по математике на латинском языке.

– Клод Гаспар Баше сьер де Мезириак, – представился

второй учёный. Этот был старше, на вид лет сорока, а то и побольше.

– Чем же ты, Клод, занимаешься?

– В 1612 году я опубликовал отдельной книгой сборник занимательных арифметических задач, а в этом году вышел мой перевод с греческого арифметики Диофанта с комментариями, – учёный преподнёс Михаилу огромную тяжеленную книгу в кожаном переплёте.

Да, далеко ещё Европе до качества книг барона Шваба.

– Что ж, люди, которые пишут книги, нам нужны, езжай и ты в Вершилово, там тебе помогут превратить сей труд вот в такие удобные и красивые книги, полистай их пока, – Михаил позволил второму математику присоединиться к увлечённо штудирующему учебники Декарту.

– Жерар Дезарг. Я, Ваше Величество, только начал заниматься геометрией, сейчас пишу «Трактат о перспективе», пока же, как и господин, Декарт, состоял на службе в армии.

– Вот и хватит стрелять, пусть воюют те, кто книг не пишет, езжай Жерар и ты к князю Пожарскому, там свой трактат и допишешь и напечатаешь.

– Альбер Жирар, Ваше Величество, я, как и господин де Мезириак занимаюсь переводом греческих геометров и математиков, сейчас пишу «Трактат по тригонометрии», – учёный с завистью посмотрел в сторону увлечённо шёпотом спорящих Декарта и Мезириака с учебником математики за

третий класс в руках.

– Присоединяйся Альбер к своим собратьям, тоже нужно тебе в Вершилово, там и твой трактат напечатают.

– Клод Мидорж, Ваше Величество. Состоя на государственной службе по судебному ведомству, я с увлечением занимаюсь математикой. В настоящее время пишу книгу о «Конических сечениях», – этому тоже было лет под сорок, но парик этот возраст скрадывал.

– И ты, Клод, поезжай в Вершилово, раз тебя князь Пожарский пригласил, он умнейших выбирает по всей Европе, значит и ты их таких.

Оставался последний. Этот тоже был не молод.

– Позвольте представиться, Ваше Величество. Я – Жан Франсуа, учитель Рене Декарта и Марена Мерсенна по коллежу Ла Флеш. У меня нет приглашения от князя Пожарского, но коль мои ученики один за другим покидают Францию, то и я решил посмотреть на сказочную Пурецкую волость. Если, конечно, вы позволите, Ваше Величество? – учитель низко поклонился.

Михаил внутренне улыбнулся, вот ведь Петруша, цель себе, что ли такую поставил, сначала всех астрономов из Европы переманил, теперь всех математиков и геометров. Шесть математиков будут сидеть в соседних кабинетах вершиловской Академии Наук и этой самой наукой заниматься, ходить друг к другу в гости, спорить, писать книги и не думать о хлебе насущном, его принесут. Замечательные условия, лю-

бой поедет.

– Конечно, езжай и ты, Жан. Учите наших детей, пишите книги, я сегодня же грамотку велю для вас составить на проезд в Вершилово. И стрельцов с десятков с вами пошлю, на всякий случай.

– Спасибо, Ваше Величество, но в Европе идёт война, и мы взяли с собой по совету Пожарского двадцать французских мушкетёров, – поклонился Жан Франсуа.

Надо же, Петруша, теперь и мушкетёров собирает.

– Ничего, стрельцы тоже не помешают. Езжайте, господа и чем быстрее, тем лучше, а то князь скоро уезжает из Вершилово. Вас, конечно, и без него встретят и обустроят, но лучше вам с ним повидаться. Как вам учебники для детей, господа? – Государь осмотрел всех математиков.

– Жаль, что в коллеже Ла Флеш не было таких учебников, как всё просто и доступно написано, нужно обязательно отправить эти книги во Францию, – за всех ответил Декарт.

– Обязательно отправим, и ваши книги, что напечатают в Вершилово тоже. Всё, господа, вы свободны. Торопитесь.

Событие тридцать седьмое

У Петра Пожарского, наконец, появилось время разобрататься с интродуцированными культурами. Жители южноамериканского континента на этот раз занимали гораздо большую площадь, чем в первый год и убирали их другие,

князь сейчас только картошку перебирал.

Картофель был разделён на три кучки. Из десяти клубней, что были с куриное яйцо, выросло 145 штук, Пётр выбрал опять десяток самых крупных и 100 помельче. Этот десяток был, может чуть крупнее, чем в первый раз, а может, так только казалось, желаемое выдавалось за действительное. Из сотни остальных посаженных получилось целых два мешка. Пётр и отсюда отобрал десяток самых крупных и сотню помельче. А две картофелины вообще отдельно положил, они явно были самыми большими из всех перебранных. Посадим их отдельно.

Картофель из семян тоже порадовал, из него Пожарский тоже отобрал десяток самых крупных и сотню помельче. Остальные разделил на две кучки, самые мелкие отдал кухарке, чтобы отварила и с грибками подала, а большую часть отдал Полуярову, чтобы он одному из крестьян их отдал на посадку в следующем году.

Кукурузы было посажено почти десять тысяч растений, все через рассаду. Получилось целое поле в полгектара. Собрали две с лишним тонны. Замечательный урожай. Здесь селекцию провели по двум признакам, во-первых, собрали самую скороспелую, а во-вторых ту, что дала по три початка. На следующий год сажать будем столько же.

Подсолнух опять не порадовал. Даже скорее огорчил. Как был мелкий, так и остался. Как только русские крестьяне вывели его, ничего про селекцию не зная? Ладно, Пётр выбрал

опять сотню самых крупных и сотню чуть поменьше. Посеянный под зиму, вымерз. Всё-таки южное растение. Будем работать, что ещё остаётся.

Топинамбур дал приличный урожай, князь выбрал снова с ведро покрупнее и отдал на посадку, остальное тоже велел отдать крестьянам, пусть сразу посадят, не захотят, есть, ботву на силос истратят.

Кабачки и тыквы тоже разделили на две селекционные линии, выбрали самые скороспелые и самые крупные. Вся семья и Пожарские, и Долгоруковы с удовольствием поели тушёные кабачки с мясом. Вырастили их больше ста штук, до зимы будут деликатесы.

Помидоры превратили в томатную пасту. Отобрал семена Полуяров летом по тем же признакам, скороспелость и крупность.

Перец просто отобрали самый крупный на посадку, весь остальной отдали Сироте для изготовления пикантного сыра.

Ротшильд привёз из Испании ещё два вида новых южноамериканцев. Фасоль была не крупная и белая. Всякие цветные сорта, наверное, уже после вывели, посадим на следующий год, посмотрим, будет ли она у нас расти прямо в грунте, но немного посадим и через рассадку, чтобы семенной материал не потерять. Баклажаны были только, что и понятно, в виде мелких семян. Эти придётся выращивать в теплице и значит, нужно количество теплиц увеличить ещё на пяток.

Оставалось добыть ещё семена бобов и сладкого перца. Ничего, жизнь длинная.

А на следующий день прибыл с огромным обозом Буксбаум. Он привёл с собой более сотни подвод с мрамором из Италии. Синагогу Карло Модерна строил ударными для Италии и очень медленными для Вершилова темпами. Он только стены под перекрытие вывел. Пётр глядя на это чудо в камне понял, что с архитектором они просчитались. Нет, это будет самый великолепный храм на Руси, но это будет обычный католический собор, только без крестов. Экзотики не получится. Пожарский поинтересовался у Буксбаума, что он по этому поводу думает, после того, как ювелир передал итальянцу мрамор с рук на руки и осмотрел это белое как снег здание.

– Это чудо, – прослезился Буксбаум.

Ну, и ладно. Главное, чтобы заказчик был доволен. Буксбаум привёз с собой почти сто кустов роз. Говорит, что есть все цвета и размеры. Пётр приказал все посадить в вёдра и опустить в специально подготовленный погреб, оббитый лиственницей и утыканный мышеловками. Весной достанем и посадим, если будем дома, поглядим, а нет, так народ порадуетя.

Событие тридцать восьмое

Перед отъездом Пётр решил всем учёным заданий навыв-

давать, а то они от безделья начнут чего не того изобретать и подорвутся. Или отравятся. Нет, их энергию нужно направить в правильное русло. Первыми подвернулись под руку химики. Их теперь стало четверо. К ван Бодлю и Рэ присоединились Иоганн Глаубер и Пантелей Фомин самый младший из этого семейства. Парнишке шёл восемнадцатый год, и крестьянствовать он не хотел, хотел химичить. Пожарский эту инициативу поддержал, нужно растить отечественные кадры. За неполный год Фомин освоил жуткую смесь русского, немецкого, голландского и латыни и теперь разговаривал с великими химиками на их языке. Вот сейчас все четверо сидели перед ним в химическом кабинете академии наук и внимали.

– Давным-давно, в детстве, я прочёл книгу Атлантов по химии, – начал Пётр, – Я почти всё забыл, да ещё когда читал, то маленький был и почти ничего не понимал. Сейчас эти книги сгорели и поэтому, то, что я расскажу это всё. Другой информации не будет. Записывайте.

Народ достал записные книжки и карандаши.

– Если до большой температуры нагреть пирит, вот этот минерал, иначе именуемый «золотом дураков», то начнёт выделяться сернистый газ. Потом если его растворить в воде, то получится слабая сернистая кислота, нам она не нужна. Но если, этот газ прогнать через слой платины, вот этот металл, иначе называют ещё неправильное серебро, то получится другой газ, который при прохождении через воду

даст серную кислоту. Она гораздо сильнее и она нам нужна. Серную кислоту сейчас называют «купоросное масло». Газ этот нужно прогонять через воду, а потом кислоту, очень долго, пока она густая не станет. Потом хранить её надо в стеклянной бутылке из коричневого стекла, – Пётр внимательно оглядел химиков, народ, переспрашивая и переводя друг другу с его неправильного немецкого старательно записывал.

– Только нам нужна не серная кислота, это только начало. Нам нужна азотная кислота. Чтобы её получить нужно в серную кислоту добавить селитру. То, что получилось, нужно будет отфильтровать и испарить лишнюю воду. Получим концентрированную азотную кислоту. Вот дальше я точно уже не помню, – Пётр развёл руками, – Пробуйте, нужно обработать этой кислотой бумагу или лён или пеньку, там было написано, что хлопок, но что это такое я не знаю, какие-то растительные волокна. Всё растительное подряд обрабатывайте. Должен получиться бездымный порох, который ещё и сильнее обычного взрывается. Получите – молодцы. Русское дворянство вам обеспечено.

Дворянством заинтересовался один Фомин. «Немцам» было фиолетово, главное процесс.

– Теперь дальше. Если ртуть или серебро в растворе спирта обработать той же азотной кислотой, то должна получиться гремучая ртуть или гремучее серебро. Ни пропорций, ни условия этой реакции я не помню. Тоже пробуйте. Это ве-

щество взрывается от удара. Только не делайте много, а то и сами поубиваетесь и Академию мне разрушите. Если получится, то делать прекращайте и ни кому об этом не говорите.

– А что делать потом? – как самый старший поинтересовался Рэ.

Вот замечательные сейчас люди живут. Тут надо на две нобелевские премии изобретать, а они спрашивают, что потом.

– Потом я приеду, и будем изобретать, как делать краски из каменного угля. Всё, господа, времени нет, больше всё равно ничего не вспомню, это-то вспоминая всю голову сломал. Творите.

Следующими подвернулись механики. Вильгельм Шиккард теперь работал всегда в паре с Симоном Стивенсом. Замечательный тандем получился, горы могут свернуть. Книгу о том, как делать башенные часы Шиккард уже написал, и Пётр отдал её в работу токарям и слесарям, а ещё на пальцах и в чудовищных своих набросках показал Гвидо Рени, как выглядит Биг Бен. Тот покивал и сказал, что дело плёвое, осилим.

Сейчас Пожарский решил дать механикам задание изобрести швейную ножную машинку. Он нарисовал иглу с ушком у острия и как мог, объяснил принцип работы машинки. Там сложнее всего было, то, как игла захватывает вторую нитку, князь этого и сам не понимал, но работающую машинку точно видел, а значит, решение существует. Меха-

ники впечатлились. Изобрести такую вещь – это достойно их внимания. Ну, и чудненько.

Остался ещё аптекарь Патрик Янсен. Он как-то не очень тяготел к химикам, ему бы всё спирты, да вытяжки. Духи вон, замечательные сделал. Ему Пётр выдал задание получить из свёклы кристаллический сахар. Цвет сильного значения не имел, но если вдруг получится, не испортив сам продукт, сделать его белее, то ещё лучше.

– А зачем вам этот сахар? – удивился аптекарь.

Наивный. Привыкли в Вершилово к мёду.

– Я люблю такой напиток, который называется кофе. Его с мёдом пить не вкусно. Нужен такой сахар, чтобы был сладким, но не изменял вкуса самого напитка.

– Ясно. Сделаем.

Цены этим средневековым учёным нет. Берутся за всё что угодно и делают. Хоть бы кто наградой поинтересовался. Для них творить награда.

На закуску оставался корабельный мастер из Голландии Марк ван дер Фриз. Его Пётр пригласил вместе со старшиной артели корабелов из Нижнего Новгорода мастером Иваном Крайновым.

– Мастера, надоело мне на маленьких лодочках до Урала плавать, нельзя разве корабль сделать пошире и подлиньше.

– Нельзя, – оба ответили.

– Почему?

– Переломится.

– А если железными полосами укрепить. И вообще весь рангоут сделать стальным на болтах собранный, а уже потом деревом обшивать.

– А как это?

– А вот смотрите, – Пётр весь разговор предвидел, и рисунки приготовил и даже скрученные между собой болтом две полосы железа принёс.

– На чудо похоже.

– Я попросил бы вас, господа корабелы, бросить все дела и на мои деньги попробовать вот такую баржу собрать. Если не получится, то и чёрт с ней. Но только постарайтесь. Сделаете, не обижу, даже попрошу царя дворян из вас сделать.

– Я и так дворянин, – набычился молодой голландец.

– Значит, бароном станешь, – не стал спорить Пожарский, – Все железные детали для вас сделают, по любому вопросу обращайтесь к управляющему Зотову. А ещё подумайте, как из этой баржи можно потом морское судно сделать. Что если киль к днищу прикручивать на тех же болтах. Добрался до Астрахани на барже, прикрутил к днищу киль и можно по морю плыть. Над этим тоже подумайте. Всё господа времени нет. Пробуйте.

Событие тридцать девятое

Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков решил, что хва-

тит жить, как попало, и нужно переезжать в Вершилово. В Москве он договорился со своим старым приятелем боярином князем Пуговкой Шуйским Иваном Ивановичем о свадьбе дочери Марфы и сына князя Романа. Роман сейчас рында у Государя. Князь Долгоруков в последнем разговоре с Михаилом Фёдоровичем о своей затее царю поведал и Михаил отпустил Романа с Долгоруким. Кроме того Владимир Тимофеевич забрал из Москвы всё своё подворье в том числе и два десятка боевых холопов. Обоз получился не малый и тянулся по Владимирской дороге медленно, но спешить особо и некуда было. С Петром Пожарским они обговорили, что раньше, чем снег ляжет окончательно, и можно будет сменить телеги на сани они никуда не поедут. Сопровождал князей и десяток стрельцов. Их тоже взяли из полка Афанасия Левшина, у того всё равно уже полк из одной молодёжи и стариков состоит, всех приличных в Вершилово выгребли.

Во Владимире обоз князя Долгорукого догнал другой обоз, спешащий в Вершилово. Обоз был не меньше княжеского и для Руси ужасно необычный. К Петру Пожарскому переезжали из Франции учёные. Трое были наверное холосты и не везли ничего кроме книг, ещё трое, возрастом постарше, были люди семейные и везли с собой всех домочадцев и слуг, тоже с семьями. Необычным было то, что сопровождали обоз двадцать французских мушкетёров. Бедняги явно не особенно понимали, куда они попали и кутались в тоненькие накидки.

Боярин купил всем французам до единого во Владимире тулупы. Зима хоть ещё и не началась, но просиди целый день на лошади на пронизывающем ветру. Вон стрельцы, французов сопровождающие, одеты, как положено.

Дальше ехали вместе. Разговаривать с учёными не получалось. Из всех русских слов они знали только «Пурецкая волость», да «Пожарский». Единственное, что понял князь, что эти учёные все математики. Оно и понятно, у зятя уже столько денег, что простой ключник и не сосчитает, обязательно математик нужен. Снег застал их в дороге. Всё время пока обоз тащился по новенькой замечательной дороге от Владимира до Нижнего Новгорода, он валил и валил, словно природа вознамерилась помочь замыслам Долгорукова и Пожарского и обеспечить их хорошим санным путём.

А в Вершилово уже всё готово было к началу военной компании, припасы собраны, в сани загружены, вот только снега и боярина Долгорукова с царёвой грамотой и ждали. Пока боярин улаживал домашние дела, Пётр общался с французами, размещал их в новеньких теремах и прожарки от вшей устраивал.

Выехали первого ноября. Пётр взял с собой всех стрельцов, кроме тех двух десятков, что пришли с последним обозом, да и на что они нужны, всё равно ни стрелять толком не умеют, ни каким другим воинским хитростям вершиловским не обучены. Их оставили смотреть за порядком в городе. А вот французских мушкетёров с собой забрали, не

потому, что без них не обойтись, а потому, что оставлять их в Вершилово без присмотра опасно, дикий народ, ещё без ушей останутся. Мушкетёры все поголовно согласились с условиями контракта на пять лет. А то, что сразу на войну, так на то они и военные.

Боярин Долгоруков своих двадцать боевых холопов тоже с собой забрал. Ему безухие не нужны и подавно. Он ведь в Вершилово жить собирается.

Событие сороковое

Фёдор Пожарский страшно злился на старшего брата. Тот не взял его на войну. Сам ведь в тринадцать лет уже разгромил банду казачьего атамана Сокола, а потом ещё и татей Медведя. А Фёдору уже почти четырнадцать, а он как дитё малое на уроках во втором классе сидит. Правда в их классе совсем детей и не было, в него собрали, как раз ровесников Фёдора или детей чуть помладше. Всё равно обидно. Вон когда воины уезжали из Вершилово, то на груди у некоторых аж по три медали висело. Это Пётр турнир устроил: «Вершиловский стрелок». Всем желающим дали стрельнуть десять раз, тем, кто попал все десять, дали ещё десять, и так до ста выстрелов. Осталось из более пятисот человек только семнадцать. Вот им и выдал брат медали. На одной стороне нарисован мушкет, а на второй надпись «Снайпер» и чуть ниже поменьше буквами «вершиловский стрелок». Фёдо-

ру медали не досталось, он на седьмом десятке срезался. А после похода Пётр ещё и за этот поход медаль выдаст и у некоторых будет целых четыре медали. А Фёдора не взяли. Да ещё так глупо он промазал.

Брат, правда, пообещал такие соревнования проводить ежегодно и всегда медали выдавать победителям. Он потренируется зимой и обязательно станет снайпером. Ещё Пётр клятвенно пообещал, что Фёдор поплывёт вместо него весной в Миасс. Даже если война ещё не закончится, флот всё равно пойдёт на Урал. Вот его Фёдор Пожарский и возглавит. Ему тогда уже полных четырнадцать лет будет.

Были и положительные моменты в том, что войско ушло без него. Во-первых, не сегодня, так завтра выйдет второй том «Дон Кихота». Его, наконец, перевели на русский язык и «отредактировали». Что это значит, Фёдору объяснили. Во-вторых, рядом будет Елена Долгорукова. Они недавно поговорили, и княжна на вопрос выйдет ли она за него замуж, фыркнула и сказала, что ему ещё подрасти надо. Понятно раньше пятнадцати жениться нельзя, так чуть больше года осталось. Фёдор сейчас тренируется с новыми стрельцами и подрастёт точно. В-третьих, он теперь командир вершиловской милиции. Это старшие юноши ходят вечером по улицам города в новой красивой форме и смотрят за порядком, а то все стрельцы почти ушли на войну, а вдруг кто волю почувствует и безобразить начнёт. Вот пусть знает, что есть в Вершилово милиция, и уши они отрежут не хуже воеводы

Заброжного.

А самое главное, они вместе с немцем Арнольдом Швайцером закончили работу над книгой «Легенды древнего Мира» и скоро эта замечательная книжица про древних богов и героев будет напечатана. И в этом есть и его Фёдора заслуга, он выбирал, какую историю стоит печатать, а какую нет. Он уже довольно неплохо освоил немецкий, а профессор усиленно учит русский и когда они встречались последний раз, то герр Арнольд предложил Фёдору вместе попытаться перевести на русский язык великую книгу древнего грека Гомера «Одиссею», про войну греков с троянцами. Вот это будет книга, уж Фёдор постарается.

Всё равно обидно, что войско ушло без него, он и на стену по верёвке не хуже многих забирается и ножи метать научился. Он бы ляхам показал, как у Руси города отбирать. Подавиться можно. Трудно не подавиться когда нож в горло вошёл.

Событие сорок первое

Князь Дмитрий Михайлович Пожарский собирал войско в Великом Новгороде для похода к Смоленску, когда к нему пришло письмо от старшего сына. Прочитав его, Дмитрий Михайлович сел на лавку и за голову схватился. Дела закручивались небывалые. Больше всего поразила приписка от Государя на письме от Петруши. Царь собственной рукой на-

писал: «Сделай Дмитрий Михайлович, как сын пишет». И всё. Письмо доставил гонец, который на вопрос, кто тебе это письмо вручил, ответил, что царь батюшка лично. Дела. Даже дьяку не доверили, и Дума боярская ясно ни чего не знает. Что ж, Дмитрий Михайлович взялся осуществлять задуманное сыном. Он собрал в Новгороде Вече, которое не собиралось так долго, что про него и забывать начали. Там перед выборными от концов он объявил о формировании ополчения, чтобы отбить у ляхов земли, которые они отхватили у Руси во время смуты. Купечество и бояр князь попросил потряхнуть мощной и сам первый высыпал в бочку, стоящую на помосте без малого тысячу рублей. Все, что были. И всех призвал в войско записываться.

И народ воодушевился, потянулся и мощной трясти и в ополчение вступать. В это время подоспел и обещанный сыном дальний родственник Роман Петрович Пожарский, которого князь тут же послал в Великие Луки за тем же самым, подымать народ на войну с ляхами. Своё ополчение Роман Петрович должен был привести к Пскову.

В конце октября ополчение новгородское собралось и по первому снежку двинулось к Пскову. Там выборные от дворян и купечества тоже ополчили без малого тысячу человек. Не опоздал и Роман Пожарский. В результате общая численность ведомого Дмитрием Михайловичем войска достигла почти семи тысяч, при этом боевыми холопами, дворянами и сынами боярскими, да стрельцами набралось почти поло-

вина. Пожарский, как и советовал сын, разделил войско на пешцев и конных. Пешее войско под командованием Романа Петровича двинулось на Красный, небольшой городок на границе с Речью Посполитой километрах в ста от Пскова. Сам же князь погнал конное войско к Невелю. До него было без малого двести вёрст, но дороги уже промёрзли и снегом покрылись, так что, делая вёрст по пятьдесят в день, утром пятого дня подступили к крепости. Ляхи войско увидели, но шло оно со стороны Полоцка, очередная задумка Петруши и стягами русскими не махала, так что головная сотня ворвалась в город прежде, чем ляхи поняли, что на них напали.

Понятно, все в Речи Посполитой о войне знали. И то знали, что русские со шведами объединились. Но ведь они и другое знали, что шведы пойдут захватывать Ригу, а русские Смоленск. У ляхов ведь воеводы тоже не дураки. Не приняли эти «не дураки» в расчёт только трёх Пожарских. Ну не могло у варварской Московии хватить сил, вооружения и людей на три удара сразу. А их и не было. Чтобы кормить в дороге войско Пожарский по совету сына продал все его подарки, даже самую любимую фарфоровую вазу жены. Пётр обещал после войны всё с торицей вернуть, да ещё и сверху подарками засыпать.

Взяв Невель и отправив, почти без боя сдавшийся гарнизон, под охраной в Великие Луки, Пожарский оставил в городе пятьсот человек, а сам ускоренным маршем погнал воодушевлённое первой победой войско к Себежу. Как на грех

им по дороге попался отряд польских гусар, что следовал в Полоцк для усиления гарнизона этого ключевого для обороны всего севера Речи Посполитой города. Только у Дмитрия Михайловича было две с лишним тысячи окрылённых победой русичей, а гусар с их ненужными крыльями всего пятьсот. Стоптали. Те, так далеко от границы, шли обычной походной колонной, а у Пожарского разведка за час до встречи «дружеской» доложила о появлении противника. Разметали хвалёных гусар, как буря мелкие снопики. Своих меньше сотни потеряли, да и то по большей части ранеными, да ушибленными. Их князь назад в Невель отправил. Пленных же ляхов, которых набралось около сотни, под охраной снова в Великие Луки погнали.

Под Себежем оба русских войска и встретились. Роман Петрович с ходу атаковал слабенько укреплённый Красный и в первый же день захватил его. Ляхов отправили гулять пешими под охраной ополченцев во Псков, а поредевшее на полста убитых и раненых, сотню конвоя и триста человек нового гарнизона Красного, войско пошло на Себеж, где и встретилось с конниками Дмитрия Михайловича.

Комендант Себежа, понимая всю тщетность обороны практически не готового к этому городка, против многотысячного войска русских, попытался оговорить оставление города ляхами с оружием и пушками. Но Дмитрий Михайлович, помня наставления старшего сына, ответил, что если гарнизон просто не сдастся на милость победителем, то рус-

ские вырежут его весь и если у панов там есть семьи, то и их на кол посадят, всех до годовалого младенца.

И поверили «храбрецы» – сдались. Так десятого декабря, отбив все русские земли, перешедшие к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию, войско князя Дмитрия Михайловича Пожарского двинулось к Полоцку.

Событие сорок второе

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский сразу после Нижнего Новгорода пересел от этих двух балаболок в другой возок. Вроде взрослые люди, а ни минуты не могут посидеть с закрытыми ртами. И разговоры всё пустопорожние, то затеют перемывать косточки боярам знакомым, то гадают, что будет с датской невестой Государя. В той истории датчане нашим отказали, тут во время смуты погиб какой-то их принц приехавший жениться на Ксении Годуновой. Наверное, откажут и в этот раз, хотя Пётр посоветовал Михаилу Фёдоровичу послать в Данию немного ваз и прочей вершиловской роскоши.

Отсел он в свой возок и стал, как всегда в путешествии, итоги года подводить. В другое время просто некогда.

За день до отъезда он переговорил со всеми математиками, что приехали с князем Долгоруким. Что ж, пусть осваиваются и готовят уже имеющиеся книги к печати на латыни и переводят на русский, не сами, конечно, есть в Вершилово

кому с латыни на русский перевести. После войнушки нужно будет с ними плотно пообщаться. Они, скорее всего, математику лучше Петра знают, и даже, может, лучше Симона Стивена, всё-таки для инженера математика скорее хобби. Но ведь Декарт свою систему координат ещё не изобрёл, так что и Пётр сможет чуть-чуть математику вперёд толкнуть. А главное настроить этих парней выпустить нормальные учебники для четвёртого, пятого и следующих классов. Уже сейчас в четвёртом классе вместо математики пришлось поставить геометрию, просто учебник ещё не написан.

А поздно вечером к нему завалился, приехавший Барак Бенцион. Он привёз очередной воз с какао бобами и несколько возов произведений искусства, в том числе и картины Рафаэля и Леонардо да Винчи. Были и скульптуры. Пётр разбираться не стал, приказал сгрузить всё в Академию Искусств под роспись Питеру Рубенсу. Вот у господ художников челюсти-то поотвисают – картин на полмиллиона рублей.

Поговорили о банке. Пока особых эксцессов не было. Тех, кто решил глупых евреев кинуть, жигало и мальчишки легко вычисляют. Пару изобретателей вечного двигателя Барак привёз с собой, но Петру уже было не до них, утром в поход. Он приказал сдать вновь прибывших на руки Вильгельму Шиккарду, пусть определит, годятся ли эти изобретатели на что полезное.

Ювелир предложил открыть ещё один банк в Лионе или

Марселе.

– Не так, дорогой Барак. Нужно и в Лионе и в Марселе, а ещё, там есть рядом вольное графство Франш-Конте Бургундия, вот там тоже нужно открыть. Пусть не во всех трёх городах сразу, появились деньги – открыл.

– А хватит ли у нас денег на это, я имею в виду русские рубли? – засомневался Бенцион.

– Наделаем сколько нужно, я как раз думаю, куда золото пристраивать. Зайдёшь к Лукашу Доничу и возьмёшь у него на пробу новые русские монеты, они по сто рублей. Сумма, конечно, большая, но увидишь монеты, поймёшь.

Пётр решил сделать монеты по образу денег Атлантиды. Так, сто рублей это триста граммов золота, никому такая монета не нужна, а вот если сделать монету в двадцать граммов, а на портрете первого российского императора глаза ему сделать из сапфиров, огранённых, как умеет только Лукаш Дониц, то себестоимость монеты снижается до тридцати рублей, тройная выгода. Ну, если брать будут.

Напоследок Пётр попросил Барака попытаться договориться с испанцами и завести в Вершилово несколько лам и альпаков.

Сама война с Польшей Пожарского мало волновала. Он всё рассчитал правильно и ляхи в его ловушку попадутся обязательно. С севера Полоцк возьмёт отец, а с юга Витебск он. И все войска у Смоленска окажутся в окружении без подвоза пороха и продовольствия. Они естественно пойдут на

прорыв, вот там их вершиловцы и встретят. Пятьсот человек, это не двести, как в битве со шведами, да и мушкеты другие. И пушки с длинным стволом и настоящей картечью. Теперь главное, чтобы царёво войско сдуру Смоленск раньше времени не заняло. А то получится как в бородинском сражении, Багратиону надо было сдать свои флешы, а он их удержал, и заготовленная Кутузовым мышеловка не сработала. В результате вместо грандиозной победы получилась кровавая ничья. Зато Багратион – герой войны 1812 года. Как бы и тут князь Одоевский не перестарался. Положит кучу народу и возьмёт Смоленск, и войско ляхов, высланное на подмогу, не пойдёт на выручку, не к кому идти. И тогда они всей силой навалятся на Полоцк и Витебск. Вся надежда на огромную новую стену смоленской крепости, что русские починили, перед тем как потерять Смоленск.

Событие сорок третье

Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков отделился от отряда Пожарского в Туле. У него была своя задача, нужно было сформировать новые гарнизоны для тех городов и крепостей, что захватит Пётр. Начиная привыкать к порядкам Вершилова, князь в Туле, показав царёву грамоту о выделении половины гарнизона для отправки его в Чернигов, был неприятно поражён. Уже пару месяцев, как война идёт, а в городе сонное царство.

Долгоруков уговаривал, грозил, кричал, и снова уговаривал. В результате через неделю войско на конях и возках выдвинулось к границе. Князь проводил его до Орла и начал ту же эпопею там, ну хоть городок был поменьше, здесь управлялся за пять дней. Войско под командованием воеводы Орла князя Трубецкого двинулось к Севску, а Владимир Тимофеевич погнал коня в Брянск.

Когда они с Петром Дмитриевичем обсуждали эти метания князя, то зятёк как в воду глядел, везде лень и запустение, которое Пожарский именовал на немецкий манер «бардак». Весь план на волоске висит, тут на день опоздал, там, на день, и всё, вырвутся ляхи из готовящегося окружения или не дай бог разобьют русские войска поодиночке. Долгоруков зубами скрипел, но сделать больше, чем делает, не мог. Слава богу, что есть резерв. Во Владимире они вместе с Петром растормошили воеводу князя Василия Матвеевича Бутурлина и он с целым стрелецким полком шёл вслед вершиловскому войску.

Конечно скорость передвижения обычных стрельцов и вершиловцев разная, «наши» все одвуконь и каждый знает, что пока он едет в полевой кухне повар уже готовит обед или ужин, и на привале, высланные вперёд люди, уже развели костры, чтобы согреться. Всё движение продумано на сотню вёрст вперёд. Эх, если бы все русские войска были так организованы и оснащены. Но нет.

В Брянске история повторилась. Не могут стрельцы вы-

ступить немедленно к Трубчевску, собираться надо. И опять угрозы и уговоры. Всё равно пять дней понадобилось. Хорошо хоть самому Долгорукому больше ни куда не надо мчаться, он должен именно с отрядом из Брянска встретиться с Петром Пожарским в Трубчевске.

Между городами около ста вёрст. Вершиловцам пары дней бы хватило, а тут тащились пять дней. И ещё и двадцать человек из трёхсот не досчитались, кто заболел, кто дезертировал. Князь Долгоруков проклял весь Брянск десятком раз. К вечеру пятого дня показался посад Трубчевска, сама крепость стояла на другом берегу Десны. Берег был крутой. Если в городе до сих пор ляхи, то подходящих со стороны восхода русских стрельцов заметили бы издалека. Могли и из пушек пальнуть.

Но бог миловал. Князь Пожарский был уже в городе. Долгоруков Владимир Тимофеевич облегчённо вздохнул. Он успел привести гарнизоны во все захваченные крепости. Трубчевск обманом Пётр Дмитриевич взял только позавчера. Переодетые в польскую форму, и с польскими знамёнами, вершиловцы въехали в город под приветственные крики гарнизона. Почти и убитых не было. Сейчас почти две сотни ляхов отправляли с конвоем из собранного местного ополчения. Русские люди столько натерпелись от ляхов за пять лет их правления, что Пожарский опасался, доставят ли пленных живыми, в Брянск. Пришлось ещё десятком стрельцов из и так уже поредевших трёх сотен брянцев отправлять домой.

Пётр поведал боярину, что в Чернигове и Стародубе уже русские гарнизоны стоят, и завтра отряд выступает на Рога-чѣв, до которого чуть больше двухсот вёрст.

Событие сорок четвёртое

Князь Баюш Разгильдеев прибыл в Севск на десять дней раньше Петра Пожарского. Он показал воеводе городка дворянину Онуфрию Тихоновичу Зубову царёву грамоту и приказал тому готовить ополчение и имеющихся в городе стрельцов к походу. Воевода грамотой впечатлился и стал собирать дворянское ополчение. К приходу войска Петра Пожарского в городе было уже без малого пять сотен готовых к походу воев.

Пётр обнял Баюша и пригласил на совет, что проходил в детинце севской крепости. Выступать на Чернигов решили через день, утомлённые переходом почти в тысячу вёрст, вершиловцы нуждались хоть в коротком, но отдыхе. Воевода послал вестовых, чтобы те оповестили всех жителей Севска, пусть топят бани. Правда, во всём Севске и трёхсот дворов не было. Тем не менее, жители тепло встретили русское войско идущее вернуть Чернигов, и попарили и угостили, чем бог послал. Удивило народ лишь то, что треть воска были немцы и французы. Немцы пошли в баню с удовольствием, а вот французы отказались. Ну и пусть ходят, как черти не умытые.

От Севска до Чернигова больше двухсот вёрст. Князь Разгильдеев успел рассказать Пожарскому и про встречу с Государем и о разговоре с боярином Одоевским. Баюш с радостью заметил, что Пётр Дмитриевич этим новостям рад. Князь Разгильдеев и сам был доволен, что смог рассказать воеводе Одоевскому, о том плане, что они обсуждали с Петром, когда думали о том, как бы отбить Смоленск у ляхов. Если его советы помогут князю взять Смоленск и отбить наступления обязательно высланных на помощь польских войск, то это будет просто замечательно.

Чернигов стоял на правом высоком берегу Десны и что самое плохое, Десна хоть и покрылась тонким льдом, но перейти по нему реку на конях и тем более с санями было нельзя. Посовещавшись, решили пройти, не показываясь в виду города, дальше на юг, в сторону Киева и там найти переправу. Уже поздно вечером добрались до брода. Вот всю ночь, чтобы не попасться местным на глаза и переправлялись. Все вымокли и продрогли. Пришлось останавливаться и разводять костры, как только въехали в небольшой лес.

В этом лесу князь Пожарский и совет устроил, собрал всех сотников и командиров подразделений, был и Баюш.

– Есть два способа взять Чернигов. Первый простой, но если он вдруг не сработает, то потом даже и не ясно, что делать. Можно переодеться в польскую форму, и открыто, со стороны Любеча, подъехать к городу. Перед своими ворота закрыть не должны. Но, говорю, если, что заподозрят и за-

кроют ворота, то потом будет масса проблем, город ведь не маленький. Второй способ тот же, каким Ям брали. Два десятка Афанасия Бороды и десяток Бебезяка подкрадываются ночью к стене и залезают на неё, нужно перебить охрану ворот и открыть их. Ну, а дальше и так понятно. Кто за какой план? Высказывайтесь.

Решили действовать по второму. Так надёжнее. Чернигов взяли практически без потерь. Ляхи убили одного лучника из десятка Бебезяка. Ещё потеряли двоих рейтар Шварцкопфа. Кроме того было одиннадцать раненых, но доктор ван дер Бодль обещал девятерых быстро вернуть в строй. Двоих же стрельцов с более тяжёлыми ранениями оставили в Чернигове. У ляхов убитых было больше сотни и почти две сотни пленных. Всего гарнизон насчитывал триста человек. Два дня ждали, пока подойдёт отряд воеводы Севска Онуфрия Зубова. Пётр за это время обошёл почти всех мастеров Чернигова и даже уговорил почти два десятка семей перебраться в Миасс и Вершилово. Ещё он собрал и вооружил почти сотню человек, которые должны были доставить пленных ляхов в Севск, там для них уже и острог расширяли.

А перед выходом войска к Стародубу Пожарский озадачил князя Разгильдеева.

– Баюш, а ты случайно вашей национальной одежды не прихватил с собой? – хитро прищурился Пётр.

– Конечно, прихватил. Я все твои хитрости наперёд чувствую, – рассмеялся татарский князь.

– Вот и замечательно. Снимайте эту шведскую форму, переодевайтесь в татарское и двигайтесь в сторону Рогачёва через Любеч и Гомель. В города понятно не суйтесь. А вот по деревням и сёлам пройдите. Грабьте шляхтичей и самое главное, если там есть католический или униатский священник, то сажайте его на кол, а всё церковное имущество забирайте себе. Только если священник православный, то ни в коем случае не трогайте. Возьми с собой несколько больших возов. Только с отрядами ляхов в бой старайтесь не вступать, а то ещё наткнётесь на большое подразделение. Если, что, лучше бросайте награбленное и уходите. Жизнь дороже. Всё, что добудете – твоё. Купишь себе пару деревенок, и нормальные условия крестьянам создашь, как в Вершилово. Встретимся у Рогачёва. Если придёте раньше нас, то у города не показывайтесь, схоронитесь где-нибудь в лесу. Как тебе такой план?

Баюшу план понравился. Самое для него дело. Держитесь латиняне, ваша смерть скачет.

Событие сорок пятое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский меньшей рассматривал в подзорную трубу стены Рогачёва. Город, как и все предыдущие, находился на правом берегу реки, на этот раз на правом берегу Днепра. Днепр был не широк и не могуч и любая птица, даже воробей легко долетит до его середины.

Сейчас, третьего декабря, он уже прочно был скован льдом, и перебраться на ту сторону не составляло труда. Вопрос как всегда был один, брать город ночным штурмом с лазаньем по верёвкам или торжественный въезд.

Что-то в городе не нравилось Петру. Часовых, что ли на стенах многовато. Ворота были открыты и подъёмный мост через ров опущен. Въезжай себе смело, но что-то останавливало. Шестое чувство? Стены были каменные. Сам городок, или его посадки с этой стороны были практически не видны. Выдавали их только дымы от топящихся печей. Стремительное зимнее солнце уже готовилось спрятаться в облака на западе. Ну, и ладно. Будем штурмовать ночью. Бережённому – бог бережёт.

Ещё Петра тревожило отсутствие князя Разгильдеева. Как бы не увлёкся Баюш, потроша костёлы и панские поместья. Если он нарвался на крупный отряд или засаду и под пытками выложил всё, что знает, то операции «Барбаросса», как Пожарский обозвал свой план окружения польских войск у Смоленска, придёт конец. Зря, наверное, он отпустил этого рубаку одного. Хотелось, как лучше и Баюшу материальное положение улучшить и по католической вере исконно русских земель удар нанести. Надо ведь постараться сделать так, чтобы ни каких белорусов и украинцев не возникло. Единая мощная Русь.

В лазание по канату Пётр тоже решил принять участие. С собой он взял четыре новых пистоля с ударным замком. И

десяток метательных ножей. Обузой спецназу Афанасия Бороды он точно не будет. Надели белые маскхалаты и споро перебрались через Днепр. Все остальное войско уже на конях, ждёт отмашки, чтобы в городок ворваться. Решили забираться на стену в непосредственной близости ворот. Что уж, тридцать человек, два десятка Бороды, да десяток Бебезяка, не удержат несколько минут ворота до прибытия главных сил.

На удивление народу на стенах оказалась тьма. Они всё бросались в самоубийственные атаки и бросались. Пётр и все пистолеты использовал и все метательные ножи, а нападающие не заканчивались. Он краем глаза отметил, что и у лучников уже стрелы заканчиваются, а ведь десять человек и по двадцать стрел на каждого. Уже и рубка на саблях пошла, благо стена, а не чисто поле, обойти с нескольких сторон не удастся.

И тут, наконец, загремели выстрелы. Из леса через Днепр доскакали основные силы. Продержались. Бой плавно перетёк со стены на превратную площадь и дальше в крепость. Последние ляхи забаррикадировались в конюшне и отстреливались из пищалей оттуда. Пётр, наконец, смог отдышаться, оглядеться и оценить обстановку. Вся крепость, довольно большая, была внутри завалена трупами, не меньше двухсот, определил князь навскидку. Были и вершиловцы в белых халатах. Плохо. С самого начала штурма всё пошло не так. Слишком упорное сопротивление и слишком высока дисци-

плина.

Из ворот конюшни махнули белой тряпкой. Пётр приказал прекратить огонь и вышел навстречу пану вместе с Заброжским.

– Коронный гетман Кшиштоф Миколай Радзивилл желает переговорить с вашим головой. Кто руководит вашим войском? – пан свысока посмотрел на Петра, который его был выше на полголовы.

Товарищ ещё чего-то шипел, а Пожарский уже понял, что случилось. В крепости был тот самый Радзивилл, что пару лет назад разбил сына Карла IX Густава II Адольфа. В эту войну он должен быть в Прибалтике и чего-то там не поделить с Львом Сапегой. Или это позже будет. Ну, теперь уже точно им делить нечего, разве, что одну тюремную баланду.

– Передайте гетману, что его готов взять в плен князь Пётр Дмитриевич Пожарский, – мило улыбнулся ляху Пётр, выслушав перевод Янека.

– О плене не может быть и речи! Коронный гетман приглашает князя на переговоры, – завопил шляхтич.

– Хорошо. Где будут переговоры? Не на конюшне же, – усмехнулся Пожарский.

– Вы даёте рыцарское слово, что всё будет честно? – опять свысока снизу глянул пан.

– Даём, клянусь Иисусом Христом, – перекрестился Пётр Дмитриевич.

Пан подозрительно на него глянул и ушёл, как уходят победители.

Кшиштоф был тоже пониже Пожарского с коротко стриженной седой бородой и длинными усами красиво закрученными. Усы были рыжие, то ли крашенные, то ли ещё поседеть не успели. Он был в накидке из соболей и в соболиной кругленькой шапочке с пером какой-то птицы.

Оказалось всё просто, товарищ хотел, чтобы его с флагами и солдатами выпустили из крепости и проводили до Минска.

– Будет по другому, – мило улыбнулся ему князь, – Вы сдаётесь без всяких условий и мы отправляем вас в Москву под охраной. Второй вариант хуже. Мы подтаскиваем пушки и начинаем бить по вашей «крепости» прямой наводкой. Какой неправильный вариант вас не устроит?

– Вы не рыцарь, я честно дрался, и я Коронный гетман и князь! – дёрнулся полководец.

– У вас времени минут десять, – закончил Пётр этот диалог.

Князь Радзивилл гордо удалился. Сдался он через пять минут.

Кто бы сомневался.

Событие сорок шестое

Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков слушал зятя и отказывался верить своим ушам. Так поступать нельзя. А

как же честь? Это же союзник Руси.

– У Руси только два союзника. Это её войско и её флот. К сожалению второго союзника сейчас нет. И это потому, что наш нынешний союзник Швеция пять лет назад отняла у нас всё побережье Балтийского моря. Или я чего-то путаю. Их позвали на помощь против ляхов, а они вместо этого подло отняли у нас почти весь север. Об этом ли союзнике мы сейчас говорим? – Пожарский зло смотрел на тестя.

Владимиру Тимофеевичу от этих слов, а особенно от этого взгляда стало не по себе. Сразу и спорить расхотелось. Тем более что глубоко в душе он план зятя одобрял. Если он удастся, то это серьёзно укрепит страну.

План был прост. Гетман Радзивилл забирает от Смоленска все войска, в том числе и гарнизон Смоленска и движется по русской территории до Пскова. А там всеми силами ударяет шведам в спину и отбивает Ригу и всю Ливонию. Россия получает Смоленск без боя, ляхи могут получить Ригу с боем. Война между Речью Посполитой и Русью при этом не прекращается. Всё идёт своим чередом пока ляхи не запросят перемирия. Но что будет, когда Густава Адольфа известят о подлом поступке русских?

– А что мы обещали ему, что истребим всех ляхов. Они сдались под Смоленском и по условию сдачи мы выпустили их домой с оружием. Это ведь обычная практика. А какой дорогой они пошли домой это их собачье дело, а нас победителей не касается ни каким боком. Захотели пойти в свою

Ливонию, вот и пошли, – мгновенно нашёл довод Пожарский.

– А что скажет князь Кшиштоф Радзивилл?

– Вот сейчас у него и спросим.

Коронный гетман, оказывается, вполне сносно ругался по-русски, да и остальные слова знал.

– Господин гетман, что вы скажете, если мы проводим вас до Смоленска и разрешим вам забрать там все войска, в том числе и гарнизон Смоленска и разрешим, пройти по нашей территории до Пскова с оружием и пушками и даже припасы на дорогу дадим. От Пскова вы повернёте на запад и ударите в тыл шведам, отобьёте у них назад Ригу, да и самих изрядно потреплите?

– Я не сдам Смоленск.

– Мой отец сейчас занимает Полоцк, я отсюда иду на Витебск, и вся ваша армия оказывается в окружении и без подвоза продовольствия, фуража и боеприпасов. Сейчас зима, зачем нам потом хоронить тысячи людей. А ведь эти люди помогут вам вернуть Ригу. Смоленск с вами или без вас Речь Посполитая уже потеряла, как и Чернигов и все до единого города и крепости, перешедшие к вам по несправедливому договору 1618 года. Более того, я думаю, что после Витебска я захвачу Минск и пойду на Вильно. Или, если мы договоримся, останусь в Витебске. Этот город, как и Полоцк, Речь Посполитая потеряла тоже навсегда. Наша варварская Московия сейчас не та, что была пять лет назад. И ваша страна

не та. А ещё мы можем договориться с крымскими татарами и пропустить их через свои земли, чтобы они регулярно совершали на вас набеги. А ещё король Франции хочет заключить с нашим Государем договор о дружбе и взаимопомощи. Так каков будет ваш положительный ответ.

– А как на это посмотрит Густав Адольф, – Радзивилл криво усмехнулся.

– Одним глазом. Второй вы ему выбьете под Ригой, – протянул руку Пожарский.

– Мне надо подумать, – отстранился Коронный гетман.

– Да, непременно! Пяти минут хватит? Только учтите, что сейчас под Смоленском убивают поляков и ваше войско уменьшается.

Гетман согласился. Вытребовал две тысячи рублей на закупку продовольствия и фуража у населения. Отстоял тех ляхов, что захватили в плен в Рогачёве и сопровождающего до Смоленска и потом до Пскова в лице князя Долгорукова.

– Господин гетман, – сказал Пётр Дмитриевич напоследок, когда они с князем Владимиром Тимофеевичем сели в возок, – Если поляки по дороге до Пскова начнут мародёрствовать, то я не остановлюсь в Витебске.

– Кто это страшный юноша и откуда он взялся? – спросил Радзивилл князя Долгорукова через несколько минут, когда они уже уютно устроились под медвежьей шкурой в просторном крытом возке.

– Это сын князя Пожарского Пётр и даже мой зять, но я

думаю, что в его тело вселился Георгий Победоносец, покровитель Москвы, – впервые высказал эту мысль вслух князь Долгоруков.

– Это единственный ответ, который всё объясняет, – прошептал гетман и перекрестился слева направо.

Владимир Тимофеевич тоже перекрестился, но справа налево.

Событие сорок седьмое

Царь и Великий Государь всея Руси Михаил Фёдорович Романов читал письмо от князя Одоевского и отказывался верить своим глазам. Вернее, не так, слушал, как читает письмо дьяк Фёдор Борисов, и отказывался верить своим ушам. Он по нескольку раз приказывал прочесть одно и то же место. Этого не могло быть. Нет, после рассказанного князем Долгоруким и одобренного Государем плана Петра Пожарского, ляхи, попавшие в окружение под Смоленском, должны были задёрнуться. По плану они должны были двинуться к Витебску и попытаться его захватить или прорвать блокаду. Но вместо этого ляхи сдают Смоленск, снимают осаду русского войска и всеми силами под руководством коронного гетмана Кшиштофа Радзивилла при оружии и пушках двигаются в сторону Пскова.

Разве такое бывает. Причём ни Полоцк, ни Витебск ещё не захвачены, и война продолжается. Стены в Смоленске не

разрушены почти, русские войска только подтащили, наконец, тяжёлые осадные пушки и ядра к ним. Всё слишком хорошо, чтобы в это верить. Да, князь Одоевский одержал две победы. Он практически истребил отряд, что ляхи выслали из Смоленска, чтобы уничтожить осадные орудия. Вылазка наткнулась на замаскированные пушки, заряженные картечью и две сотни стрельцов с изготовленными к стрельбе пищалями. Почти все пятьсот ляхов, что принимали участие в вылазке и полегли. Меньше сотни, ничего не добившись, удрали назад в город. Сработал план князя Разгильдеева.

Вторую победу воевода Одоевский одержал над польским войском, шедшим на выручку осаждённому Смоленску. Передовой отряд напоролся на засаду из поваленных деревьев и политому водой снегу с разбросанным «чесноком» и тоже почти полностью полёг, после чего ляхи встали и разбили лагерь, так и не дойдя до Смоленска.

А вот теперь сдали Смоленск, и ушли, да не к Витебску, а к Пскову. Чудеса. Хорошо, что было и второе письмо от князя Долгорукова. Его Государь прослушал тоже несколько раз. Чудеса объяснялись. Оказывается, войско Долгорукого и Петра Пожарского захватило в плен коронного гетмана Радзивилла при взятии городка Рогачёв, и Петруша заставил гетмана увести войска от Смоленска и сдать город в обмен на пропуск к Пскову и помощь продовольствием и фуражом для войска. Гетман шёл отвоёвывать у шведов Ригу.

Русское войско, подготовленное за весну и лето к войне,

вместе со всеми осадными пушками оказалось глубоко в тылу. А войну продолжают вести только ополченцы Дмитрия Михайловича Пожарского и по сути всего полк Петра Дмитриевича Пожарского. Ну и ещё городок Велиж взят в осаду тоже ополченцами под командованием Романа Петровича Пожарского. Царь вспомнил вдруг, как несколько лет назад хотел иметь ещё парочку Пожарских. Вот, уже трое.

Михаил прослушал письмо князя Долгорукова в третий раз. Тот выехал с гетманом Радзивиллом в Псков, так сказать, проводить. Оттуда Владимир Тимофеевич собирался напрямую двигаться к Витебску. Князь просил Государя в Витебск прислать и часть войска освободившегося под Смоленском, а вторую часть двинуть к тому же Пскову, но через Велиж.

– Фёдор, пошли за батюшкой. Пусть скажут, что дела больно важные и отлагательства не допускают, – проговорил царь и задумался.

Патриарх Филарет появился через час, оказывается, он прихворнул и лежал в постели, но на зов сына покряхтел и пришёл. Михаил вместе с отцом в четвёртый и пятый раз прослушал письма от воевод.

– И что же ты решил, Мишенька? – Филарет поудобнее устроился в вершиловском кресле и приказал Фёдору принести чая китайского с малиновым вареньем.

– Нужно срочно гонца слать к князю Одоевскому и разделить его войско на три части. Одну оставить в Смолен-

ске. Вторую послать в Витебск, а третью и впрямь к Пскову. Пусть Густав Адольф знает, что войско на границе стоит. Он ведь, как увидит ляхов с тылу, так зело осерчает на нас, – пока отца не было, Михаил это всё обдумал.

– Осерчает. Ну, да не до нас ему будет первое время. Князь Радзивилл его пару лет назад разбил под Ригой. Он тогда перемирия запросил, думаю, что и сейчас дела у него лучше не пойдут, вроде как много войска он положил, Ригу штурмуя, – патриарх отхлебнул глоток чая.

– А дальше-то, что? – задал мучающий его вопрос Михаил.

– Когда Петруша Витебск возьмёт, и Дмитрий Михайлович Полоцком овладеет! – Патриарх Филарет усмехнулся, – Послов сначала ляхских, а потом шведских ждать будем. Надо только с посольством франков от Людовикуса до этого определиться. Прислал ли Петруша ответ на вопрос о фарфоре и цветном стекле с зеркалами?

– Прислал. Пишет, что фарфор делать научим, но секретный компонент, что он с Урала возит, нужно будет продавать франкам, выдавая за китайский. А по цветному стеклу так же, краски, мол, покупаем у китайцев и согласны вам продавать чуть дороже. А вот про зеркала пишет, что ни в коем случае нельзя секрет франкам передавать, пусть у нас готовые покупают первыми.

– Что ж, прикажи послов позвать. Заждались уже. Который месяц на Кукуе бражничают.

Событие сорок восьмое

Пётр Дмитриевич Пожарский обходил Витебск с охраной из спецназа Афанасия Бороды. И Пропойск и Витебск взяли хитростью. Переоделись в польскую форму и спокойно въехали в ворота. Итого за три месяца они захватили шесть городов. Больше тысячи пленных ляхов уже путешествуют по Руси в сторону Казани и Нижнего Новгорода. Там будут построены лагеря для военнопленных, которые будут дробить камень в щебёнку и гравий для строительства дороги Нижний Новгород – Казань. Дорога пройдёт через Чебоксары и Свияжск. Расстояние там не больше чем от Владимира до Нижнего, так что грунтовку за два – три года должны осилить. Потом пленных либо разрешат выкупить родственникам, либо если выкупать не станут, то товарищи продолжают строить дорогу до Уфы.

А ещё вместе с пленными, но совсем на других условиях в сторону Вершилово двигалось около сотни семей мастеров. В каждом городе находилось пару десятков человек, которые выслушав предложения князя Пожарского о переселении на Урал и в само Вершилово, получали проездные и собирались в дальнюю дорогу. Ехали плотники и кузнецы, кожевенники и ткачи, даже один аптекарь в Витебске нашёлся. Пётр выдавал людям десять рублей серебром и выписывал грамотки для воевод, чтобы не препятствовали переселенцам.

Вместе с двумя десятками семей из Витебска уезжал и князь Разгильдеев. Баюш появился в Рогачёве на второй день после взятия города вершиловцами. С князем было семнадцать человек из двадцати, причём трое ранены и семь возов добра. Доктор ван Бодль раненых осмотрел и сказал, что двое вне опасности, а вот у третьего, раненого в ногу, началось заражение. Антуан провозился с раненым татаринном почти два часа, вскрывал рану, очищал и накладывал повязку с распаренными травами. Выходил. Не зря три года в Вершилово учился.

Баюш рассказал, что недалеко от Рогачёва наткнулись на полусотню польских драгун. Попытались оторваться, но ляхи попались упёртые, тогда князь людей спешил, и когда драгуны приблизились на расстояние выстрела, их встретил залп из мушкетов. Конечно, двадцати вершиловцам пять десятков ляхов было бы на один зубок, а здесь Разгильдееву после залпа пришлось снова спасаться бегством. А драгуны не отстают. Пришлось разворачиваться и принимать бой на саблях. Десяток ляхов удрал, остальные полегли, но и у татар были потери, трое убитых и трое раненых. Зато пограбили панов и ксёндзов они от души. Денег и ценностей хватит на покупку десятка деревенок и приведение их в образцовый порядок. Князь Разгильдеев был доволен. А что троих людей потерял. Так на войну шли, а не к теще на блины. На войне убивают.

У князя Пожарского тоже были потери, и не маленькие.

Больше всего, конечно, погибло в Рогачёве, при битве с гвардией гетмана Радзивилла. Всего взятие шести городов обошлось Петру в 35 убитых и сорок раненых. В сотне Кострова, которые по существу вершиловцами не являлись, погибло двадцать два человека, и двенадцать было ранено. Убило двоих французов и одного ранило серьёзно, сейчас ван Бодль над ним бьётся. У Виктора Шварцкопфа семь убитых и пятнадцать раненых. Одного убило в десятке Бебезяка. Одного убило в сотне Малинина и двоих в сотне Шустова. И у того и у другого по шесть раненых. Доктор Ван дер Бодль и доктор Генрих Тамм обещают из этих сорока раненых точно вернуть в строй человек тридцать пять, раны не глубокие и в основном резанные, от удара саблей. Но и за оставшуюся пятёрку обещали побороться.

Сейчас Пётр ждал прибытие смены. Город по договорённости с князем Долгоруким должны занять войска присланные тем из-под Смоленска. Сам же Пётр собирался с остатками своего войска идти на помощь отцу, брать Полоцк, но сегодня утром пришла грамотка с гонцом от Дмитрия Михайловича, что город он захватил. Ну, и, слава богу. Вершиловцы устали, они зимой проделали путь от Нижнего Новгорода до Чернигова, а потом оттуда до Витебска. Огромное расстояние, да ещё и шесть городов на досуге взяли. И что самое неприятное, ещё ведь домой весной по распутице тащиться. Сейчас стояли крещенские морозы. Вот если бы после морозов сразу тронуться в обратный путь, то можно до

распутицы успеть и дома оказаться.

На третий день после Крещения в Витебск под командованием Куракина Фёдора Семёновича, наконец, прибыло семьсот стрельцов из-под Смоленска. С ним же была и царёва грамотка, в которой Пётра царь требовал в Москву. Ну, другой дороги домой и не было. Из Витебска на Смоленск, потом до Вязьмы, а там и на Москву. Велика Россия. И отступать есть куда, до Вершилово не меньше тысячи вёрст.

Глава 5

Событие сорок девятое

Иван Пырьев на войну с ляхами не попал. Полк Афанасия Левшина оставили в Москве. Во-первых, кому-то надо и в городе остаться, порядок поддерживать и резервом быть. А во-вторых, полк состоял из одной молодёжи, да престарелых ветеранов, остальные уже несколько лет, как в Вершилово переселились, да и продолжают переселяться. Иван почему-то не сомневался, что сотня Кострова назад не вернётся. Что в Вершилово попало, то пропало.

Всего в Москве девять стрелецких полков, но шесть ушли к Смоленску, а в столице осталось только три. Футбол, которым и должен был заниматься Пырьев, стал чахнуть. Одно дело, когда в чемпионате участвует девять команд, по одной от стрелецкого полка, и совсем другое три. Зато строился стадион. Государь выделил место недалеко от Кремля, там снесли пяток домов, да каких домов – землянок. Это в Вершилово дома. Огородили место забором и сейчас строят «трибуны» – места для «болельщиков» и просто зрителей.

Пырьев продолжал тренировать команду полка Левшина и уделять часть времени двум другим командам, но как-то

в беседе с полковником, он проговорился, что может и поучить чему стрельцов из молодёжи в родном полку. Вот с тех пор он ещё и специально отобранную сотню из молодых гоняет. Сотником стал.

Иван сначала налёг на выносливость. Новобранцы бегали по кругу на стадионе, отжимались, подтягивались. Понятно, что у всех заболели мышцы, но Пырьев знал, что через некоторое время это пройдёт и нагрузки не снижал. Через три недели молодёжь начала, наконец, бегать, а не ползать. Тогда Иван добавил тренировки по метанию ножей и стрельбу из арбалета. Нужно было бы из пищалей тренироваться стрелять, но беда с огненным зельем. Весь порох под Смоленском. После Рождества Пырьев добавил и тренировки по казачьим ухваткам. На эти тренировки приходили поглазеть со всех полков, оставшихся в Москве, даже один раз патриарх Филарет заглянул. Долго стоял, жевал губами и качал головой. Потом вдруг резко развернулся и впереди свиты целой из монахов и бояр ушёл прочь. А на следующий день занимающихся у Ивана добавилось. Это были монахи. Охрана патриарха. Лбы были здоровые и явно в юности в кулачных боях участвовали, только против ухваток тупая сила не противник. Монахи попались упорные, на шишки и синяки внимание не обращали. За ними и стрельцы его сотни потянулись. Тренировки стали гораздо жёстче и даже травмы начались.

Иван между тем стал своим и тренировки по лазанию на

стену проводить. Опять пришла делегация, на этот раз все три стрелецких полковника с сотниками. И опять у Ивана работы добавилось. От каждой сотни размещённых в Москве полков прибыл один человек, а это три полка да по восемь человек, больше двух десятков новых учеников. Только с этими пришлось всё с начала делать. Чтобы на стену взобраться нужно мышцы на руках сперва накачать. Нужно отжиматься и подтягиваться.

Так незаметно и Крещение прошло. А вот сразу после Крещения новости пришли, сдали ляхи Смоленск, и ушли в Ливонию со шведами воевать. Да ещё наши Полоцк и Витебск заняли. Что-то теперь будет? Не иначе перемирия ляхи запросят. А то так Пётр Дмитриевич и до Вильно дойдёт. Эх, жаль, Ивана с вершиловцами не было. Они теперь, хоть как, ещё по одной медали заработают. Да и премиальные деньги князь выдаст, как после похода на шведов. А он тут молодёжь с монахами учит. Не справедливо.

Вершиловское войско входило в Москву пятого февраля. Их ни с кем другим не спутать. Все одвуконь, и кони как на подбор, только польских дестриэ с сотню. Понятно и было этих великанов не мало, а теперь ещё трофейные добавились. Кроме того форма у стрельцов другая, зимой все одеты в тёплые «шинели» из толстой шерсти и валенки. Ни какие крещенские морозы не страшны. Так это что, со стрельцами ещё почти две сотни рейтар немецких и даже мушкетёры французские. Москвичи все до единого на улицы выперлись

на небывалое воинство поглазеть.

Остановились вершиловцы в расположении полка Афанасия Левшина, как ни крути родной для них полк. Тут уж Иван и с Афанасием Бородой пообщался и с Шустовым и с другими стрельцами из первых вершиловцев. Оказывается, некоторые успели и ещё одну медаль до похода получить, называется «вершиловский стрелок» или «снайпер» – это кто из ста выстрелов сто и в мишень попал. Эх, будь он проклят, тот футбол, так все награды прозеваешь. Нужно проситься у царя батюшки назад в Вершилово.

Событие пятидесятое

Первым Петром Пожарским в Москве завладел не Государь, а патриарх Филарет. Михаил Фёдорович был на заседании боярской Думы. Думали, что дальше делать? Можно было идти на Гомель, или на Киев, или даже на Минск. А можно было остановиться. Пётр, узнав об этом от патриарха, пригорюнился. Точно ведь решат Киев брать. Он-то точно знал, что юг Украины нужно оставить на закуску. Там барьер крымчакам. Те ведь не только в набеги на русские южные городки ходили, но в основном как раз на украинские, вернее на Червонную Русь. Идти на Минск тоже глупость. Зачем? Нужно сначала обустроить, то, что уже хапнули, пороха накопить, пушки новые отлить, мушкетеры переделать на такие, как у него, а потом подумать, не раньше ли надо у шведов

отбить то, что они по Столбовому договору от Руси отрезали. Нужен выход к Балтийскому морю. Торговать нужно.

Всё это Пётр патриарху и изложил. Его Святейшество пожевал губами и вдруг перевёл разговор на вопросы веры. Что Пётр думает о единстве веры на всех исконно Русских землях.

– Я князя Разгильдеева послал пройтись по сёлам, что между Черниговом и Рогачёвым и всех католических и униатских священников на кол посадить, а сами храмы разграбить и увезти всё имущество на Русь. Здесь перебрать, что подойдёт для православных храмов им отдать, а что латинянское и приспособить нельзя, то в переплавку. Он сейчас всё это имущество и везёт в свою вотчину, храм новый там строить собирается. Каменный, как в Вершилово, ну, может не такой величественный. Я ему мастерами и деньгами немного помогу.

– Хорошее это дело, – опять пожевал губами Филарет.

– Сам я во всех шести городах, что взял, проделал то же самое. Только священников не убивал, а погнал с прочими пленными камень для наших дорог дробить, совсем немощных только оставил, но их не много. Имущество тоже на православные храмы пойдёт. Мне ведь нужно строить храмы в Михайловске и Белорецке, да ещё собор в Миассе. Всего ликвидировал я двадцать шесть костёлов и церквей. Только ведь, Ваше Святейшество, есть два метода убеждения. Это кнут и пряник. С кнутом всё ясно. С пряником сложнее, –

Пётр внимательно посмотрел на патриарха, готов ли тот к такому разговору. Филарет тоже внимательно смотрел на юношу и перебирал чётки.

– Нужно, чтобы при каждой церкви, при каждом храме и монастыре была школа для детишек. Священник должен сам грамоте разуметь и других учить. Для этого много книг надо, и надо, чтобы книги эти были грамотными и умными людьми написаны. Библии должны быть все напечатаны и напечатаны по единому образцу. А священник должен читать библию, а не заучивать наизусть, – Пётр снова посмотрел на патриарха. Тот всё так же молча перебирал чётки.

– Чтобы иметь грамотных священников нужно основать в нескольких крупных городах семинарии и академии, чтобы священников учить, а затем дальше учить на игуменов и митрополитов.

Тут, наконец, Филарет соизволил отреагировать.

– Кто же учить будет? – теперь он в упор смотрел на Петра.

– Нужно начать строить здания этих академий и одновременно послать ко всем патриархам православным письма с просьбою послать учителей, а чтобы не отказали богатые дары подготовить. Дары я могу взять на себя.

– Думаешь, купятся? – хмыкнул старец.

– Нет неподкупных людей на свете, просто у каждого человека своя цена. Одному хватит вазы фарфоровой с библейским сюжетом. Второму придётся пообещать его человека ректором академии поставить. Только ректор умрёт, а

академия с учителями останется. А ваз новых наделаем.

– Как будто не с юношей говорю, а со старцем, – неожиданно встал кресла патриарх и заходил по горнице, – Ещё что мыслишь?

– Нужно нам несколько человек, что книги писать будут, в споры с еретиками латинянами вступать богословские и побеждать их. Я бы те книги издавал и на русском и на латыни. Нет ли у вас Ваше Святейшество таких людей на примете? – Есть в Киеве монах один, происходит он из шляхетской семьи, но православной. Зовут его – Захария Копыстенский недавно вышел его трактат «Книга о вере единственной». Сейчас он готовит к изданию новый трактат: «Книга о правдивом единстве православных христиан». Думаю, что это именно тот человек, о котором ты говорил, сын мой. Только захочет ли он Киев поменять на Москву? – пожал плечами патриарх. – А если не на Москву, а на Вершилово. Давайте, Ваше Святейшество вы ему приглашение в Вершилово пошлёте, и я сам письмецо чиркну, да подарочек, какой-нибудь отправлю. Может двоих-то нас и послушает? – Так, Петруша, давай мы и сделаем. Кроме того есть в Муроме губной староста Дружина Юрьевич Осорьин автор «Жития Улиании Осорьиной», его матери. «Житие» написано после обретения мощей Улиании в 1614 году, книгу напечатали в Москве в позапрошлом годе. Может и этот человек тебе подойдёт?

– Обязательно подойдёт, вы попросите его, Ваше Святейшество, бросить свой Муром и перебираться в Вершилово.

– Ну и есть в Москве иннок один, что вирши складывать горазд, и тоже писать книгу об апостолах задумал. Зовут инока Парфёном Ожоговым. Двух последних послать к тебе не сложно. С Захарием Копыстенским как решили, так и делаем. А про Академии и семинарии я подумаю, с иерархами церкви посоветуюсь и грамотку тебе пошлю. Если строить Академии в крупных городах, так и в Вершилово, небось, задумал? – прищурился Филарет.

– Могу весной начать строить. Пока спишемся с патриархами, пока учителя подъедут, как раз готова будет. Ну и на одну-то Академию всем русским миром найдём чай учителей. У меня вон философы есть.

– Так латиняне, – зло зыркнул патриарх.

– Протестанты. Они тоже с католиками борются. Враг моего врага – мой друг.

– Что ж, быть по сему. Строй. И ещё хочу в Вершилово монастырь мужской построить. Поможешь?

– Конечно, Ваше Святейшество, а ещё бы женский в Миассе. И, Ваше Святейшество, повлияйте на митрополита нижегородского. Он даже на открытие собора не соизволил прибыть, хоть и был приглашён. Словно и не существует Вершилова для него. Короли, поди, все до единого спят и видят, как в моём сельце оказаться, а наш митрополит за четыре года ни разу не был. Народ шепчется. Думают, может, что не так с храмом нашим.

– Вот как? Попеняю я ему, договорились.

Событие пятьдесят первое

Царь и Великий Государь всея Руси Михаил Фёдорович Романов шёл с заседания боярской Думы в очень плохом настроении. Дума порешила воевать Киев. Какими войсками? Вернуть князя Одоевского из Пскова, нечего ему там делать. А если шведы на нас за Ригу обидятся, да исполчатся? Так там есть князь Пожарский с ополчением.

Сейчас Михаил шёл на встречу с Петрушей и предчувствовал, что тот скажет. Тот и сказал, а патриарх его поддержал.

– Киев это щит от крымчаков, его брать нельзя. По крайней мере, сейчас. Пусть ляхи с турками и Крымским ханством воюют. У нас своих проблем выше крыши. Нам наоборот нужно сейчас на два года перемирие заключить, а через два года вместе с ляхами напасть на шведов и вернуть земли, что по Столбовому договору утрачены. Нам нужен выход к Балтийскому морю, и порт там построить и дорогу к этому порту хорошую провести.

– А Дума? – Михаил посмотрел на отца, а не на Петра.

– Государь, ты ведь представляешь расстояние от Москвы до Пскова, а потом от Пскова до Киева. Это несколько тысяч вёрст. Сначала гонец медленно спешит догонять князя Одоевского, который идёт к Пскову. Потом Одоевский резко заболевает, и пошлёт гонца в Москву, что лежит при смерти

и войско вести не может. Потом Дума назначает нового воеводу, и он едет к войску. Потом войско медленно поспешает на юг. Это больше года уйдёт. За это время нужно успеть заключить перемирие с Речью Посполитой, – за патриарха ответил Пожарский.

– Ладно, Миша, начнём делать, как Петруша советует, а там я с некоторыми боярами пообщаюсь, – погрозил кому-то пальцем Филарет.

– Государь, дозвожь совет тебе дать, – дождавшись пока Михаил упокоится, попросил его Пётр.

– Говори, Соломон ты наш, – усмехнулся царь.

– Когда с ляхами перемирие заключим, не спеши земли, приобретённые, в вотчины раздавать.

– Это почему? Тебе вон хотел десяток деревенок отписать, да отцу твоему, да Роману Петровичу Пожарскому. А чем тебе князь Разгильдеев не угодил или тесть твой, боярин Долгоруков? Да многие отличились в войне этой, – удивился Государь. Филарет тоже вскинул брови.

– Свободный человек на себя, а не на дядю работает всегда лучше. Ну, начнут новые хозяева крестьян обдирать, какая государству от того польза. Проживём мы без новых деревенок, тем более в такой дали. Ты лучше Государь объяви всем и крестьянам и мастерам на новых землях, что из-за того, что от ляхов они горя излиха хватили, освобождаешь ты их на два года от всех налогов. Двух зайцев сразу убьёшь, Государь, а то и побольше. Люди будут на себя хорошо ра-

ботать и налогов не платить, так они богаче жить станут, лошадёнку вторую заведут и коровёнку, и через два года вдвое больше налог будет. Второе – это то, что слух по окрестным городам и весям о том пойдёт, да и побегут людишки в наши земли, а то и бунты начнут устраивать, да панов резать. И когда мы туда придём через несколько лет, нас не как завоевателей встречать будут, а как освободителей. И главное, все будут говорить, что Государь у нас справедливый. А значит и здесь бунтов не будет. Если же есть люди, которые и правда нуждаются и заслужили, лучше царь батюшка деньгами дай.

Михаил слушал и поражался, совсем ещё отрок, вон даже борода ещё толком не растёт, так, две волосинки пробиваются, а говорит вещи, что и всей Думе с её старцами в головы не придёт.

– А как же ополчение дворянское? – поинтересовался Филарет.

– Сколько того ополчения и какого оно качества. Каждый должен своим делом заниматься, крестьянин должен пахать, а военный воевать. Ещё и про стрельцов нужно подумать. Они должны целый день тренироваться, вон, как в Вершилово. И тогда это будет войско. А сейчас они больше о своих лавках думают, некогда им воевать, кто тогда в лавке сидеть будет, – разгорячился Пожарский младший.

– Ведь это у тебя, Петруша, деньги есть, а у некоторых только то, что деревенька из трех-четырёх дворов вырастила, – не согласился Михаил Фёдорович.

– Дворянин должен в полку служить сотником, скажем, и за это деньги получать. А если занялся хозяйством, то не вор, управляющий должен им заниматься, а сам. Коров купить надоистых, пшеницу урожайную и так далее. А получается, что и воевать не умеет и хозяйствовать тоже. Разве можно на этих людей положиться. Ладно. Прости Великий Государь, за резкие слова. Наболело. Говори, царь батюшка, зачем звал? – отходя, расцвёл улыбкою Пётр.

Михаил по этой улыбке узнал вчерашнего задиристого мальчишку. Поумнел, с немцами общаясь, а задирюю остался.

– Считай, обо всём уже и поговорили, – усмехнулся Михаил Фёдорович, – Хочу сказать только, что франкское посольство к себе дюже довольное отправилось. Думаю, договор быстро привезут. Только правильно ли поступили, такую великую тайну, как фарфор им открывая?

– Ответ, государь, то же. Каждый должен своим делом заниматься. Узнать, как делается фарфор, и сделать красивую вазу, это разные вещи. Их кустарные поделки мне конкуренции не составят. Это для бедных. Пусть делают. Кроме того, секретный камень, что я на Урале добываю, я им же и продавать втридорога буду. Они разорятся его возить из Вершилово. Лет двадцать у меня есть, пока они научатся приличный фарфор делать. Я за эти годы так далеко уйду, что им дешевле будет у меня покупать, чем самим делать. Ещё раз повторюсь, Государь, каждый должен своим делом занимать-

ся. Они же гончаров посадят фарфор делать. А там столько разных мастеров должно трудиться и, самое интересное, что ни один гончар там не нужен. Не подарок это, а ловушка для жадных дурачков.

Князь Пожарский ушёл, а два Государя ещё долго сидели в своих креслах и молчали.

– Что думаешь, Миша? – спросил, наконец, Филарет.

– Сказал мне Владимир Тимофеевич Долгоруков, что думает он, будто в этого отрока вселился Георгий Победоносец, чтобы Руси в дни её бед помочь, – перекрестясь промолвил царь.

– Да, страшно такого человека врагом иметь, он всё на несколько лет вперёд видит, – перекрестился и патриарх.

– А нам он не враг? – шёпотом поинтересовался Михаил, словно боялся, что ушедший несколько минут назад Пётр, их услышит.

– Думаю, друг, да как бы, не единственный. Шепнули мне, что в странной болезни твоей невесты Салтыковы замешаны. А ведь родичи.

– Да, я их ...

– Погоди, Миша! Тут надо весь клубок распутать, чтобы другим неповадно было. Я сперва сам позанимаюсь, а как придёт время и кат займётся. Правда кривду завсегда победит.

Событие пятьдесят второе

Сигизмунд король Речи Посполитой нервно накручивал на палец локон парика. Он стоял у распахнутого окна в ратуше Риги и смотрел на город. Пожары уже потушили, но запах гари остался. Город нужно отстраивать заново. Сначала осада шведов в позапрошлом году. Потом осада и штурм осенью прошлого года опять шведами, а вот теперь ещё и штурм под руководством коронного гетмана Кшиштофа Радзивилла. И вот Рига, а вернее, то, что от неё осталось, лежала у ног Сигизмунда.

В последнее время бог явно отвернулся от Польши. Король истово перекрестился на купола кафедрального собора. Он вздохнул и прикрыл окно с едва прозрачной слюдой.

– Кшиштоф, говорят, что в этой Пурецкой волости научились делать стёкла почти невидимые.

– Я не удивлюсь, Ваше Величество, если это так. В последние годы с Московии идёт просто вал удивительных вещей. И все они из Пурецкой волости, – гетман грузно переступил с одной ноги на другую.

– Садись, Кшиштоф. Нам надо серьёзно поговорить, – Сигизмунд уселся на жёсткий хоть и красивый стул и с тоской вспомнил любимой кресло, всё из той же Пурецкой волости, – Мне доложили, что московиты собираются идти на Ки-

ев.

– Нам нужно заключить с ними перемирие, – гетман устроился на таком же стуле напротив короля.

– Это будет означать, что мы потерпели поражение и потеряли огромную территорию, – Сигизмунд ткнул пальцем в карту, лежащую на столе.

– Эта территория, кроме Витебска и Полоцка была ещё вчера Московией. И она ничего не принесла Короне кроме постоянных крестьянских бунтов и траты огромных средств на ремонт крепостных стен.

– И что ты предлагаешь? – король зло посмотрел на гетмана.

– Я предлагаю заключить перемирие с москвитями сроком на два года. Затем перебросить все войска в Ливонию и выбить шведов из Вендена и Дерпта. А через два года заключить с Московией союз и полностью очистить Прибалтику от Шведов, захватив всю Лифляндию и укрепившись в Ревеле и Нарве. При этом русские отобьют у Швеции свои земли потерянные по договору 1617 года. И у нас не будет общей границы со Швецией, а десант с кораблей всегда можно отбить, – теперь Радзивилл ткнул пальцем в карту.

– А Смоленск, Чернигов, Витебск и Полоцк? – король снова истово перекрестился, – И, правда, бог отвернулся от Речи Посполитой.

– Прибалтика гораздо богаче, одна Рига принесёт в казну больше чем пять Смоленсков и десять Черниговов. Кроме

того никто не мешает нам после овладения прибалтийскими землями, вновь попытаться овладеть этими городами.

– Попытаться? Что это значит? – король опять вскочил и стал расхаживать по кабинету бургомистра.

– В Рогачёве триста поляков, в том числе две сотни моей гвардии пытались сбросить со стен три десятка москвитов этого князя Пожарского. Они убили две сотни и потеряли одного человека. Это не люди. Это даже не дьяволы. Это войско самого святого Георгия. Так сказал мне князь Долгоруков, который сопровождал меня до Пскова. И я, видя их в деле, верю ему.

– Бросьте, Кшиштоф, просто ваши солдаты перепились, как всегда, – фыркнул Сигизмунд, но перекреститься не забыл.

– Шляхта, может, и набралась вина, но мои гвардейцы были трезвы. А как вы думаете, Ваше Величество, этот мальчишка сумел захватить без пушек шесть городов. Там тоже все перепились, во всех шести городах. Что же это за армия, если она вся и всегда пьяная, – теперь вскочил гетман. Он грузно прошёлся до окна, хотел открыть его, но вспомнил про запах гари и неприятный вид из этого окна и передумал.

– Но ведь этого не может быть! – король стукнул кулаком по столу.

– Я разговаривал с этим князем, как сейчас разговариваю с вами, Ваше Величество. У меня мурашки бежали по спине от его взгляда, я даже сейчас вспоминаю нашу встречу с

дрожию в коленках, – словно в подтверждении своих слов гетман уселся назад на стул.

– А нельзя послать человека, чтобы он подсыпал яду этому князю, или воткнул в спину кинжал, – Сигизмунд тоже вернулся к столу и сел на стул.

– Пробуйте, Ваше Величество. Только сначала пошлите посольство с предложением перемирия на два года, – Радзивилл криво усмехнулся.

– Хорошо. Позови Вацлава, и готовьтесь выступать на Венден.

Событие пятьдесят третье

Барак Бенцион из-за войны вынужден был вместо Риги разгружаться в Ревеле. Это удлиняло и затрудняло дорогу. Порт Риги был знаком, чиновники куплены и всегда услужливы. Но сейчас капитан корабля, на котором из Испании прибыл Барак, в Ригу заходить отказался. Город практически уничтожен. Сначала его осаждали и подвергли жесточайшему обстрелу из тяжёлых пушек шведы. Они же потом его три дня грабили. Потом поляки город отбили и на всякий случай тоже ограбили.

Может и к лучшему. Речь Посполитая сейчас воюет с Московией, а Швеция наоборот союзник. Пришлось, правда, подвергаться длительному досмотру и выплатить приличную сумму торгового сбора в Ревеле. Портовый чинов-

ник от взятки отказался. Бывает и такое. Сумму Бараку всё равно удалось значительно занизить. Картины он назвал личными вещами, а цену на какао бобы в Швеции не знали. С платиной ещё проще, обозвали бракованным свинцом и цену назначили копеечную. Единственное, за что пришлось заплатить реальную цену, это бруски стали из Толедо. Тут шведов не обманешь, они конкуренты Испании. Но Пётр считает, что толедская сталь лучше, чем шведское железо, вот и приходится возить в такую даль.

А вот дальше ювелир сглупил, нужно было ехать через Новгород Великий, но в числе багажа было восемь лам, и Барак решил чуть сократить дорогу, и поехал через Псков. Лам он купил десять, но на корабле во время небольшого шторма, в который они попали в Бискайском заливе, одна из клеток с двумя ламами упала за борт. А Псков оказался забит русскими войсками. Караван тут же остановили и принялись тщательно обыскивать. Хорошо, что на этот случай давным-давно позаботился Пётр Дмитриевич Пожарский. У Барака была с собой грамотка от русского царя, в которой было написано, что Бараку Бенциону на всей территории московского царства препонов в торговле не чинить, а наоборот оказывать ту помощь, которую торговый гость запросит, а буде потом жалоба от Барака на кого, того имать и в цепях доставлять в Тайный Приказ.

Сотник, который остановил караван, грамотой впечатлился и отвёл Барака к воеводе. Князь Одоевский меньшей тоже

грамотку прочёл и вопросительно на еврея уставился.

– Я еду в Вершилово. Закупал в Испании для князя Пожарского разные товары, – пояснил Барак воеводе.

– Хорошее это дело. Чем же помочь тебе, Барак Бен-цион? – прочитал по складам князь.

– У меня с собой охрана из двадцати испанских наёмников, но если вы выделите мне десяток стрельцов, то я буду вам очень благодарен, а стрельцам выплачу по пять рублей, – вздохнул ювелир, предвидя незапланированную взятку.

Но нет.

– Так и поступим, и передай от меня привет Петруше.

Да, оказывается, имя Петра Дмитриевича Пожарского работает на Руси не хуже царской грамотки.

Барак ехал в Вершилово не один, с ним было пять раввинов. Все заслуженные и почитаемые люди. Ехали они с семьями, перебирались в чудный город насовсем. Если там построили единственную за несколько сотен лет синагогу, то и совершать обряды в ней должны самые достойные. Хотя, по разговорам, раввины ещё до конца не поверили в то, что на Руси могли построить синагогу. Только взлетевший в последнее время до небес авторитет самого Барака сподвиг священников на переезд. Ничего. Рано или поздно они доберутся до Вершилово. Ювелир был уверен, храм священникам понравится. Более того, он не сомневался, что вскоре в Вершилово приедет с визитом и сам первосвященник. Зря, что ли, они с риском для жизни возили мрамор из Италии

по воюющей Европе.

Барак не сомневался, что обрадуется его приезду и князь Пожарский. Во-первых, он везёт семена бобов и сладкого перца. Во-вторых, в деревянных кадках укутанные, как только можно, едут два кофейных дерева. В-третьих, он везёт лам. В-четвёртых, и это самое важное, он везёт разрешение короля Испании на открытие банка в Севилье и Барселоне. Во Франции сейчас открывается уже третий банк, в Лионе, на очереди банк в вольном графстве Франш-Конте Бургундия. И вот теперь Испания. И в-пятых, он выполнил просьбу Пожарского и скупил золотые украшения, привозимые из Нового Света до того как их успели переплавить. Правда, сам Барак от этих поделок был не в восторге. Какие-то они страшные. Понравились ему только бабочки из тончайшей золотой фольги. Они были настолько лёгкие, что могли летать на ветру. Это было воистину красиво и нужно большое мастерство, чтобы сделать такую вещь. Чтобы их не помять пришлось купить и тончайшие белые нити, в которые бабочки были упакованы. Торговец назвал это хлопком.

И самое последнее, Барак вёз в Вершилово три клетки с кошками. Три пары вечно орущих созданий. И зачем они князю. Ведь этих мерзких тварей пришлось выписывать аж из Египта. Из самой Александрии. Они обошлись Бараку, или вернее Пожарскому в сумасшедшую сумму. Легче отлить из серебра или сделать фарфоровых.

Событие пятьдесят четвёртое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский выслал войско домой вперёд, а сам с десятком Бебезяка задержался в Москве ещё на несколько дней. Дела не пускали. Первым делом он наведлся к победителю уже двух годовых конкурсов на лучшую ткань, купцу Игорю Рослякову. Ткань была только чуть хуже вершиловской и примерно равнялась по качеству английской.

Купец был мелкий, щуплый и вёрткий. К тому же ещё и агрессивный.

– Ни каких своих секретов я выдавать, и продавать не буду, – с порога заявил он, узнав, зачем пришёл гость.

– Хорошо. Мне ни каких секретов и не надо. Моя ткань лучше. Я князь Пётр Дмитриевич Пожарский и те две медали, что ты заработал честно, тоже я сделал, и конкурс этот я задумал. И задумал для того, чтобы найти тебя купец и помочь развить твою фабрику, чтобы больше ты хорошей ткани делал, – Пётр держал себя в руках, может просто надоело мужику конкурентов отшивать.

– Пожарский. Это который хозяин «Пурецкой волости»? – купец улыбаться не стал, но ворота всё же приоткрыл.

– Можешь мне, Игорь, не показывать станки. Наоборот. Сам в Вершилово наведайся и посмотри мои. И если тебе деньги на расширение производства нужны, то говори,

не стесняйся. Дам сколько попросишь, а отдашь, когда сможешь, – Пожарский решил во что бы, то ни стало поладить с купцом.

– А тебе, княже, это зачем? – всё ещё бычился Росляков.

– За державу обидно. Не хочу я, чтобы моя жена, скажем, ходила в платьях из английской ткани, так можно чуму или оспу подхватить. И главное, не хочу, чтобы английские купцы богатели. Всё самое лучшее в мире должно быть русское.

– Вона как! Правда, денег дашь? – ещё на шаг в ворота отступил купец, как бы приглашая князя зайти.

– Я же сказал, столько сколько нужно, и отдашь, когда сможешь.

– А двести рублей дашь? – ещё шаг назад.

– Игорь, ты не стесняйся, я и тысячу дам, если сможешь их освоить. Чем больше ты будешь ткани делать, тем лучше.

– Тогда триста. Пойдём, станки покажу, – впервые улыбнулся Росляков.

Станки были похуже вершиловских и без самолётного челнока.

– Сам придумал. Мы в незнамо каком поколении все ткачи, – похвастал Игорь.

– Вечером заедешь на подворье князей Пожарских, что рядом с Кукуем. Фамилию назовёшь, если меня не будет, то деньги тебе ключник выдаст. И ещё, Игорь, мои станки, правда, лучше, ты съезди в Вершилово, всё тебе покажем и поможем улучшить твои станки, – князь попрощался с куп-

цом и в хорошем настроении поехал по следующим делам. Здорово, ведь, ещё чуток взбаламутили Русь.

Следующим делом были скоморохи. Пётр давно хотел завести в Вершилово цирк. Ну, построить-то несложно. А вот кто там выступать будет. Нужны цирковые артисты. А кроме скоморохов сейчас вообще, ни каких артистов нет. Только ездить и искать их по всей Руси дело хлопотное и неблагодарное. Сено к корове не ходит. Ещё утром он послал стрельцов перешерстить всю Москву и найти всех, каких можно скоморохов, а после обеда пригласить выступить перед князем Пожарским на его подворье.

Собралось человек пятьдесят. Пётр мужественно просмотрел все номера. Выступления разнообразием не блистали. Мучали медведя, пели похабные частушки под пронзительную дудку, жонглировали и скоморошничали, то есть изображали человеческие недостатки. Пётр отобрал четыре бригады. В первой был просто замечательный жонглёр. Остальные и рядом не лежали. Во второй дрессировщик медведя не бил, а на самом деле «укрощал», было вполне пристойно. В третьей пели срамные частушки с очень приличными текстами, была и рифма и тонкий юмор.

– Кто частушки сочиняет? – спросил князь старшего в этой группе.

– Так вон Миньша и сочиняет.

Миньше было лет пятнадцать, одним словом почти ровесник князя, но габариты были у них разные. Паренёк был бе-

лобрыс, веснушчат и неказист. Ладно, подкормим и подстрижём.

В четвёртой группе или труппе был замечательный фокусник. Ну, замечательный для 17 века. Подучим.

– В общем, так, народ честной. Есть у меня к вам предложение, от которого вы не сможете отказаться, – объявил князь выбранным после того, как остальные ушли.

– Что за «предложение», – вперёд выступил как раз фокусник.

– Я хочу у себя в Вершилово построить «цирк». Это такой кирпичный круглый дворец. Там в центре будет площадка для ваших выступлений, а вокруг будут на скамьях сидеть зрители. Выступать будете два раза в неделю, в субботу и воскресенье, а в остальные дни готовиться. Народ в Вершилово богатый, так, что на хлеб с маслом заработаете. Про «Пурецкую волость» слыхали?

– А шоколадные конфеты дашь попробовать? – это высунулась вперёд девчушка, что неплохо играла на гусях у «медвежатника».

– Конечно, дам. Да вы и сами на них заработаете.

– Тогда мы с папенькой согласны! – девочка затормошила дрессировщика.

– Цыц, Таныша. А как нам добраться в эдакую даль? – серьёзный вопрос серьёзного человека.

– Я сейчас выдам вам на каждого по пять рублей. Купите

новую одежду, а вашу сожгите, ну или нищим раздайте. Нам там вшей и блох не надо. Потом на ямщиках с бубенцами выезжайте. Чем быстрее приедете, тем лучше.

– А ну как мы пять рублёв пропьём и не приедем? – это опять фокусник.

– Значит, не будете жить в замечательном городе, не будете зимой в тёплом доме с двумя печами, что топятя по белому, пить из фарфоровых чашек китайский чай и вспоминать с ужасом свои сегодняшние мытарства. Значит, бог разума лишил, если так сделаете. А дураки в Вершилово не нужны. Дураки пусть в других городах живут, – с «тёплой» улыбкой ответил Пожарский иллюзионисту.

– Да, это я так. Кулёмены никогда чужого не брали, – перекрестился артист.

– Всё, народ, сейчас вам ключник деньги выдаст, а мне некогда, ещё на сегодня дела есть.

Последним на сегодня мероприятием, было посещение Кукуя или немецкой слободы. Ему нужен был любой английский купец. Пётр хотел в Вершилово кроме цирка построить ещё и театр. А для этого нужны актёры и режиссёры. Вот он и вспомнил о театре Шекспира «Глобус». Насколько помнил Афанасий Иванович со смертью Вильяма дела у театра пошли на спад. Нужно срочно пока это возможно переселить их в Вершилово. Понято, что они никакого языка кроме английского не знают. А во всём Вершилово он один знает английский, да и то не современный, а с разницей в

четыреста лет. Ничего, посадим и по восемь часов в день заставим учить русский. А в это время будем переводить сонеты на великий и могучий. Да ещё детишек они будут учить английскому и сценическому мастерству. Переводчика для этих целей найдём.

Купца ему посоветовали, понятно, в питейном заведении. Там он и обретался, но по счастью был ещё вполне трезв. Звали англичанина Алан Клайдом. Русский он знал скверно, а понимать английский Петра отказывался. Пришлось идти к тому, кто оба языка знал. Этот малый тоже был купцом, торговал пенькой и зерном. Может, тогда первый и не нужен. Нет, оказывается, Иеремия Финн был постоянным торговым представителем и из Московии уже несколько лет не выезжал, да и не собирался.

С господином Аланом договорились. Он даже пообещал, что если кто из актёров не согласится, то привезёт силой, за такие-то деньги. Пётр обещал купцу по пятьдесят рублей за актёра или актрису, только к концу разговора вспомнив, что сейчас нет актрис. Женские роли играют юноши. Обговорили и чем заманивать «глобусников».

Ну, теперь только ждать. Пока туда, пока обратно. Пока уговоры. Больше года есть, чтобы построить театр.

На следующий день у Петра остался ещё один вопрос. Ему нужен был купец, хорошо знающий Волгу. Пётр собирался организовать добычу соли в озере Баскунчак. Нужен человек, который знает, где оно. Скорее всего, Ахтубинска ещё

нет, и его придётся строить и дорогу гнать до озера и там городок строить, там ведь ещё и грязи целебные. Но сначала нужен гид.

Событие пятьдесят пятое

Король Франции Людовик тринадцатый смотрел на вещи, которые доставили послы, вернувшиеся из Московии, и приходил в бешенство. Можно было сказать, что послы успешно выполнили свою миссию. Они привезли два договора уже подписанные русским царём. Или Российским императором? Первый договор был о том, что Россия передаёт wybranными французской стороной мастерам секрет производства фарфора и цветного стекла в ответ на признания Францией за Россией статуса «империя», и впредь Российский Государь будет именоваться в любых документах Франции касающихся России «император Всероссийский».

Второй документ был договором о дружбе и взаимопомощи между королевством Францией и Российской империей. По этому договору в случае нападения любой третьей страны или союза стран на одну из договаривающихся стран, вторая приходит на помощь и объявляет войну третьей стране или союзу стран.

Приводили в бешенство Людовика не договоры, а подарки его «брата» Михаила Фёдоровича. Их было всего три. Первым был мушкет с батарейным замком. Вторым была огром-

ная напольная ваза из почти прозрачного фарфора, с нарисованной на ней эльфийкой, стреляющей в вас из лука.

У девушки были сиреневые волосы и зелёные глаза, и острые большие уши. Это была прекрасная воительница. Ничего похожего королю просто не приходилось видеть. И это был не рисунок на вазе. Рисунок был внутри, и сейчас, когда сквозь открытое окно на вазу падали лучи солнца, то впечатление было просто неопишваемое. Словно живая жительница лесов стоит напротив смотрящего и целится в него из сказочно красивого лука. Людовик даже представить себе не мог, сколько будет стоить такая ваза, если её попытаться продать. В мире такую роскошь могут позволить себе от силы два-три монарха.

Третьим подарком была российская монета в сто рублей. Монета была из золота, на ней был изображён его «брат» Михаил – Российский император, а в глаза ему вставлены небывалой красоты и необычно обработанные сапфиры. Это было уже чересчур. Людовик только стал привыкать к мысли, что на французском монетном дворе не могут делать деньги такого же качества, как русские. И даже хотел попросить русского царя организовать в Париже монетный двор по типу русского, а тут ... Это была не монета, а ювелирное украшение. Если на ней написано «сто рублей», то это ещё ничего не значит. Она может стоить и все двести. Какой же богатый человек не захочет иметь такую монету.

Приходил в бешенство Людовик от того, что русские были всегда на шаг впереди. Он попросил секрет фарфора, ему дадут, но сами станут делать вот такие вазы. Здесь не поможет знание секрета. Здесь ещё нужен великий художник. И ещё нужен человек, который сможет «такое» придумать. Он хотел попросить монетный двор, а тут такая монета. Ему дадут монетный двор, как старую тряпку нищему. Он гордился, что французские мушкеты лучшие в Европе, даже лучше шведских. Но и те и другие это кустарные поделки по сравнению с русскими мушкетами.

– Сможем ли мы выпускать мушкеты с таким замком? – спросил он канцлера Брюлара.

– Нет, Ваше Величество. Весь секрет в пружине. Наши мастера такую сделать не могут. И опытные образцы французского оружия дают очень много осечек.

– А русский? – Людовик кивнул на мушкет, лежащий перед ним.

– Мы сделали двадцать выстрелов, и была только одна осечка, – развёл руками Брюлар.

– Да. А что вы, господин Журбе, можете сказать про Московию?

– Дикая нищая страна. Москва это просто огромная деревня.

– А это? – король ткнул пальцем в подарки.

– Это один единственный город очень далеко на востоке. Вершилово.

– Что ни будь известно об этом «Вершилово»? – повернулся Людовик снова к послу.

– Говорят, что это самый красивый город в мире, – поклонился посол.

– Мы хотели послать туда человека, преподавателя университета. Это сделано? – Людовик непроизвольно взял с бюро монету и повертел в пальцах.

– Да, Ваше Величество, сейчас этот профессор на пути в Москву. Там ему нужно будет получить разрешение самого царя.

– Вот как. Подождём. А что вы скажите об их армии, они ведь сейчас воюют с Польшей.

– С Речью Посполитою. Они легко заняли десяток городов, в том числе с очень мощными крепостями. Сигизмунд запросил перемирия на два года. В это же время на севере польским войскам удалось разбить шведов, там уже Густав Адольф запросил перемирия, – посол помялся и добавил, – По слухам при взятии городов даже не использовались осадные пушки.

– Как же им удалось захватить эти города? – Людовик отвлёкся от монеты с «братом».

– Это только слухи. Ничего не известно. Нужно бы отправить человека в Речь Посполитую с заданием пораспрашивать об этой войне, Ваше Величество, – посол ещё раз поклонился.

– Господин Вильруа, вы же Государственный Секретарь

иностранных дел, пошлите туда, кого-нибудь. Мы ведь должны знать, на что способен наш новый союзник. И давайте я подпишу оба договора.

Событие пятьдесят шестое

Пётр прибыл в Вершилово седьмого марта. Москва никак не отпускала его. Только он собрался домой, как прибыл гонец от Государя. Дума выбрала, наконец, лучшего мастера по выделке кожи и сегодня ему вручат медаль. Это Александр Кожин из Можайска и если князь желает с ним говорить, то царь пошлёт Кожина к Пожарскому. Князь передал назад с гонцом, что пусть Кожина пришлют.

Александр был матёрый человечище. Ростом он был чуть выше Пожарского, зато в плечах как бы и не вдвое шире.

– Здравствуй, Александр, – приветствовал кожемяку Пётр.

– И вам доброго здоровьишка, князь батюшка, – пробасил здоровяк.

– А можешь ты Александр, расширить своё производство? – спросил его напрямую Пожарский.

– Можно и расширить.

– А что ж, не расширяешь?

– А зачем?

– Ну, больше денег получать.

– А кто робить будет?

– Наймёшь людей.

– Так они робить-то не могут.

– Научишь.

– А я?

– А ты хозяином большой фабрики станешь.

– Нет. Не смогу. Характер у меня крут, они лениться будут, а я зашибу. Могу ведь и убить. А потом меня в кандалы. Зачем мне это?

– А если я к тебе на выучку пару человек пришлю, при-
мешь?

– А мне это зачем?

– А я тебе за обучение заплачу. Дети у тебя маленькие
есть?

– Как не быть, семеро у меня.

– Вот кроме денег маленьким детям конфет шоколадных
пошлю.

– А что это?

– Слушай, Александр, а может ты ко мне, в Вершилово
переберёшься, в Пурецкую волость.

– А где это?

– Рядом с Нижним Новгородом.

– А зачем мне это.

– У меня дети в школу будут ходить, получишь большой
дом с двумя печами, что по белому топятся, под черепичной
крышей. Мастерскую тебе на берегу Волги построю.

– А я?

– А ты будешь работать, как работал и отроков учить своему мастерству.

– А конфеты?

– Будут твоим детям конфеты.

– А в доме, правда, две печи?

– Правда.

– Дак, как же я поеду, у меня там хозяйство, чаны.

– Помогут всё до последней блохи перевезти.

– А что у вас там блох нет?

– Нет!

– А с конфетами не обманешь?

– Нет!!!

– А что это?

И так три часа почти. Всё-таки, договорились. Приедут в Можайск люди с подводами по весне и всё хозяйство Кожина перевезут в Вершилово. Коробку конфет, Пётр дал кожемяке с собой.

На следующий день только собрался ногу в стремя вдеть, опять царёв гонец. Приехали с приглашением в Вершилово три немца и один француз без приглашения. Не поговоришь?

Пётр плюнул на всё и поспешил в Кремль. Учёные это святое, тем более что ни каких немцев он не ждал, а эти даже с приглашением.

Оказалось, что «немцы» это чехи. Главным был почти семидесятилетний Йост Бюрги, тот самый часовщик, что при-

думал секундную стрелку. Из разговора выяснилось, что в позапрошлом году дедушка выпустил таблицу логарифмов. Он же, понятно, является первооткрывателем секунды. И он выпустил первый механический звёздный глобус. Просто монстр какой-то. Жаль староват. Но дедок ещё крепок, а в Вершилово его ещё и подлечат. Ох и наворотим вместе с ним.

Следующим был и правда немец из Баварии Кристоф Шейнер – астроном и математик. Тот самый иезуит, которому иезуиты не давали опубликовать работы по пятнам на Солнце. Именно этот товарищ додумался в телескоп вставлять третью линзу и тем самым устранил перевёрнутое изображение.

Третьим был снова чех, тот самый молодой и подающий надежды Йоханнес Маркус (Ян Марек) Марци.

Этот пока знаменитыми открытиями не отмечился. Ничего в Вершилово есть, кому с ним позаниматься. Ещё такого наоткрывает.

А вот французом был знаменитый Вернье, он оказывается, в дороге был ограблен и поэтому не имеет на руках приглашения в Вершилово. Ограбили директора монетного двора во Франции, и что самое удивительное забрали только несколько монет и приглашение князя Пожарского. Пётр себе на память зарубку сделал и в записную книжку это занёс. Кому могло понадобиться его приглашение во Франции? С

собой у бургундца была его книга о применении артиллерии во время войны. Вот как, почитаем.

Вечером Пётр пригласил учёных в дом отца, где они выпили понемногу его «виски» и столичной, а усугубили «медовой с перцем». За разговором Пётр вдруг вспомнил, что на днях в Англию отправляется его «охотник за головами», купец, что пообещал привезти театр «Глобус» в полном составе.

– А не знаете ли вы, господа, английских учёных, которых стоит пригласить в Вершилово? – Пётр старался свой «хотдойче» снизить до современного.

– Есть мой соперник Генри Бригс, он тоже составил таблицы логарифмов, но они восьмизначные, у меня же десятизначные.

– И где он живёт?

– Он профессор в Оксфорде.

Пётр записал.

– Есть ещё?

– Есть Уильям Отред, по слухам он создал логарифмическую линейку, – опять Йост Бюрге.

Логарифмическая линейка и арифмометр, грустно вздохнул Пётр, а у нас до ста один из тысячи считать умеет.

– А этот, сэр, где живёт?

– Он священник англиканского толка, где-то под Лондоном у него приход. Но он окончил Кембридж.

Больше никого достойного господа собутыльники при-

помнить не смогли. Правильно, Ньютон ещё, наверное, и не родился.

Пришлось и на следующий день поездку отложить и вылавливать английского купца Алана Клайдома и добавлять в список «голов» ещё и этих двоих. За учёных Пётр пообещал по сто рублей с головы.

И напоследок оказался ещё и посол шведского короля Густава Адольфа.

Посла заслушивали на боярской Думе, но патриарх послал Петру монаха с приглашением почтенное собрание посетить. Пожарский, понятно в Думе никогда не был и с удовольствием откликнулся. Хоть посмотреть на этих ревнителей старины.

Длинный зал и лавки вдоль стен. Надо им послать диваны. Посол начал и закончил в обвинении русских в предательстве и сговоре с поляками. Бояре, выслушав толмача, насупились и уставились на Государя.

– Дозволь мне перемолвиться с послом, Великий Государь? – пискнул Пётр из своего самого дальнего угла. Даже сесть не предложили. Не по чину.

– Ну, перемолвись, Пётр Дмитриевич, – вместо царя разрешил Филарет.

Все думцы уставились на Пожарского. Большинство видело его впервые, зато словосочетание «Пурецкая волость» знал каждый.

– Господин посол, вы говорите по-немецки? – опять на

своём немецком пристал к послу Пётр. Очень не хотелось ему, чтобы думцы поняли разговор.

– Да, конечно, – выпятил грудь тощий носатый швед.

– Тогда, давайте разбираться. Вы сейчас обвинили в предательстве императора Михаила Фёдоровича. Это оскорбление главы государства. А, значит, это объявление войны. Хорошо. Вы смелый человек. Но может ваша смелость от незнания фактов. Факты же таковы. В Пскове сейчас стоит русская армия из пяти тысяч стрельцов и дворянской конницы. Воеводой у них князь Одоевский, тот самый, что осенью дважды разбил поляков под Смоленском. Дальше. В Себеже и Невели стоит семитысячное войско моего отца князя Дмитрия Михайловича Пожарского. Эти войска только что взяли приступом шесть городов, в том числе Полоцк. В Москве стоит мой полк, и за две недели я буду в Нарве. Готова сейчас разбитая под Ригой ваша армия встретиться с почти тринадцатью тысячами регулярного войска, а не ополчения. Того войска, что взяло у ляхов тринадцать городов считая Полоцк, Витебск Смоленск и Чернигов. Через месяц мы возьмём Ревель и Выборг. Ещё через месяц вся Лифляндия и Финляндия будут вотчинами вот этих бояр. Что скажите, господин посол? – Пётр подошёл поближе и сверху вниз жёг глазами шуплого.

– Но как войска гетмана Радзивилла оказались под Псковом? – упёртый малый, или дурак.

– Вы ведь предлагали коменданту Риги сдать город и вый-

ти с оружием? Вот и мы предложили. На Витебск ему идти было нельзя, там было моё войско, на Полоцк тоже, там войско отца. На юго-западе гуляли по Червонной Руси крымские татары. Слышали, наверное, что они сожгли десятки церквей и деревень. Оставался путь на северо-запад, вот он туда и пошёл. Ну, а что он вас разбил, так надо, перед тем как в драку лезть, учиться воевать. Гетман Радзивилл вас уже несколько раз громил. Ну, и шут с ним, что мы будем делать с оскорблением императора?

– Я не хотел ни кого оскорблять, я только высказал претензии моего короля.

Ну, вот и завияли.

– Теперь, наверное, уже поздно. Дума и Государь оскорбления выслушали и сейчас пока мы с вами разговариваем, думают, что сначала сделать, захватить Нарву или Ревель. Я предлагаю, сказать вам дорогой посол ..., а как вас звать?

– Гуго фон Линденберг!

– Так вот, дорогой Гуго, я предлагаю вам извиниться и сказать, что это толмач напутал с переводом. Русские народ мирный, поверят. А вы подумайте вот над чем. Через два года перемирие закончится, и мы можем с вами снова напасть на Речь Посполитую и договориться заранее, что не останавливаться пока Краков не займём. Или мы можем договориться с Польшей и напасть на вас. Мне, например, не нравится, что по Столбовому договору вы лишили нас большого куса нашей земли. Я лично выбрал бы объединение с

Речью Посполитою. Но решать будет Дума, которую вы сейчас оскорбили. И последнее, мы недавно заключили договор о дружбе и взаимопомощи с католической Францией, и Людовик, их король, с удовольствием поможет нам в борьбе с протестантами. А ещё есть некто Валленштейн и я, как самый богатый в мире человек, легко дам ему тысяч двести талеров, чтобы он развернулся в вашу сторону. Ему очень не нравятся протестанты. Он их тысячами сжигает. Мой вам совет, отдайте Ям, как и договаривались, извинитесь и заключайте быстрее с императором договор о войне через два года, а то Радзивилл уже предлагал, – Пётр «мило» улыбнулся послу и ушёл в свой уголок.

– Ваше Императорское Величество, прошу меня простить, это всё мой толмач перепутал, Шведское королевство выполнит свои обязательства и вернёт Руси крепость Ям с прилегающими землями. Мой король надеется на дальнейшее сотрудничество наших великих держав.

Ну, вот, а понтов-то было. Но зло затаят. Да и хорошо. Всё равно следующую войну надо вести с ляхами против шведов, нужен выход к Балтийскому морю.

Потом ещё на следующий день пришлось царю и патриарху рассказывать, о чём он шептался с послом. А ещё на следующий день был пир в честь воинов вернувших державе исконные земли. И только после него Пётр и поехал домой.

Глава 6

Событие пятьдесят седьмое

Дуняша Фомина погладила рукой округлившийся животик и решительно толкнула дверь Академии наук. Академиком Дуняша конечно не была. Она недавно закончила трёхгодичную вечернюю школу для взрослых и свободно умела читать, писать и складывать числа, даже таблицу умножения выучила. Ещё в школе преподавали географию и начала медицины. Уроки географии, когда находился в Вершилово, вёл сам «Петюнюшка», а когда его не было немецкий астроном Иоганн Кеплер.

Шла Дуняша в Академию не учиться. Её там ждала «комиссия». Фомина решила расширять своё производство и ставить каменную фабрику на берегу Волги с водяным колесом и двумя ветряками. Водяное-то колесо ведь только летом работает, а ветряки крутятся круглый год, правда, если ветер есть. На случай же безветрия зимой имелся привод и от пары шагающих по кругу коней.

Дуняша была на шестом месяце беременности, и ребёночек был не простой.

Началось с того, что первого сентября её позвали к князю

Пожарскому. Фомина возилась в это время с рецептом шоколадного масла и думала, что Пётр Дмитриевич вызывает её из-за него. А тот с порога выдал.

– Решил я, Дуняша, дать тебе волю. Теперь ты свободна и можешь идти на все четыре стороны.

У Дуни всё поплыло перед глазами, Петюнюшка прогоняет её. Что же такого она сделала, что заслужила его немилость. Дуняша бросилась князю в ноги и стала умолять не прогонять её и целовать его ноженьки.

– Не выгоняй меня князь батюшка, всё, что хочешь, для тебя сделаю, только не выгоняй! – ревела Дуняша.

Пётр поднял её на ноги, а она всё продолжала взхлёб реветь и покрывать его поцелуями. Неожиданно губы их встретились. Всё остальное случилось само собой. Через полчаса одеваясь, Дуняша, вдруг вспомнила, зачем её позвал Пожарский и опять ударилась в слёзы.

– Что же я такого наделала Петюнюшка, что ты меня гонишь?

– Да не гоню я тебя, вольную тебе даю, чтобы ты не была в крепости и не зависела ни от кого.

– Да, я хочу от тебя зависеть, князь батюшка, – опять полезла к нему с поцелуями Дуняша.

– А если меня убьют на войне, что тогда с тобой будет, ведь мой отец это не я.

Дуняша представила, что её Петюнюшку убьют и снова принялась реветь. Князь опять стал её утешать, и опять всё

закончилось только через полчаса. После этого князь обругал Дуню «дурочкой» и выпроводил, сказав, что передумал он ей вольную давать. Фомина домой летела как на крыльях. Князюшка больше никуда её не гонит. После этого она не допускала до себя мужа до тех пор, пока не убедилась, что месячные не пришли в срок, а уж после этого мужу и подавно отказывала. У них было всего двое детей, и уже пять лет она не могла забеременеть. Так что, надо поберечься. Фомин поворчал, но её понял и старался больше к жене не приставать.

Дуняша была уверена, что ребёнок от Петюнюшки и что родится обязательно мальчик, которого она Петрушей и назовёт, даже если по святцам и другое имя выйдет.

В большом зале прямо за входной дверью Фомину встретил охранник. Дуняша его знала, это был один из стрельцов, что первыми приехали в Вершилово с князем Пожарским. На груди у охранника блестели целых три медали и за освоение Урала и за погром шведов и за меткую стрельбу. Звали стрельца Тихон. Он во время битвы со шведами получил ранение в ногу, и рана долго не заживала, из-за чего его и не взяли в поход на ляхов.

– Как нога, Тихон? – спросила стрельца Фомина.

– Вчера доктор ван Бодль снял повязку и сказал, что всё, рана затянулась и можно через месяц начинать тренировки, – просиял переживавший своё увечье Тихон.

– Ну и, слава богу, – перекрестилась Дуняша.

В кабинете Симона Стивена её ждали. Народу было столь-

ко, что просторное помещение казалось маленьким. Там был архитектор Трофим Шарутин, сам Симон Стивен, ещё один немец Вильгельм Шиккард и Вацлав Крчмар с Онисимом Петровичем Зотовым. Кроме них был ещё и недавно приехавший француз, но как его звать Дуня не знала. Ей показали рисунки её новой фабрики. Красота. Двухэтажное здание из красного кирпича с встроенными в него по краям двумя ветряками и даже с колоннами витыми тоже из кирпича при входе. И самое главное, на передней стене – мозаика из стекла со зверушками, что нарисованы на горшках с маслом. Там и белочка, и птица доктор, что нарисована на лечебном масле и ёжик, отнимающий гроздь орехов у бурундучка. Был и персонаж, что нарисован на новом шоколадном масле. Князь Пожарский назвал эту придуманную им зверушку «чебурашкой». У зверька была весёлая мордочка и большие уши. Шоколадного масла Дуня выпускала не много. И только в специально изготовленных фарфоровых шкатулочках, на которых было всего три разновидности рисунков. Были шкатулочки с портретом жены князя Марией Владимировной Пожарской, были с видом Московского Кремля и вот с изображением «чебурашки». Масло стоило огромных денег, но желающие купить этот товар купцы постоянно устраивали из-за него драки с вырыванием друг дружке бород.

– Ну, что, госпожа Фомина, нравится тебе твоя новая фабрика? – оторвал Дуняшу от рассматривания рисунков Онисим Петрович.

– Конечно, нравится, – поклонилась «комиссии» Дуня.

– Только ведь это будет стоить больших денег. Мы приблизительно посчитали, уйдёт двадцать семь тысяч рублей. Мозаика это дорого. Может, без неё обойдёшься? – предупредил он Фомину.

– Есть у меня и вдвое больше денег. Нет, мозаику на стене нужно делать обязательно, – решительно отвергла предложение сэкономить Дуняша.

– Ну, ладно. Так и решили, как князь приедет и утвердит проект, да земля растает, так и начнём, – заключил архитектор Шарутин.

– А когда же Петю... Пётр Дмитриевич вернётся? Вон войско уже неделю как вернулось, – вздохнула Дуня.

– Так завтра может и вернётся. Государь в Москве чай задержал, – успокоил Фомину Зотов.

Событие пятьдесят восьмое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский попал, что называется с корабля на бал. Он приехал в Вершилово в сопровождении десятка Бебезяка ближе к вечеру седьмого марта, а восьмого марта был праздник. Надо отдать должное его управляющим, торжества подготовили и без Петра Дмитриевича.

С самого утра стали съезжаться гости из Нижнего Новгорода, так как было запланировано два футбольных матча, первый матч между командами «Рыси» и «Росомахи», вто-

рой между «Медведями» и «Зубрами». Вот, за своих поболеть, и ехали нижегородцы. Именитых гостей было не мало. Приехал воевода Нижнего князь Фёдор Фёдорович Пронин со своим товарищем князем Иваном Андреевичем Ростовым, недавно присланным Государем в Нижний Новгород Пронину в помощники. Буквально через несколько минут к стадиону подъехал возок и нового Государева дьяка Нижегородской губернии Смолина Петра Александровича. А вместе с ним был и бывший Государев дьяк, а теперь руководитель Приказа Дорожного Строительства Акинфиев. С ним Пожарский во время футбола обговорил строительство дороги до Казани и размещение пленных ляхов.

Голландско-немецкий футбольный коллектив нижегородцев победил со счётом три-два, а «медведи» проиграли «зубрам» один-два.

А сразу за этим началось награждение прямо на стадионе участников похода на ляхов. Пётр ещё из Витебска отправил на монетный двор весточку, чтобы те начинали штамповать медали по заранее оговорённому плану. Все участники похода получали медаль «За победу над Речью Посполитою», только воины получали серебряную, а возчики и повара бронзовую. Их ведь тоже больше двух сотен в поход из Вершилова отправилось. Часть медалей, правда, осталась пока невостребованной, не было князя Разгильдеева и его людей и пока не было сотни Кострова. Государь решил эту сотню весной вместе с семьями отправить на постоянное жи-

тельство в Вершилово, укомплектовав до полного состава, так как именно в этой сотне были самые большие потери: двадцать два человека было убито и двенадцать ранено, из которых трое потом скончались от заражения, как ни бились немецкие доктора.

Всего к тридцати пяти убитым, по дороге домой, добавилось ещё шестеро, от ран и заражения умерли двое рейтар Шварцкопфа и один из сотни Малинина, ну и трое у Кострова. Всем раненым и семьям убитых выдали медали «За боевые заслуги» и к ним по двадцать рублей.

Десятку Бебезяка и двум десяткам Афанасия Бороды выдали медали «За воинскую доблесть», всё же они в отличие от основного войска брали штурмом три города, удерживая ворота до прибытия основных сил. При этом находившийся рядом боярин Долгоруков, тоже награждённый медалью «За победу над Речью Посполитою», настоял, чтобы эту медаль дали и Петру, ведь он тоже был среди штурмующих Рогачёв, он сам её и приколот к груди зятя.

Отдельно для людей князя Разгильдеева были наштампованы медали «За укрепление православия», нужно же отметить его героический рейд по уничтожению центров латинянства на русских землях.

А после награждения на стадионе состоялось и первое выступление скоморохов, которые прибыли в Вершилово за день до приезда князя Пожарского.

После этого Петру ещё пришлось всех князей звать к себе

на пир. Компания собралась не маленькая: двое воевод нижегородских, да Долгоруков с будущим зятем Романом Ивановичем Шуйским, ну и сам Пётр Дмитриевич с братом Фёдором, да жёны у всех, кроме Фёдора с Романом, полная горница набилась. Больше всех говорили Долгорукий с молодым Шуйским, который тоже медаль «за победу» получил, хоть они и не участвовали в сражениях, но пользу принесли немалую, вовремя обеспечивая захваченные города русскими гарнизонами.

Только поздно вечером Пётр остался, наконец, с женой наедине. Мария была на пятом месяце беременности, а он в своих поездках и не знал даже. Так, блин, и дедушкой станешь, и знать не будешь. Ничего ещё пару лет скитаний, а потом можно и осесть, пусть Фёдор по стране покатается.

Девятого марта Пётр начал с обхода производств. За четыре с половиной месяца его отсутствия ничего плохого не произошло, фарфор по прежнему уходил в драку и цены на него спускаться не собирались, а с выпуском ваз эльфиийской коллекции, так даже и вообще запредельными стали. Спрос на карандаши тоже только рос, за это лето одуванчиков подготовили гору целую, и теперь с изготовлением стирательных резинок проблем не было. Андрейка Лукин разработал новую серию статуэток, конные воины разных народов, Пожарский посмотрел и задумку одобрил, особенно понравился ему польский крылатый гусар и араб на верблюде с луком. На эти поделки тоже спрос будет.

Дальше Пётр Дмитриевич прошёл на стекольные заводи-ки. Тут тоже оставалось только себе самому завидовать. Его идея с шестигранниками мозаичными отлично удалась, заказов было столько, что нужно начинать весной отдельный завод по выпуску шестигранников строить. С зеркалами тоже удачно развернулись, Петру показали новинку – «четверное» зеркало, то есть не стандартный лист стекла сорок на шестьдесят сантиметров, а восемьдесят на метр двадцать. Это сколько же такое зеркало стоит будет, поди, не меньше пяти тысяч флоринов. Извините господа муранцы, но больше ваши не пляшут, вам такое не под силу. Получается, что двести таких зеркал и миллион. Афанасий Иванович вспомнил, что где-то читал, что Лувр Людовику 14 обошёлся как раз в миллион, вот, правда, чего. Уж больно запутанная у французов денежная система.

До конца дня Пётр обошёл и остальные производства, валенки валялись, ткань ткалась, макароны и пельмени выпускались, сыр продавался только в специальных коробочках, нужно ведь и гончарам на кусок хлеба с маслом зарабатывать, масло у Дуняши уходило на ура, особенно шоколадное. Оказывается, пока он воевал, Ротшильд привёз ещё один обоз с какао бобами и платиной, молодец парнишка. Теперь и на масло шоколадное хватало и на конфеты.

Фабрика по производству колоколов тоже порадовала. Заказов было море, со всей страны, литейцы освоили и сто пу-

довый колокол и двухсот пудовый, сейчас резали модель на новинку – пятисот пудовый гигант. Понятно, что это ещё крошка по сравнению с царь-колоколом, тот будет весить 200 тонн, но ведь тот так ни разу и не зазвонил, и потребовался целый Огюст Монферан, чтобы его из ямы вытащить. Этот новый колокол тоже будет восемь тонн весить, проблем с перевозкой и установкой на колокольню будет, мама не горюй. Ничего у нас Монферанов хоть и нет, зато есть Симон Стивен и Вильгельм Шиккард. Вот завтра к ним и заглянем.

На следующий день Пётр пошёл обходить учёных. Вот здесь было целое море удач. Что значит правильно поставленная задача. Химики сделали всё, что планировалось и смотрели на Пожарского жадными глазами, давай побабахаем. Нитроцеллюлозу или бездымный порох получили из бумаги, ну, правильно, там самая чистая целлюлоза и есть. Способ получения нитроцеллюлозы – обработкой одной части бумажных волокон в пятнадцати частях смеси серной и азотной кислот в соотношении 50:50. Азотная кислота реагировала с целлюлозой с образованием воды, а серная кислота была необходима для предотвращения разбавления. После нескольких минут обработки бумажные волокна удалялись из кислоты, промывались в холодной воде до удаления кислот и высушивались. Гремучее серебро и гремучая ртуть были в небольших количествах, но Жан Рэ заверил, что проблем с производством нет, сколько надо, столько и наделаем.

– Что будем исследовать дальше? – не выдержал первым

Глаубер.

– Нитроглицерин. Это страшно взрывоопасное вещество. Как его делать я не знаю. Только в самых общих чертах. Нужно глицерин обработать той же азотной кислотой в смеси с серной, ну, или купоросным маслом. А вот, что такое глицерин. Это остатки от жирных кислот. В общем, попробуйте обработать жир щёлочью, причём, разными и калиевой и кальциевой, а то, что останется, попробуйте отфильтровать и выделить, может это и будет глицерин. Только учтите, нитроглицерин взрывается от сотрясения, его нужно сразу засыпать толчёным мелом. И ради бога, не делайте больше одной капли, несколько грамм весь кабинет на воздух поднимут.

– Нужно делать лабораторию подальше от города, – мудро заметил ван Бодль.

– Как земля растает, так и начнём. Будем сразу и лабораторию делать и завод по производству бездымного пороха, – успокоил учёных Пожарский.

– Пётр Дмитриевич, а вы что-то говорили о красках из угля? – напомнил ему Глаубер.

Пётр про анилиновые красители знал только то, что их из угля Глаубер первый и выделил.

– Извините, дорогие, но я помню из прочитанной в детстве книги только то, что лучшие краски атланты делали из каменного угля, а как они это делали, я не помню. Вот справитесь со взрывчаткой и займитесь углём. Одно я знаю точно, то, что сделал один человек – второй всегда может по-

вторить. Они сделали, значит, и мы справимся.

Механики почти изобрели ножную швейную машинку. Им осталась самая малость, понять, где и как хранить нитки и как эту нитку заставить двигаться. Пётр посмотрел эскизы и модели и понял главное, никто ещё не додумался до катушек. Он нарисовал механикам обычную катушку деревянную и припомнил, что нитку в зингеровской машинке продёргивает специальная лапка. Пётр нарисовал и её и объяснил, что она расположена на маховике и коленвале. Вильгельм Шиккард идею сразу уловил.

– Как всё просто. Вы великий механик князь. Мы бы ещё год над этим мучились.

– Это вы, господа, великие механики. Такую серьёзную машину изобрели. Подшипники сделали. Вы даже не представляете насколько дальше остальных ушли. Вам равных в мире нет. Тут, кстати, завтра, послезавтра, должны приехать ещё учёные из немецких земель и Бургундии, среди них будет Йост Бюрги, советую его сразу к созданию швейной машинки подключить. Он ещё тот изобретатель.

– Кто же в Европе не знает Йоста Бюрги, – просиял Симон Стивен, – Уж с его помощью мы точно это чудо осилим.

– А это что за господин с вами? – поинтересовался Пётр, оглядывая незнакомца.

– О, это изобретатель вечного двигателя Людвиг Фойе. Он француз и русский пока знает очень плохо, – представил коллегу Шиккард.

– А так это он пытался взять кредит в банке «Взаимопомощь» в Париже, – вспомнил Пожарский, – но их вроде было двое?

– Да, второй очень сильный механик, он сейчас дорабатывает станок по нарезанию резьбы, его зовут Пьер де Крильон. Просто замечательно, что эти двое согласились перебраться в Вершилово. У них золотые руки и пытливый ум. Мы объяснили французам, что вечного двигателя сделать нельзя, но, по-моему, они до конца нам не поверили, – усмехнулся Симон Стивен.

– Как сейчас помню, в книге Атлантов это объяснялось законом сохранения энергии, то есть энергия не берётся ниоткуда и не исчезает бесследно, она только может переходить из одного вида в другой, – начал Пётр и по округлившимся глазам учёных понял, что открыл им сейчас закон сохранения энергии, – Стоп, стоп, господа, по вашим лицам я вижу, что вы сейчас забросите швейную машинку и начнёте проверять этот закон. Давайте потом, я вам на бумаге попытаюсь подробнее изложить, что помню, а вы всё же доделайте мне этот агрегат. Очень нужно.

Удалось уйти, только всё же рассказав о видах перехода одного вида энергии в другой, ну, то, что запомнил с уроков физики в школе. Там трение в тепло и так далее. Чем потом Ньютон будет заниматься? Ещё бы вспомнить, когда он родился. Вроде бы ещё нет.

Событие пятьдесят девятое

Патриарх Филарет сидел в кресле у себя в келье и смотрел на стоящего напротив митрополита Нижегородского Никодима. Всего-то две недели назад патриарх говорил об этом человеке с Петром Пожарским и вот лёгок на помине, явился. Да не просто явился, а пришёл обвинять Петрушку Пожарского в ереси и колдовстве, а заодно и в тайном латинянстве и многожёнстве. И не огульно ведь обвинял, а опросные листы принёс, где всё это доказано и под пытками у тайных сподвижников этого антихриста выведено.

Надо отдать Никодиму должное подготовился он отменно, четыре года на Петрушу собирал доносы. Филарет вздохнул, отложил опросные листы, не читая, и чуть склонив голову поинтересовался:

– Как зовут настоятеля храма в Вершилово?

– Отец Матвей, – митрополит сморщился, словно это имя вызывало у него оскмину.

– Здесь есть его показания, – патриарх ткнул указательным пальцем с перстнем, подаренным Петром Дмитриевичем Пожарским, в кипу листов. Перстень был с изумительной красоты рубином, огранённым так, как умеют гранить только в Вершилово.

– Он такой же вероотступник и тайный папист, – прошипел Никодим.

Патриарх даже не знал, что делать. Надо бы найти застрельщиков этого обвинения. Филарет ни на минуту не сомневался в правильности того, что делает младший Пожарский. И надо его оградить от таких вот Никодимов, но ведь не этот дурак сам всё придумал. Или всё-таки сам?

– А как же два храма православных построенных в Вершилово? – Филарет решил разговорить митрополита.

– Они не по канону созданы, это всё от лукавого! – опять зашипел «товарищ», как любил называть врагов Пожарский. Слово прицепилось.

– А иконы, что там Иоаким Прилукин творит?

– И они не по заветам стоголового собора созданы.

Филарет бросил взгляд в красный угол. Там стояло три иконы работы Прилукина, в том числе и его знаменитая богоматерь. Иконы были без привычных золотых окладов и поэтому смотрелись необычно большими и красочными. Они были красивы, и от них веяло святостью. Патриарх перекрестился. Никодим повернулся и упёрся взглядом в иконы. Лицо его скривилось.

– И до вас, Ваше Святейшество, эта скверна добралась? – взгляд был затравленный, такой и укусить может.

– В чём же заключается «тайное латинянство» князя Пожарского? – увёл с икон разговор Филарет.

– Он православный храм переделал в костёл еретический, – аж брызнул слюною товарищ.

– Давай-ка мы с тобою митрополит так поступим, – решил

патриарх, – Я вызову в Москву пару митрополитов, и мы все вместе съездим в Вершилово к еретику Пожарскому и на месте всё решим. Сам понимаешь человек он не простой, вон, сколько денег в казну приносит.

– Десятины церковной вершиловцы не платят! – аж взвизгнул Никодим.

Вот, оказывается в чём дело! Всё просто. Петруша вместо того, чтобы честно делиться заработанным с отцом Никодимом, на эти деньги храмы строит сам. Это и в самом деле грех. Оставил митрополита без такого жирного куса, как доходы от Пурецкой волости. Петруша и правда, воли много забрал. Захотел и сам на короля шведского напал, да и побил того, захотел и три города сам основал, без царёвой воли. Опять взял сам и с гетманом Радзивиллом договорился о сдаче Смоленска.

А вся эта самодеятельность к добру привела или к худому? Земли русские вернули все до последней деревеньки и ещё и Витебск с Полоцком у ляхов урвали и всё почти без потерь. Ям шведы сами отдали. Французы нас империей теперь кличут, а за ними и остальные подтянутся. Города, основанные, рубежи дальние крепят и фарфор позволяют делать, что огромные деньги в казну приносит. Приюты для беспризорных мальчишек толмачей готовят, а не татей ночных.

Нет. Ничего плохого державе князь Пётр Дмитриевич Пожарский не делает, всё для блага её. А мерзкие завистливые и

жадные «Никодимы» ему мешают. Ничего. Соберём иерархов и отправим на костёр не Петрушу, а этого сребролюбца. Но в Вершилово съездить нужно непременно. На все эти чудеса нужно своими глазами посмотреть.

Событие шестидесятое

Царь и Великий Государь всея Руси Михаил Фёдорович Романов принимал очередных учёных желавших перебраться в Вершилово. Эти тоже были математиками. Один из приехавших был француз, остальные итальянцы. Так по крайней мере объяснил царю толмач. Он пытался растолковать Государю про мелкие княжества на Аппенинском полуострове, но Михаил отмахнулся, да не всё ли равно. Пусть будут итальянцы или «фрязины».

Француза звали Пьер Эригон, и он был преподавателем математики в Париже. У Пьера было приглашение от Петра Пожарского. Но! Уезжая, Петруша предупредил Михаила, что если кто-либо появится с приглашением из Франции, значит это шпион, тот самый, что может воспользоваться приглашением украденным у Вернье. Так как больше никому он приглашения во Францию не отправлял. И вот этот «товарищ» стоял перед царём и рассказывал, что пишет книгу про логарифмы и ещё одну про оптику, которая называется «Теория перспективы». Слова были мудрёные и скорее всего этот господин и правда, был учёным, но пригласил его в Вер-

шилово не Пётр Пожарский, а отправил «брат» Людовикус пошпионить. Если бы этот Пьер Эригон приехал без приглашения, то Михаил, не задумываясь, выписал бы ему проездную до Вершилова, но приглашение было. Петруша на вопрос, что же с возможным шпионом делать, только усмехнулся и ответил, что шпиона он перевербует, то есть заставит работать на Россию, а не на Францию.

– Хорошо, Пьер, езжай в Вершилово, пиши книги и учи детей, – «ласково» улыбнулся Государь и переключился на «итальянцев».

Все они тоже были с приглашениями Петра, но царь был предупреждён им, что должны приехать учёные из итальянских княжеств. Первым представился совсем молодой человек.

– Бонавентура Франческо Кавальери. Я изучал математику в Пизе. Сейчас почти закончил книгу о «методе неделимых».

Молодой монах поклонился.

– Что же подвигло тебя, Бонавентура, на переезд из тёплой Пизы в Вершилово? – полюбопытствовал Михаил Фёдорович.

– Кто же в мире не хочет оказаться в той самой Пурецкой волости? Все лучшие учёные уже перебрались туда. В Европе остался один Галилей, и он бы переехал, но из упрямства отказывается, – юноша улыбнулся.

– Хорошо, поезжай в Вершилово и издавай свою книгу о неделимых, раз тебя пригласил князь Пожарский, значит, ты стоишь того.

Следующим оказался преподаватель из той самой Пизы и учитель Кавальери монах бенедиктинец Бенедётто Кастёлли. Оказывается он сменил на посту заведующего кафедрой университета в Пизе того самого Галилея, о котором только что говорил молодой монах.

– Обживётесь в Вершилово и зовите своего Галилея, что же ему одному-то в Европе оставаться, даже письмо некому написать, – засмеялся Михаил.

Итальянцы вежливо улыбнулись, для них Галилей был непререкаемый авторитет. Последним был мужчина средних лет. – Клавдио Акиллини, Ваше Величество. Я преподаю право в болонском университете и кроме того занимаюсь математикой и пишу стихи. За канцону, написанную в честь появления на свет дофина, мне была пожалована от кардинала Франции золотая цепь стоимостью в 1000 крон. – Что ж, Клавдио, Пётр Дмитриевич Пожарский приглашает в Вершилово только лучших, значит и ты из таких, езжай и пиши книги и стихи. Книги, что у нас в Пурецкой волости издают, все приезжающие называют лучшими в Европе, да вы и сами можете убедиться, сейчас дьяк вам принесёт учебники математики для школы в Вершилово, – Михаил Фёдорович заранее знал об эффекте, что производят книги изданные баро-

ном Швабом на иностранцев. Это и случилось, всё четверо, в том числе и шпион француз уткнулись в книги. От нового учебника геометрии, так их вообще не удалось отодрать, так с ним и вышли с аудиенции. Молодец всё же Петруша.

Долго отдыхать Государю не позволили, сразу за учёными была назначена беседа с князем Бутурлиным. Он закончил трёхгодичный срок пребывания на посту воеводы Владимира и сейчас Михаил собирался его отправить на воеводство в Уфу. – Василий Матвеевич, что ты скажешь про войну с ляхами? – начал с неожиданного вопроса Государь.

Князь поёрзал в предложенном ему царём кресле и, скривившись в усмешке, ответил:

– Разве это война была, так, избиение младенцев. Если Петру Дмитриевичу волю дай, так он и до Кракова дойдёт.

– Почему же все воеводы русские так не могут? – задал главный вопрос Михаил.

– Два ответа есть, Великий Государь. Первый простой, ведь Александр Македонский тоже один был. Одарил бог отрока воинским умением. Второй сложнее. Пока я был воеводою в Нижнем Новгороде, старался стрельцов учить, так как их в Вершилово Пожарский с Яном Заброжским учат. После меня тако же продолжил и князь Пронин. Я же ввёл такую учёбу и во Владимире. Думаю, что лучше всех на Руси стрельцы обучены в Вершилово, на втором месте стоит Нижний Новгород, ну а на третьем Владимир. Людей всему

можно научить, главное, чтобы было кому и чтобы у стрельцов желание учиться было. Вон, Пётр Дмитриевич простую штуку придумал, кто быстрее две версты пробежит тому три рубля. Так в Нижнем весь полк как дети малые бегали. Медали эти он придумал, теперь всем охота их иметь, все и стараются, – Бутурлин насупился и, перекрестившись, выдал, – Прими совет, Великий Государь, от неразумного. Отправь в Вершилово на обучение Заброжскому два или три княжича годов пятнадцати. Пусть они года три потренируются вместе с вершиловцами, а потом их можно в товарищи к воеводам в большие города отправить, а на их место новых отроков в обучение к Заброжскому отправить. Так потихоньку и в каждом городе умелые воеводы будут.

– Почему же только три, а не тридцать, быстрее ведь, – удивился Михаил Фёдорович.

– Прости, Великий Государь, но думаю, что тридцать человек не постигнут того, что трое постигнут. На тридцать человек просто времени у Яна Заброжского не хватит, в итоге недоучки получатся. Тут лучше медленно спешить.

– А если ляха в Москву вызвать, да полк стрелецкий ему дать? – Михаил давно бы так сделал, да не хотел разрушать созданное Пожарским.

– Полк он, конечно, обучит, но будет тот полк хуже вершиловского, ведь с ним не будет Петра Дмитриевича, – развёл руками Бутурлин.

– И я так думаю, – покачал головой царь.

– Ещё дозволю, Государь, совет дать. Выбери из княжичей десяток пацанов лет семи и отправь на обучение в вершиловскую школу, а на следующий год снова. Так лет через двадцать у тебя, Великий Государь, будет сотня очень грамотных и всему наученных князей. Это же какая сила. Я, если позволишь, и своего сынка семилетнего, Егорку, когда в Уфу добираться буду, в Вершилово на попечение князя Пожарского оставлю.

– Молодец, Василий Матвеевич, как мне самому-то такая мысль в голову не пришла. Ведь я перед учёными иноземными книжками, по которым детишек в Вершилово учат, постоянно хвастаюсь, а они все говорят, что лучше учебников и не бывает. Только захотят ли князя да бояре с сыновьями расставаться? – Михаил вскочил с кресла и заходил по горнице.

– Тут надо схитрить, Государь, сделать это как награду для самых лучших, тогда и остальные захотят, – засмеялся воевода.

– И тут ты прав князь, вот ведь здорово, что ты мне всё это сказал, шубу тебе с царского плеча за это полагается. Эй, Фёдор, – позвал он дьяка, – Неси шубу, будем воеводу награждать, за мысли государственные.

Событие шестьдесят первое

Пётр Дмитриевич Пожарский только что пришёл с торже-

ственных похорон воинов погибших в войне с Речью Посполитою. Всех их привезли хоронить в Вершилово. Может это и не по-христиански месяцами не придавать тело земле, но Пётр так решил. Пусть будет в Вершилово братская могила и родственникам будет, куда сходить поплакать и цветы возложить. Если не считать погибших в сотне Кострова, которых было больше всего, то не так и много человек будет лежать в первой братской могиле. Погибло двое французов, девять человек недосчитались рейтары Шварцкопфа, семеро погибло сразу и к ним, потом добавилось двое из тяжелораненых, двое умерло в сотне Малинина и трое у Шустова и один из десятка Бебезяка, всего семнадцать человек. Из них четверо умерли от ран уже в дороге.

Нужно было срочно изобретать антисептики и попытаться создать пенициллин. Йод можно и нужно получать из водорослей, только вот моря под боком нет. Пётр записал уже давно про водоросли себе в записную книжку, но дальше записи пока дело не продвинулось.

Отец Матвей отпел воинов павших за Родину и все собравшиеся переместились в другой конец кладбища, где состоялось открытие памятника Кузьме Минину. Ещё летом, с дозволения патриарха, Пётр эксгумировал останки организатора второго ополчения, что был захоронен на правом берегу Оки на погосте приходской церкви Похвалы Пресвятой Богородицы в Нижнем Новгороде, и перенёс их в Вершилово, а всем художникам поставил задачу нарисовать эскизы к

памятнику. Оказалось, что портрета гражданина Минина не существует. Пришлось изобретать «фоторобот». Пётр взял несколько учеников Рубенса и проехался с ними по тем, кто Кузьму Минина помнил. Со слов пытались нарисовать портрет. Потом показывали эти портреты другим и спрашивали, похож ли. В результате получили рисунок в простом карандаше, который все уверенно опознавали, как «ну, вылитый Кузьма». К тому моменту и эскиз памятника Пётр утвердил. Минин стоял с широко разведёнными руками ладонями вверх, и как бы предлагал узревшему, встать за землю эту, защитить её.

Оба эскиза отдали резчикам по дереву и те сделали трёхметровую модель. Литейщики пусть и со второго раза отлили памятник и монумент в виде камня, на который памятник и установили. И вот сейчас, наконец, спустя без малого год, состоялось открытие. Собравшиеся люди Кузьму Минина в большинстве своём не знали. Большая часть вообще была из иностранцев, но страна должна знать и помнить своих героев, а если Минин не герой, то кто тогда. Пётр даже салют из мушкетеров организовал. Жаль, нет труб и военного оркестра.

Всё это происходило утром, а после обеда у Пожарского было намечено не менее важное мероприятие. Он беседовал с новым управляющим. Этим «управляющим» был старший сын Коровина Силантий. Было ему целых двадцать лет, и он уже давненько помогал отцу. Население Вершилова перевалило за восемь тысяч, и управиться в одиночку с этим огром-

ным по меркам начала семнадцатого века поселением было, конечно, невозможно. Вот мэр Коровин сына и использовал для разных не самых важных дел.

Теперь же дело было не просто важное, но и очень сложное. Царь батюшка внял советам младшего Пожарского и вновь обретённые русские земли ни кому в вотчины не раздавались, за одним небольшим исключением. Пять деревенок было отписано Петру Дмитриевичу Пожарскому. Второй совет, по отмене всех налогов и податей на этих землях на два года, Государь также одобрил.

Силантий Коровин должен был разобраться со всеми деревеньками доставшимися Петру в Смоленской губернии. Две деревни было в приданом Марии Владимировны Долго-рукой, теперь Пожарской. Пять деревень по соседству подарил Петру на свадьбу Михаил Фёдорович и вот ещё пять пожаловал сейчас за победу над ляхами. Итого набралось двенадцать деревень, хоть и не сильно удалённых друг от друга, но и не так компактно размещённых, как в Пурецкой волости.

Пожарский отправлял с Силантием двадцать стрельцов, по десятку из сотен Малинина и Шустова. Они должны были пробыть с новым управляющим шесть месяцев, а потом при необходимости их сменят двадцать других стрельцов. Отправлять под Смоленск сейчас воинов на постоянное место жительства не было необходимости. Кроме стрельцов с Коровиным младшим отправлялись, и пять молодых мастеров.

Они тоже были сыновьями вершиловских старожил. Ребята должны были организовать в новых вотчинах Пожарского производство кирпича и черепицы, а также найти местных мастеров и научить их строить дома и печи, как в Вершилово.

Силантию князь поставил следующую задачу. Всем крестьянам построить дома с банями и подворьем по установленному в Пурецкой волости образцу, купить коров и лошадей, чтобы у каждой семьи было по две, и купить коз, чтобы не меньше пяти получалось на семью. Кроме того ему нужно было определиться и при необходимости отделить взрослых сыновей от отцов, построив тем дома и обеспечив скотиной.

– Только смотри, Силантий, не переусердствуй, а то получится, что старики без поддержки и кормильцев останутся, – напутствовал Коровина Пожарский, – Вот, если сыновей несколько, тогда другое дело, да и то если сами желание выскажут.

Поручений новому управляющему Пётр наговорил уже на воз и маленькую тележку. Нужно и научить крестьян пользоваться косой и выделить каждой семье семена злаков, что подготовили для них в Вершилово помощники Полуярова и самое главное, объяснить людям, а потом и организовать переборку семян для последующей посадки. А то ведь через несколько лет опять сплошной овсюг сеять будут и от спорыньи умирать.

Больше всего Пётр боялся Юрьева дня. Увидят соседские

крестьяне как в вотчинах Пожарского стали жить крепостные и повалят массово к доброму барину. А принимать нельзя, так ведь и вся губерния захочет оказаться у Пожарского. Просто так отказывать тоже нельзя, может и до крестьянского восстания дело дойти.

– Корми «завтраками», – напутствовал Силантия князь, – обещай помочь с семенами, но если уж некуда деваться, то бывшим хозяевам потом деньги заплати, с соседями сориться не след. И ещё посмотри, может нужно купить несколько соседних деревенок и переселить всех моих крестьян ближе друг к другу, чтобы и тебе самому не мотаться по всей губернии. Если дело в количестве земли, то восточку дай, попробую у Государя добыть немного землицы. Ну и имей в виду, что через пару лет я хочу там стекольный заводик, построить, который будет листовое стекло делать, пока же для новых домов стекло с собой возмёте. Если не хватит, то тоже сразу письмо вышли. С собой возмёшь из расчёта на сто пятьдесят домов, думаю, на первое время хватит, но вдруг там деревеньки больше чем у нас.

Кроме всего прочего вёз молодой Коровин и учебники для первого класса. Ему нужно будет построить школы или школу, если удастся собрать все семейства более компактно. А ещё посмотреть, что там с церквями и священниками, грамотные ли они. Одним словом, дел у нового управляющего была уйма. Пётр опасался за Силантия, справится ли. Только вот других кандидатур не было. Где же взять менеджеров

в начале семнадцатого века? Только и остаётся, что самому воспитывать. Ничего, не на Луну ведь уезжает.

Событие шестьдесят второе

Иоганн Кеплер выдавал приёмную дочь Джемму замуж. Девушка за время пребывания в Вершилово повзрослела и больше не напоминала голенастого подростка, а напоминала Иоганну его первую жену Барбару, свою мать. Барбары давно уже не было. Она умерла, оставив Кеплеру двоих детей и свою дочь от первого брака. Иоганн всех детей любил одинаково и Джемма исключением не являлась. В Вершилово он перебрался с пятью детьми, двоих уже родила Сусанна, его вторая жена, а сейчас, год назад, она родила и третьего ребёнка, мальчика Симона. Вот во всех шестерых детях астроном души и не чаял.

Когда два года назад ученик Рубенса голландец Антуан ван Вейк стал ухаживать за Джеммой, Кеплер только порадовался за девочку. Всё шло к свадьбе и бойкая девушка даже притащила жениха к управляющему Онисиму Петровичу Зотову и попросила у того срочно построить им с Антуаном терем. Зотов потом нашёл время и посетил семейство Кеплеров, чтобы переговорить с Иоганном и Сусанной. Не нужно ли чего для свадьбы, и на самом ли деле молодой паре нужен терем, может, пока нет детей, те смогут пожить годик в обычном доме? Зачем двоим семикомнатные хоромы?

Но когда до назначенного времени свадьбы оставалось всего пару недель молодые люди разругались. Через месяц, так и не сыграв свадьбу, они вроде бы помирились и вновь заговорили о браке, но затем снова разругались и на этот раз окончательно.

Всё дело, по мнению Иоганна, не стоило и выеденного яйца. Ну, рисует Антуан с натуры обнажённых женщин, так у него работа такая. Для этих целей Рубенс из Голландии и натурщиц привёз. Но нет, Джемма взревновала парня, и всё закончилось печально. Характер у девочки был в мать. Барбара тоже была решительная натура и если что в голову себе вбивала, то стояла на своём насмерть. Вот и тогда, Джемма порвала с художником и отправилась к Зотову, чтобы отменить заказ на терем. Онисим Петрович девочке посочувствовал и, решив видимо переубедить упрямыцу, повёл её осматривать почти готовый терем.

Зотов рассказывал потом Кеплеру, что осматривая детскую, Джемма расплакалась, и Онисиму Петровичу пришлось её долго утешать. И вот теперь Джемма выходит замуж за Зотова. Кеплер только порадовался новому выбору приёмной дочери. Зотов был на голову выше голландского художника и на столько же умнее. Он являлся, по сути, вторым человеком в Вершилово и это что-то да значило. И это был не зелёный парнишка, а взрослый серьёзный человек, к тому же ещё и не старый, Онисиму Петровичу только стукнуло в этом году тридцать. Самое интересное, что стропти-

вая Джемма согласилась перейти в православную веру и венчаться у отца Матвея. Ну, что ж, совет да любовь.

Сам Иоганн в приготовлении к свадьбе никакого участия не принимал, ну разве что сходил на примерку нового платья для Сусанны и заодно уж и для себя. Кеплер был страшно занят. Пётр Пожарский навывадал ему столько заданий, что и четверым за десять лет не справиться. А их с Яковом Барчем всего двое. Верный помощник, отправившийся за Кеплером в неведомую Московию, продолжал работать вместе с Иоганном. Вот сейчас вдвоём они и заканчивали свою часть учебника по физике. Точнее они её закончили и готовили к печати. На несколько десятков страниц ушло почти два года. Глава, порученная Кеплеру Пожарским, называлась «Газы».

Тогда, весной 1920 года, князь рассказал Кеплеру и Барчу всё, что сам запомнил о газах, прочитав книги атлантов. И это был шок для учёных. Они не подозревали и о десятой части тех знаний, что почти забыл этот странный юноша. Понятие «энергия» и «работа», да один только паровой двигатель чего стоит. Всё было внове. Потом появился французский доктор Жан Рэ и изготовил первый спиртовой термометр, где за ноль взято замерзание воды, а за сто градусов её кипение. Кеплер вывел несколько уравнений зависимости состояния газов от температуры. Они с Яковом Барчем с помощью Симона Стивена и Вильгельма Шиккарда даже построили небольшую действующую модель «паровика».

А ведь параллельно написанию главы про газы Иоганн за-

нимался и спектрами различных веществ. Он уже составил каталог на почти четыре десятка элементов. Это оказалось ничуть не легче, чем построить паровой двигатель. Оказывается, в природе вообще отсутствуют чистые вещества, и выделить из мешанины чёрных линий в спектре нагреваемого вещества какой-то один элемент практически невозможно. Если бы не помощь Пожарского, то Кеплер бы и не справился с этой задачей. Первыми элементами в каталоге значились водород и кислород, полученные в довольно чистом виде после неоднократной дистилляции воды и сравнения спектров с линиями, образующимися при сгорании чистого спирта. И даже на эти два элемента ушло больше месяца. Потом было железо и вездесущий кремний. Намучились со свинцом и оловом, которые никак не хотели разделяться. Теперь же в каталоге есть даже гелий, который, по словам Пожарского, присутствует только на Солнце.

Что ж, сейчас, после того, как глава в учебнике физики написана, можно будет вплотную заняться поисками и определениями других элементов. Пётр Дмитриевич недавно принёс список из почти двух десятков элементов, которые не вошли пока в каталог Кеплера и даже несколько указаний в каких природных веществах их можно будет отыскать. Почти все они были металлами. Неужели в мире так много металлов. Интересно, а как эти металлы выглядят в чистом виде? Вот, хоть присутствующий в глине алюминий.

Событие шестьдесят третье

Умер один из учеников Рубенса. Звали юношу Патрик Тенирс. Так получилось, что всю болезнь и последующую смерть Пётр Пожарский находился рядом. В больнице, что пристроили отдельным крылом к роддому, умирал Патрик, а в палате самого роддома лежала Мария Пожарская. Она неудачно оступилась на лестнице и упала. Княгиню сразу подхватили и на руках донесли до больницы. Доктор Антуан ван дер Бодль Марию осмотрел, потом её осмотрели травницы и акушерка и все сошлись во мнении, что ничего страшного, ребёнок цел, а синяки на коленке и локте через неделю исчезнут. Тем не менее, княгиню решили несколько дней подержать в одной из палат роддома, так, на всякий случай, чтобы была под присмотром врачей.

Пётр примчался в больницу, как только узнал о несчастном случае. К тому времени вердикт врачей уже был вынесен и Пожарский успокоился. Мария уснула, и Пётр, плюнув на сотни срочных дел, решил посидеть у её кровати, успокаивая себя и княгиню. В это время в больницу и доставили кричавшего благим матом Патрика. Князь решил сходить посмотреть, что там случилось.

– У него заворот кишок, – пояснил Генрих Тамм, дежурящий сегодня в больнице.

Петра словно пыльным мешком по голове из-за угла уда-

рили.

– Положите больного на правый бок, – распорядился он.

Генрих повернул юношу.

– Тянет в боку? – спросил Пожарский у художника.

– Тянет, – выдохнул Тенирс и снова завыл.

– У него приступ аппендицита. Потом будет перитонит, и он умрёт, – сообщил он доктору.

– И что же делать? – поинтересовался немецкий врач, услышавший несколько совершенно незнакомых ему названий болезней.

– Сейчас ничего, но когда он умрёт, все до единого доктора нужны мне здесь, – сообщил растерянному немцу Пётр и ушёл к жене.

Патрик умер в муках через неделю. Пётр даже жену из больницы забрал и сам там больше не появлялся, чтобы не слышать криков несчастного. А что он мог поделаться? Афанасий Иванович Афанасьев хирургом не был. Ему самому делали операцию по удалению аппендикса, и он приблизительно знал, где он находится, но как выглядит и как его удалять, понятия не имел. Можно было, конечно располосовать несчастного художника и попытаться операцию сделать, но если больной умрёт на операционном столе, то это подорвёт веру докторов в успех таких операций. А хирург, который не верит в себя, это и не хирург вовсе.

Зато Патрик послужит делу выздоровления сотен человек. Это не первый приступ аппендицита в мире и не послед-

ний. Пока Тенирс мучился, Пётр готовился к операции. Он сделал операционный стол, тоже далеко не тривиальная задача. Нужны керосиновые лампы и система зеркал, там ведь нельзя, чтобы тень была. Нужно стол сделать определённой высоты. Нужно изготовить зажимы и скальпели. Нужна, наконец, вата, которой нет. Пётр всю неделю бегал, как угорелый, от одного мастера к другому. И заодно просвещал всех имеющих в наличие докторов, в том числе и занимающихся сейчас другими делами, того же Жана Рэ, например.

Когда Патрик отдал богу душу, всё было готово. Юношу разрежали и нашли злосчастный аппендикс. Потом потренировались на нём же, как шить брюшину и потом саму кожу. Вату заменили на льняные тампоны с зашитым внутри просушенным мхом. Плохо, что нет антисептиков кроме спирта. Ну, хоть шёлковые нити надёргали из платья Марии.

Пётр не разрешил сразу докторам резать настоящего больного, пока случился следующий приступ, успели вскрыть несколько привезённых из Нижнего Новгорода свежепреставленных заключённых острога. Не своих же пластать, родственники не дадут. Сейчас никаких моргов и вскрытий нет. Умер человек, его отпевают в церкви и хоронят.

Зато когда случился приступ аппендицита у крестьянского паренька, доктор ван дер Бодль провёл первую полосную операцию в Вершилово. Потом все доктора неделю тряслись над Пронькой – Прохором Вторых. Пётр даже договорился с отцом Матвеем на смене фамилии Вторых на Первых для

Прохора. Мальчик выжил. А Пожарский вспомнил в ходе операции, что грыжа тоже лечится схожим способом и поведал после успешной выписки Первых из больницы о том докторам.

Больного с грыжей нашли мигом и операцию провели. Трофим Антуков, плотник и столяр тоже поправился и в благодарность соорудил для докторов красивую лавочку у входа в больницу.

Доктора ходили гордые и ждали теперь очередного больного с «заворотом кишок», а Пётр корил себя. Он ведь мог вспомнить о проклятом аппендиксе и пару лет назад. Это сколько же народу умерло в Вершилово из-за того, что фарфор стал для него важней. Он даже взял чистый лист бумаги и попытался вспомнить операции, которые они могли бы проводить сейчас. Но лист остался белым. Не почки же удалять и делать пересадку сердца. Ноги и руки и до того обрезают в случае гангрены. Гораздо важнее сейчас добыть йод и попытаться вырастить плесень с хитрым названием пенициллум. Где-то в краешке сознания Пётр помнил, что вроде бы нужна дыня. Что ж, нужно заказать Омару, как придет, семена дыни, да и арбуза заодно, построим пару теплиц, да и вырастим. Не получится с пенициллином, хоть бахчевые культуры вырастим. Не дадим заплесневеть, сами съедим.

За этими размышлениями Петра и застала весть, что в Вершилово приехала целая делегация евреев.

Событие шестьдесят четвёртое

Барак Бенцион ехал в карете во главе огромного каравана и размышлял. Они не успели до таяния снега добраться до Вершилова, и пришлось в Москве менять сани с полозьями на телеги с колёсами. С этими телегами одна сплошная беда, то колесо сломается, то ось. Хорошо, что это далеко не первая поездка, уже есть опыт и всё необходимое для ремонта они везут с собой, и запас колёс с осями тем более. Скорость, конечно, упала. Тем не мене, они даже догоняли и перегоняли других купцов стремящихся в Вершилово. Догнали во Владимире и караван Якоба Буксбаума, что следовал из Италии, минуя Москву.

Якоб вёз очередную партию мрамора для синагоги и кроме того целую ораву переселенцев. На этот раз это были музыканты и мастера по изготовлению музыкальных инструментов. Но кроме итальянцев среди переселенцев было и два семейства евреев. Барак поинтересовался у напарника, есть ли у них разрешение от князя Пожарского. Разрешения не было, и люди ехали на свой страх и риск. Это были семьи богатых купцов из Флоренции. У купцов было несколько больших кораблей, которые плавали в Египет и Сирию и даже в Стамбул. Сейчас они оставляли своё дело на старших сыновей, а сами перебираются в Вершилово, чтобы спокойно встретить старость в месте, где евреев никто не преследует и

даже разрешают строить синагогу. Разрешение же на переселение в Вершилово Марк Шейнкман и его компаньон Соломон Розенфельд надеялись получить, вложив большую сумму денег в одно из предприятий князя Пожарского. Барак только головой покачал, денег у Петра Дмитриевича хватает, но пусть попробуют, может быть, князя заинтересуют связи купцов и их корабли.

Теперь объединённый караван был просто огромен. Он растянулся на несколько вёрст или введённых в Вершилово километров. Дорога от Владимира до Нижнего Новгорода была широкая, ровная, утрамбованная и засыпанная щебнем и гравием. Ехать одно удовольствие. Думать о безопасности тоже не надо. Всех желающих пошалить на этой дороге быстро вылавливают, убивают и голыми укладывают вдоль дороги, другим в назидание, но уже пару лет никому из татей здесь «шалить» и в голову не приходило. Просто рай для купцов.

Барак спокойно ехал в своей карете впереди каравана и размышлял. Всего-то прошло меньше пяти лет, как в Вершилово приехал молодой паренёк княжич Пожарский. И вот теперь у Барака личное состояние приближается к миллиону рублей. Он является совладельцем трёх банков во Франции, и они готовятся открыть ещё три филиала банка «Взаимопомощь» в Бургундии Барселоне и Севильи. В сам Мадрид испанцы их пока не пустили, но это дело времени. И как только

им самим с Якобом Буксбаумом не пришла в голову такая замечательная вещь, как банк. Ведь всё на поверхности лежало. Есть меняльные конторы в каждом портовом городе и просто в крупных городах, есть ростовщики. Чего же проще объедини эти два предприятия в одно, найми людей, которые будут охранять банк и людей, которые будут проверять платёжеспособность клиента и гребти деньги лопатой. Но никому кроме князя Пожарского в голову это не пришло. Как, впрочем, и ещё огромная масса вещей. Не иначе, как ему бог напрямую помогает, нашёптывая в ухо новые идеи обогащения.

Взять хотя бы его идею со сторублёвой монетой со вставленными в глаза царя сапфирами. Эту монету хотят иметь в Европе все. Только у одних есть деньги, чтобы её купить, у других есть цель накопить столько денег, чтобы её купить, а у третьих есть только мечты её купить. На «вторичном» рынке (выражение князя Пожарского) монета стоит почти в полтора, а иногда и два раза дороже, но Пётр Дмитриевич категорически запретил продавать её дороже ста рублей и доходчиво объяснил почему. Всё просто, пока есть спекуляция на её стоимости, обязательно будет повышенный спрос, вот на этом и надо делать деньги, ведь себестоимость монеты всего чуть больше тридцати рублей. Тройная выгода.

И так ведь во всём. За что бы ни брался князь Пожарский, деньги просто сами к нему текут. Конечно, его изделия пытаются подделать, но почти ни у кого не получается. Барак

видел бутылки, которые в подражании вершиловским попытались изготовить муранцы. Смех один. Как можно сравнивать идеальные по форме бутылки из Пурецкой волости с микстурой от цинги с кривоватыми и пузатыми бутылками муранцев с кислым вином. Ну, пусть не с кислым, пусть со сладким, но ведь вином, а не средством от цинги.

Пытались подделать чернильницы, но как только конкуренты научились делать их из серебра, Пожарский перешёл на стеклянные. И опять покупают у него, а не у подражателей. Сделать фальшивые рубли даже не пытаются, слишком высокого качества русский рубль, ювелир может и делает копию, но она будет дороже самого рубля, какой же в ней смысл. Подделать фарфор невозможно. Хотя бы приблизиться по качеству к бумаге, что выпускают в Вершилово не стоит и пытаться, китайская бумага в несколько раз упала в цене после того как в Европу завезли бумагу из Пурецкой волости. А карандаши в фарфоровых шкатулках. Как их подделать? Как вообще можно сделать такое отверстие в деревянной палочке, да ещё вставить туда грифель. Это просто невозможно. А из чего сделана стирательная резинка вообще не понятно.

Единственное, что научились подделывать из вершиловских диковин так это перьевые ручки, но спрос на дорогие уже упал, все «богатые буратины» давно ручками обзавелись (опять словцо Петра Дмитриевича).

Всё-таки хорошо, что они тогда догадались связать свою

судьбу с этим пареньком. Они с Якобом Буксбаумом сейчас одни из самых богатых и известных людей Европы. А теперь ещё и построили на свои деньги первую за несколько сотен лет синагогу, не сарай, где скрываясь, справляли службу раввины, а храм, белоснежный красавец, который может поспорить в красоте с лучшими католическими храмами Европы. И ведь он построен всего за пару лет. Конечно, ведь его строили в Вершилово! На стройках там царит идеальный порядок и каждый знает своё дело. Каменотёсы работают лучшими инструментами из толедской стали, каменщики используют различные приспособления, что придумали учёные, приехавшие в Вершилово по приглашению Петра Дмитриевича. Расписывает храм не один-два художника, а больше двух десятков. А руководят стройкой лучший архитектор в мире и лучшие управляющие Онисим Зотов и Вацлав Крчмар. Эх, быстрее бы домой. Да вон уже и медведи их встречают.

Событие шестьдесят пятое

Пётр пошёл встречать еврейский караван с удовольствием. Что Барак, что Буксбаум, что Ротшильд всегда привозили кучу диковин, кроме кучи полезных вещей. На этот раз даже сам караван был диковиной. Барак Бенцион плыл из Испании на кораблях, а Якоб Буксбаум ехал из Италии на телегах, а встретились во Владимире. Караван был и на самом деле огромен, он втягивался в Вершилово больше часа.

За это время толпа встречающих собралась такая, что Корвину пришлось принимать меры и празднующихся отправлять по домам. Это сильно не помогло. Вся огромная центральная площадь Вершилова была заставлена телегами и напоминала больше рынок, чем произведение искусства.

День уже клонился к вечеру и просто изобиловал приятными хлопотами. Рано утром в город пришёл ещё один караван. Это, наконец, доставили зубров. Пожарский заказывал их польским купцам регулярно и деньги предлагал немалые, но всё как-то не срасталось, и вот, наконец. Зубров было пять. Один здоровущий самец, три самки и один телёнок, тоже бычок. Пётр обещал за каждого по сто рублей. Просто сумасшедшие деньги. За рубль можно корову купить или раба, а тут сто рублей. Пришлось расплачиваться пятью новыми сторублёвками. Купец просиял и спросил, не нужно ли ещё чево привезть.

– А почему нет. Привези косуль и оленей, за косулю десять рублей, за оленя двадцать, – Пётр подумал, что если уж есть зоопарк, то его нужно пополнять, – И нужно несколько самцов и самок.

Купец ушёл окрылённый, а Пётр занялся размещением огромных коровок. Как всегда ничего к такому приёму готово не было. Пришлось организовывать всех имеющихся в наличие плотников, чтобы построить на опушке леса огромный загон. Зубр животное не маленькое и не смирное, поэтому досок ушло как на десяток теремов.

Во время этой беготни Пожарскому сообщили, что прибыл купец из Москвы и непременно хочет видеть самого князя. Пришлось сходить посмотреть, кто там такой «важный» пожаловал. Оказалось, что приехал Трофим Пафнутьевич Коробов, тот самый купец, которого Пётр всё же разыскал в Москве, купец, который знает дорогу до солёного озера Баскунчак. А приехал господин Коробов пораньше в Вершилово, чтобы самому тщательно проверить подготовку к экспедиции. Ну, и флаг в руки, Пётр свёл Пафнутьевича с Фёдором Пожарским, которому он и поручил готовить к походу два каравана судов, один до Миасса под руководством Фёдора, а второй до этого самого Баскунчака под руководством себя. И вот только он сел поразмышлять о перспективах хирургии, как прибыл еврейский караван.

С ходу пришлось заняться строительством загона и крытой «конюшни» ещё и для лам. Интересно, а как называется конюшня для лам – «ламушня»? Бедные животные так за дорогу намучились, что уже и стоять отказывались. Пётр даже коновала Григория Сотникова, что он привёз из польского набега, отрядил приглядеть за животными.

Кошек тоже сразу отдали Ивану Охлобыстину, он хоть и не ветеринар, но за животными ухаживает всю жизнь, Пётр только объяснил ему, что это мелкий хищник типа рыси и относиться к ним нужно почти так же. Кормить мясом и построить срочно большие клетки и самцов вместе не держать, подерутся, лучше всего, так парами и оставить.

После животных дошёл черёд и до людей. Итальянцев Буксбаум привёз порядочно, больше десятка семей. Это были музыканты, композиторы и на сладкое всё семейство Амати. Что может знать обычный человек двадцатого и двадцать первого века про Амати, что был такой Никола, и он воспитал Страдивари и Гварнери. Что ж, Никола приехал, но это был ещё молодой человек, а главами клана сейчас являлись сыновья основателя династии Андреа Амати из Кремоны. Старшего звали Антон, а отца Николы звали Джироламо. Люди были пожилые и степенные, они чинно раскланялись с князем Пожарским и спросили, где палаццо, в котором их поселят. Пётр пообещал, что палаццо будет непременно и сбыл мастеров на руки вполне уже освоившему русский, да и русские обычаи Модерну, перед палаццо нужно сначала в баню. Аналогично поступили и с другой творческой интеллигенцией. Ох, и визгу будет.

Дошла очередь до евреев. Пять раввинов с семействами, это не малый пул. Барак Бенцион заверил, что это лучшие и что все санитарные хлопоты он берёт на себя, вшей прожарят, тараканов в дома не допустят, а священников и их домоладцев в баню запихнут. А вот Буксбаум представил двоих купцов. Марк Шейнкман и его компаньон Соломон Розенфельд хотели отдохнуть на старости лет от трудов праведных и готовы были вложить деньги в предприятия князя Пожарского за предоставленное право жить в Вершилово. Купцы оставили свои корабли и магазины во Флоренции на старших

сыновей и приехали с младшими детьми. В сумме вместе со слугами было человек тридцать.

Ладно, решил Пётр, пусть живут, не жалко. Тем более что он уже решил по ходу разговора с аксакалами, чего с них можно взять. Деньги, как деньги Петра не интересовали, а вот заказать на эти деньги в разных местах Европы рельсы для конки, а в дальнейшем для паровоза, это совсем другое дело. Проблема больших поселений это коммуникации, вот в них пусть господа купцы и вкладываются. Нужен транспорт, нужен водопровод и нужна канализация. Отдадим транспорт на откуп флорентийцам.

Напоследок остались нанятые в Италии и Испании наёмники. Испанцев было двадцать, а итальянских «карабинеров» аж двадцать пять. Ну, правильно, Буксбаум в отличие от своего товарища «путешествовал» по охваченной тридцатилетней войной Европе. Оказавшийся тут как тут Шварцкопф принялся уговаривать иноземцев влиться в ряды его «иностранный легиона». А что, в отряде рейтар были немцы, французы и даже один голландец. Сын аптекаря Янсена не захотел возиться с пробирками, повоевать молодому человеку захотелось, и украсить грудь медалями. Пусть. Пусть перебесится, получит пару медалей. А потом вернётся в семейный бизнес. Аптекари Петру в сто раз нужнее солдат. Солдат полно, а аптекарей двое, если Ротшильда не считать. Но тому сейчас не до пробирок, опять укатил в Испанию за платиной и какао.

Семена бобов и сладкого перца Петра обрадовали больше даже чем ламы. Хотелось вспомнить вкус фаршированных мясом перцев. Боже, как давно это было. В другой жизни.

Глава 7

Событие шестьдесят шестое

Перед отъездом в Вершилово Патриарх Филарет зашёл к сыну и рассказал ему о доносе митрополита Нижегородского Никодима на «Петрушку Пожарского». Михаил закаменел лицом. И что им всем спокойно не живётся, то Салтыковы его невесту травят, то Колтовский на Петрушу злоумышляет, а теперь вот ещё и митрополит.

– И что ты решил? – посиневшими губами выдавил Михаил.

– Да я бы его сразу на кол посадил, но ...

– Петрушу?!

– Тьфу, на тебя! Отца Никодима, понятно. Только вдруг, кто за ним стоит, съезжу с ним и митрополитами Смоленским и Новгородским в Вершилово и по дороге попытаюсь разговорить этого сребролюбца. Кроме того самому тоже охота на чудеса вершиловские своими глазами взглянуть. Ну и верующих поддержать надо, а то на самом деле, два храма построили, а на освящение никто не прибыл. Есть от чего православным волноваться. Успокою верующих.

– А с Петрушей, что будет? – продолжал волноваться Го-

сударь.

– А что с ним будет? В митрополиты он не пойдёт, да и не нужен нам такой митрополит. Нам князь Пётр Дмитриевич Пожарский на своём месте нужен, – засмеялся патриарх.

– А я уж испугался, что ты его в железа братъ поехал, – выдохнул Михаил и отошёл к окну.

Окно было застеклено новыми стёклами, присланными из Вершилова. Эти были гораздо прозрачнее. Их и видно-то не было, словно вон и сосульку рукой можно взять. Весна уже всю топила снег и почти с этим справилась, но тут опять похолодало и даже снег выпал. Михаил волновался, как бы опять холодные лета, как при Годунове не начались. Только-только Русь стала выправляться после двух десятилетий смут и чехарды на престоле. Он истово молился о тёплом лете и хорошем урожае.

– Такого возмёшь в железа, – как бы сам с собой вдруг заговорил отец.

– А что случилось? – вынырнул из раздумий Михаил.

– Сколько с Петром воинов было, когда он шведов побил? – спросил Филарет и сам же и ответил, – Две с половиною сотни. Причём это был их первый бой. Шведов они побили больше тысячи, а своих почти ни одного не потеряли. А под Витебском он с пятью неполными сотнями хотел пяти-тысячное войско ляхов во главе с коронным гетманом Радзивиллом остановить. Просто гетман раньше в плен попался, и сражения не произошло. А произошло бы, так и разбил бы

в десять раз большее войско. Даже не сомневаюсь, – Филарет подошёл к сыну стоящему у окна и пристально посмотрел тому в глаза.

Михаил отвернулся и снова в окно стал смотреть.

– Я вот думал на днях, а что будет, если на Петра нам придётся войной идти, – усмехнулся патриарх, – Получается, что если все стрелецкие полки из Москвы на него двинуть, то он от них шутя, отобьётся. А что при этом два других Пожарских делать станут? Кликнут, что царя подменили бояре и нужно собирать ополчение и на Москву идти. Если они против ляхов семь тысяч собрали, то против бояр и десять соберут. А что будет делать боярин Долгоруков? Неужто за жизнь дочери и зятя не вступится. Ринется в Смоленск ополчение поднимать. Царя де подменили, а самозванец хочет всех охолопить и налоги ввести огромные. Тысяч пять легко поднимет. А ведь есть ещё князя Пронин и Бутурлин. Эти точно на сторону Петра вместе с гарнизонами перейдут. А ещё есть князь Разгильдеев. Он махом одним татар поднимет, тысяч пять поднимет, а этот князь ни одного сражения не проиграл, – Филарет спокойно уселся в кресло около окна и продолжил, – Вот и получается, что даже если очень сильно захотеть, то с Петром Дмитриевичем Пожарским нам не справиться. А ведь всего семнадцать лет ему. А что в тридцать будет?

– А зачем нам на Петрушу войной идти? – после тягостного молчания произнёс Государь.

– Не зачем. Никто и не собирается. Одна только польза от молодого Пожарского, как и от старшего тоже.

– Я и сам как-то Господа просил ещё пару Пожарских, – вспомнил Михаил.

– А и вправду, вон втроём ляхам так навалили, что те не знали, куда и бежать. А ведь сейчас Пётр младшего брата Федю всему учит. Скоро четверо станет. Тяжело Адольфишке придётся через два года. Сигизмунда три Пожарских било, а ему от четверых достанется, – рассмеялся Филарет.

Михаил тоже от души посмеялся. На сердце полегчало, выглянуло солнце и принялось со всем жаром топить нарощие сосульки. Должно быть, в этом году хорошее лето. И урожай вырастит отменный, тем более что «полуяровка» уже и до Москвы добралась. Как хорошо, что Петруша этого купца нашёл и к такому важному делу приставил.

– Мало для Никодима этого кола. Колесовать нужно на Лобном месте, чтобы вся Москва видела, а потом тело ещё и по городам провезти, – зло выпалил царь.

– Успокойся, Миша, так и сделаем, – погладил его по плечу отец.

Событие шестьдесят седьмое

У Петра Дмитриевича было запланировано на сегодня огромное количество дел, но вот это первое – самое важное. Он отправлял десять рейтар Шварцкопфа в Лифляндию. Все

они были немцами, как раз из Риги и близлежащих городков. Отправлялись рейтары по двое. Одна пара ехала в самую Ригу, вторая в Динабург, третья в Венден, четвёртая в Дерпт и пятая в соседнее герцогство Курляндское в Митаву. Заданий у всех пар было два: первое – нанять молодых немцев для службы в отряде Шварцкопфа, и второе – пригласить и сопроводить до Вершилова переселенцев.

Пожарский надеялся, что после войнушки и двух штурмов Риги и Дерпта желающих покинуть те места будет не мало. Приглашать переселиться, нужно было не в само Вершилово, а в новые городки на реке Белой и в Миасс. Нужны были любые мастера: и плотники, и печники, и кожевенники, и ткачи, одним словом – все. Нужно было делать Белорецк, Михайловск и Миасс экономически независимыми поселениями. Не ездить же за штанами с Михайловска на рынок в Уфу. Золотые выйдут штаны. Особое внимание Пётр наказывал уделить кузнецам, в Миассе нужны металлурги, а из кузнецов их переучивать проще всего, люди уже привычные к горячему металлу.

Кроме мастеров рейтарам нужно было поискать и обычных земледельцев. Только эту категорию стоит сначала проверить, поспрашивать у соседей, не лодыри ли. Тут с прошлым потоком переселенцев такая семейка бездельников как раз из Риги и приехала. Пришлось мужу отрезать одно ухо, а жену прилюдно на площади выпороть, только после этого за ум взялись, да и то их чуть не ежедневно навещали

милиционеры и проверяли, как скотина обихожена, да порядок ли в доме. Проще, конечно, выгнать на все четыре стороны, но был в их присутствии в Вершилово и положительный момент. Это был пример. Вот как у нас поступают с тунеядцами и прочими разгильдяями. Положительные примеры для воспитания подрастающего поколения тоже важная вещь. Но вот больше таких не надо. На это князь Пожарский своим эмиссарам указал особо.

Каждой паре было выдано по пятьсот рублей. Просто огромные деньги для простого человека, поэтому рейтар, отправляющихся в Лифляндию и Курляндию, выбирали тщательно. Люди должны быть семейные и непьющие. Это в Вершилово со спиртным проблема, а во всём остальном мире море разлитое, пей – не хочу. Кроме того людям пообещали: во-первых сделать их десятниками, а это повышение зарплаты в полтора раза, и премию за каждого доставленного переселенца в размере одного рубля. Привезёшь сто человек, вот тебе новая золотая сторублёвка с сапфирами.

Всем желающим переселиться из Лифляндии и Курляндии обещались все те блага, что имел каждый вершиловец, дом с двумя печами, баню, коровник, конюшню и естественно по два обитателя для последних, то есть по две лошади и две коровы, ну и коз или овец штук пять.

Покидал Пётр совещание с эмиссарами вполне довольный. Немцы подобрались серьёзные, и вопросы задавали правильные. Должно у них всё получиться. Тем более что

все знали, перемирие заключено всего на два года, и шведы снова полезут в Лифляндию.

Второе мероприятие, запланированное на этот день, было попроще. Князь решил посетить Рене Декарта. Французы прибыли в Вершилово пять месяцев назад, в день отъезда Пожарского на польскую войнушку. Профессор Мёстлин выделил математикам кабинеты в Академии наук, Зотов выделил терема семейным и дома холостым, а мэр Коровин обеспечил посудой, тёплой одеждой и прислугой на первое время. Математиков отвели к травницам и приставили из молодых парнишек личных тренеров. Некоторые бегать попробовали отказаться, но посмотрели, как бегают великий Рубенс и не менее великий Кеплер и тоже втянулись. За это время книг они написать, ещё не успели. У французов шла ломка стереотипов и изучение того, что вершиловские дети проходят в школе. Учебник астрономии у всех без исключения математиков вызвал шок. Они там, в Европе разбились на два с половиной лагеря и доказывают друг дружке, кто прав, Коперник или Аристотель, а может, Тихо Браге. А здесь детям в первом классе школы преподают строение Солнечной системы. Какие такие коперники, если дети знают точно, что вокруг чего вертится и с какой скоростью.

А ведь кроме астрономии была ещё и физика. Французы прочитали учебник по Оптике и окосели. Увидели учебники по математике за три класса, и выпали в осадок. А когда прочитали черновики учебника по физике, что писали Кеплер

с товарищами, то отказались в это верить. Вот пять месяцев они, и приводили свои знания к вершиловским образцам.

Единственный, кто сделал что-то полезное за пять месяцев, это Клод Гаспáр Башé, сьер де Мезириáк. Клод с помощью Симона Майра перевёл на русский свой учебник занимательных задач по математике, и сразу начал перевод своей великой книги «Арифметика Диофанта с комментариями». Сейчас барон Шваб готовит учебник занимательных задач к печати.

Пожарский на встречу с Декартом взял с собой переводчика. Толмачом был Васька Шустов, четвероклассник вершиловской школы и по совместительству сын гончара Шустова, что переселился в Вершилово одним из первых. У Василия был талант к языкам. Французский у него отскакивал от зубов, будто он всю жизнь провёл где-то на Лауре. На свой правильный немецкий князь Пожарский больше не надеялся, если немцы его с трудом, но понимали, то француз поймёт ещё меньше. Вот вдвоём с Василием они к господину Декарту и вломились.

Рене оказался на высоте – сидел за учебником русского языка. Но дальше всё пошло как-то не так. На простой вопрос: «Как дела»? Декарт понёс какую-то ересь том, что всё в мире движется и что человек это тоже движущийся механизм. Пётр слушал сбивчивый перевод Васьки и думал, что может в будущем этого Декарта просто перехвалили французы, так как больше хвалить у них было некого.

Пётр перестал слушать перевод, взял на столе лист бумаги и нарисовал на нём оси x , y и z карандашом. Потом выбрал простейшую функцию $x = 5y$ и начертил график этой функции, потом рядом написал другую, где x равняется y в квадрате, составил табличку, используя положительные и отрицательные числа, и начертил и эту функцию. Потом остановил разглагольствующего Декарта и протянул ему листок.

Нет, это был всё-таки правильный Декарт. Не зря его хвалили. Математик минуту смотрел на листок, потом минуту пристально смотрел на князя Пожарского, а потом ушёл из кабинета. Вернулся он через пять минут со всеми французскими математиками и Мареном Мерсенном, и ни слова не говоря Пожарскому, протянул им листок. Пётр сразу пожалел, что ввязался в это дело. Теперь вопросами замучают. Вопрос последовал. И задал его как раз Декарт.

– Как вы до этого додумались? – и блеск такой хищный в глазах.

Пётр, пока Декарта не было, лихорадочно придумывал объяснение. Нашёл такое.

– Я, когда занимался обжигом фарфора, хотел проверить зависимость длительности обжига от температуры. Вот пришлось выдумать такую штуку. Ведь проще, когда зависимость видишь в виде линии.

Французы выслушали перевод и залопотали по-своему. Пётр Пожарский был им больше не интересен. А вот система координат и графическое изображение функции – это да.

Пришлось прокашляться.

– Это надо исследовать! – с апломбом заявил Декарт. Он себя, наверное, главным тут чувствовал, ну, раз это его кабинет и Пётр пришёл к нему.

Князь Пожарский вспомнил, зачем он к Декарту пришёл и попросил французов их с Рене оставить минут на десять, ни куда функции не денутся. А пришёл Пётр к Декарту потому, что вспомнил, что нужно изобрести майонез. Раз Мёстлин изобрёл шоколадные конфеты, то майонез в этом мире будет называться «декартез».

– Дорогой Рене, мне нужен математик и француз, чтобы создать очень вкусный соус.

– Соус?!

– Соус. Соус. Вы, наверное, слышали уже, что рецепт на шоколадные конфеты разработал Мёстлин. Вот я и хочу, чтобы с помощью математического анализа и функций разных, вы составили рецепт соуса. Он состоит из растительного масла, уксуса, яичного желтка и сахара с солью. Это основные компоненты, можно сделать несколько рецептов, добавляя некоторые вкусовые приправы, перец, там, или укроп. Зачем нужен математик? Да потому, что в этом уравнении как минимум пять неизвестных. Почему нужен француз? Да потому, что лучшие в мире повара – французы. Я знаю только, что всё это надо смешать и затем очень тщательно взбить, чтобы образовалась однородная чуть желтоватая масса. Завтра придёте на фабрику Дуни Фоминой и получите у неё всё

необходимое. Всю работу будут делать её люди, а вы должны следить за тем, чтобы эксперимент шёл точно по вашему плану, – Пётр подмигнул Декарту, застывшему с выпученными глазами и перед тем как выйти добавил, – Вот проверите на практике эти ваши функции. До свидания.

С Дуняшей теперь ещё надо всё это обсудить. Да заодно и попробовать самим сделать, а то занесёт Рене не туда, нужно, чтобы Дуня его немного в правильном направлении подтолкнула.

После фабрики по производству масла Пожарский занялся последним запланированным на сегодня делом. Нужно изобрести игру «пятнашки» или «пятнадцать». Пётр недавно вспоминал, чего ещё попаданцы изобретают в прошлом в тех книгах, что он читал, и вот про эту игру и вспомнил. Вроде бы лорд Сварог её у Бушкова изобрёл и на этом обогатился. Мы-то чем хуже.

Пётр пришёл к Лукашу Доницу и показал ему эскизы новой забавы.

– И из чего это делать? – пока не очень впечатлился ювелир.

– Из всего, что попадётся. Нужны и очень дорогие из золота и самоцветов и просто дорогие из серебра и простенькие из камня или кости. Я потом выберу. Сделай штук десять разных. Вот, когда сделаешь, я тебе всё и объясню. Чем быстрее сделаешь, тем быстрее узнаешь страшную тайну, связанную с этой игрой. Всё ухожу, не отвлекаю.

По дороге домой князь Пожарский прикидывал, что нужно срочно готовить большущую экспедицию во Францию, в Париж. Во-первых, нужно быстрее строить там подпольный монетный двор и начинать изготавливать русские деньги. Раз на них там ажиотажный спрос, то нужно на этом обязательно нажиться. Во-вторых, нужно строить заводик по производству «декартеза». В том, что Дуняша с Декартом этот соус «изобретут», Пётр не сомневался. Он даже уже представил магазин в центре Парижа, который торгует «декартезом». На магазине будет такая вывеска: «Этот соус вычислил один из лучших математиков современности Рене Декарт». Кто не захочет попробовать математический соус? Ну, а попробовав, втянутся. И в-третьих, нужно открывать магазин по продаже игры «15». Пусть она будет стоить десять рублей, а при продаже говорить, что если человек в присутствии продавца из перемешанных фишек выстроит правильный порядок, то получает русский рубль, а если сможет поменять местами цифры 14 и 15, то получит сторублёвую монету и золотую версию игры «15». И даже прилюдно выплатить деньги подставным товарищам. Для начала отправить в Париж пару тысяч игр. Должны разобрать. Получится почти двадцать тысяч рублей. Это конечно не Лувр, но ведь и Париж не единственный город в Европе. На фарфор и зеркала ажиотажный спрос скоро спадёт. Все, кто может уже купят, богатых людей не так много, а декартез и «15» будут приносить деньги долго. Это для среднего класса. А ведь кроме Франции есть

и Голландия, и Испания, и какая-то Германская империя. И на Лувр насобираем. Стоп. А ещё нужно открыть в Париже сеть шашлычных. Шашлыки французам должны понравиться. Особенно под соусом декартез.

Событие шестьдесят восьмое

Онисим Петрович Зотов сидел на совещании по строительству новых объектов в Вершилово и ужасался предстоящему объёму работ. Докладывал об этих новых стройках сам князь Пожарский. Первым делом, как полностью растает снег, нужно будет на берегу Волги закладывать три фабрики. Все три решили строить вместе, ну, вернее, рядом. Так до них проще будет из Вершилова добираться. Будет построенная площадь, с трёх сторон которой и будут здания фабрик, а вот с четвёртой будет сделано кольцо из рельс для разворота конки. От Вершилова до площади будет проложена рельсовая дорога в две линии, и по ней будет ходить эта самая конка, такой экипаж на колёсах, который везёт пара или четвёрка лошадей, но едет экипаж не по земле, а по чугунным рельсам. В такой экипаж можно гораздо больше народу посадить, ведь он едет по ровным и гладким рельсам.

Предполагалось перенести на берег Волги фабрику по выпуску бумаги, фабрику Фоминой по производству масла и фабрику макаронных изделий Матвея Лыкова. Причём и Фомина и Лыков строили фабрики на свои деньги и обяза-

тельно требовали украсить переднюю стену мозаикой. Что ж, хозяин барин. Будет чем заняться артели под руководством Акима Юнусова, а то они заскучали после окончания работы над Академией наук.

Только это были не стройки, а так, разминка. Пётр Дмитриевич планировал на пустыре, что образовался между еврейской частью Рублёвки и основной частью Вершилово построить ещё одну площадь с целым комплексом зданий. По центру будет круглое здание цирка, а по бокам театр и консерватория.

Цирк – это такое здание, где скоморохи будут давать свои представления. Только теперь они будут работать больше на детей, чем на подвыпивших посетителей московской или нижегородской ярмарок. Детей смешить и развлекать гораздо сложнее, чем взрослых. Но скоморохи, что по приглашению князя Пожарского перебрались в Вершилово, были и впрямь хороши. Не зря их Пётр Дмитриевич перетащил из Москвы. Они уже дали два представления на центральной площади и народу понравилось.

Пётр Дмитриевич рассказал всем и про театр. Там тоже будут давать представления, но не скоморохи будут выступать, а актёры. Они будут, как бы книги в лицах пересказывать. Онисим Петрович не очень представлял, что же тут интересного, но раз князь Пожарский сказал, что всем понравится, значит так, наверное, это и будет. Что-то Зотов не помнил ни одного раза, когда князь ошибался.

В консерватории будут давать концерты приехавшие из Италии музыканты. Когда Пожарского спросили, не много ли развлечений для одного города, то Пётр Дмитриевич усмехнулся и выдал, что не хлебом единым жив человек, в древнем Риме народ требовал хлеба и зрелищ, а мы ничем того Рима не хуже. Разве плохо, если детей можно будет в субботу или воскресенье сводить в цирк, чтобы те посмеялись над клоунами или покатались на дрессированном медведе. И совсем неплохо, если мужчины, в ту же субботу, наденут свои лучшие одежды, женщины навесят на себя всё золото, и вместе послушают музыку в консерватории. Они будут сидеть на мягких стульях в полутёмном зале, и наслаждаться игрой на скрипке лучших в мире музыкантов. А в театре лучшие в мире актёры разыграют пьесу про несчастную, но такую красивую любовь двух молодых людей, после этой пьесы плачут даже стены в театре. Или сыграют комедию, где девушка переделалась юношей. Одним словом, строить будем.

Только ведь и это ещё не всё. Ещё будет одна площадь. И с двух сторон этой площади будут стоять два храма. Один будет католический, а другой протестантский. А площадь одна. И никто никого за веру убивать не будет. А между этими двумя храмами в центре площади будет квадратная башня и со всех четырёх сторон, наверху, у неё будут часы, которые каждый час будут играть мелодию. Просто чудеса. Наверное, это будет красиво.

Но ведь всё это надо строить. Строить быстро и качественно в Вершилово научились. Строители разбиты на десятки, как в войске и десятки сведены в сотню. Каждый человек точно знает свою задачу на день. Всё всегда под рукой. Люди работают не абы чем, а инструментом, изготовленным из лучшей толедской стали. Немецкие учёные напридумывали массу приспособлений, чтобы людям было проще работать. Взять хотя бы люльки, что подвешивают снаружи здания, теперь не надо громоздить леса и карабкаться по ним, с риском свалиться вниз. Сел в люльку со всем необходимым для работы, и тебя подняли на нужную высоту.

Всё это, конечно, хорошо, но ведь нужно строить почти десяток зданий и три площади, а ещё прокладывать рельсовую дорогу для конки. Сколько же это работы?! А ведь ещё нужно заканчивать отделку дворца князя Пожарского. Нужно, чтобы астрономы добавили в сутках ещё хотя бы десяток часов. Тогда будет полегче. Поговорить, что ли с Кеплером, всё-таки родственник, тесть как ни как. Должны же родственники помогать друг другу.

Событие шестьдесят девятое

Анри Бенни отлично понимал, почему для такого дела выбрали именно его. Из всех вернувшихся с польской компании мушкетёров он единственный был ранен и, надо отдать должное немецким докторам, что были с войском, пулевую

рану в ногу ему залечили вполне качественно. Вот только осталась хромота, так как пуля раздробила кость. Рана зажила, кость срослась, причём нога все три месяца была в гипсе и почти не беспокоила Анри, но когда гипс сняли, оказалось, что теперь бравый мушкетёр будет всю жизнь хромать. Нога стала чуть короче. Так бы и ничего страшного, мало ли народу хромота, но так совпало, что князю Пожарскому нужен был француз, чтобы открыть в Париже магазин. Интересный такой магазин. В нём будут продавать всего только одну игру.

Князь показал Анри небольшую коробочку из слоновой кости, в которой было пятнадцать вырезанных из зелёного камня прямоугольничков с цифрам от одного до пятнадцати. Имелось и одно пустое место. Если эти фишки двигать, то можно выстроить их по порядку. В этом и заключалась игра. Конечно, нашлось бы несколько человек, которые захотели бы купить себе такую красивую игру, но магазин должен был не просто продавать игру, но и выплачивать премиальные, если человек соберёт цифры по порядку. Если при Анри покупатель выстроит все фишки из смешанных в произвольном порядке, то получит русский рубль. А вот если сумеет поменять местами цифры 14 и 15, то получает сторублёвую русскую монету, где у Российского императора сапфиры вместо глаз.

Когда Бенни увидел эту монету в первый раз, то даже не поверил своим глазам, это было просто чудо. Он даже не сомневался, что перед его магазинчиком выстроится толпа же-

лающих купить эту чудную игру, ведь приз получают только тот, кто передвинул фишки на игре, купленной в магазине. Дома ты можешь тренироваться на самодельной или на подделке, а что такие появятся, князь и Анри не сомневались, а вот если хочешь получить приз, то изволь купить настоящую. Сама коробочка с фишками будет стоить десять русских рублей. Очень не маленькие деньги. При выплате премии в рубль коробочку просверливают маленьким сверлом, чтобы ею больше никто не воспользовался во второй раз.

Если же человек сможет поменять местами 14 и 15, то он получает сторублёвую монету и в подарок ещё и игру, сделанную из серебра с золотыми фишками. Она и сама будет стоить под сто рублей. Анри видел призовую игрушку. Красота. Нет, при правильном подходе к делу его магазинчик будут брать штурмом. Пётр Дмитриевич предупредил его, что переставить эти две цифры практически невозможно. Нужно быть великим математиком, например таким, как однополчанин Бенни, Рене Декарт, которого он и вызвался сопровождать в Московию.

И ведь не зря вызвался. Теперь у него на парадном мундире есть две медали, одна за победу над Речью Посполитою, а вторая за боевые заслуги, которая полагалась всем раненым и так же выдавалась родственникам убитых. Молодцы эти русские, такую полезную вещь придумали, в старости можно будет показывать эти медали внукам, и рассказывать о службе в русской армии, о том, как их полк взял и захватил целых

шесть городов. Вот только поверят ли внуки. Он и сам-то не очень верил в то, что происходило прямо на его глазах. Вот медали и подтвердят правдивость его слов.

Князь Пожарский был вместе с еврейским банкиром Баракком Бенционом. Они с Анри отправятся в Париж вместе. С ними поедут ещё мастера, чтобы наладить производство русских денег во Франции и так же несколько стрелцов, чтобы охранять их караван. Кроме того поедет один молодой парнишка, который должен открыть в Париже трактир, в котором будут готовить русские блюда. Анри дали попробовать пельмени и шашлык. Ни каких сомнений, этот трактир станет одним из самых популярных в Париже. Блюда были восхитительны. При трактире будет и магазинчик, который будет торговать соусом, что изобрёл его однополчанин Рене Декарт. Вот кто бы мог подумать, вечно замкнутый и неразговорчивый Рене оказался не только математиком, но ещё и отличным поваром, соус просто объедение.

После того как Анри распродаст всю партию игрушек он может на выбор или остаться в Париже или вернуться в Вершилово. Конечно же, он вернётся. Только женится на симпатичной девушке и вернётся. Нет, и не может быть на свете человека, который бы не захотел жить в Вершилово. Это просто город из сказки. Чем он будет здесь заниматься? Да хоть пойдёт работать на фарфоровую фабрику. Просто ощущать себя причастным к выпуску таких великолепных вещей уже, наверное, счастье. А ведь работающим на фабрике ещё

и неплохие деньги платят, особенно мастерам. Что ж, Анри не дурак и со временем тоже может стать мастером. Даже не так, он обязательно станет мастером.

Но сначала игрушки!

Событие семидесятое

Княжич Фёдор Дмитриевич Пожарский, наконец, получил медаль «Вершиловский стрелок». Первого апреля проводились очередные стрельбы и ещё шестеро человек вместе с ним выбили сто мишеней из ста. Не зря он полгода тренировался в стрельбе по часу в день. Оказывается, если к чему-то сильно стремиться и работать над этим, а не мечтать лёжа на диване, то добиться можно всего. Теперь он один из двадцати четырёх человек, награждённых такими медалями. А ведь через месяц он поведёт караван из нескольких десятков кораблей в Миасс, и по окончании похода получит ещё и медаль «За освоение Урала». Пётр пообещал, что в последний раз все стрельцы получают эти медали. Потом уже туда стрельцов посылать не будут. Обычная торговая экспедиция, зачем в ней нужны стрельцы? Места разведанные и обжитые. Но в этот раз с Фёдором будет два десятка стрельцов из сотни Козьмы Шустова. Тоже подобрали тех, кто на Урале ещё не был. И у них добавится по медали.

Конечно это не боевые медали. Хотелось бы Фёдору получить «за боевую доблесть», как у брата. Но как любит по-

вторять Пётр: войн на твой век хватит, успеешь и доблесть проявить.

Сейчас всё свободное время Фёдор вместе с купцом Трофимом Пафнутьевичем Коробовым посвящал готовящейся экспедиции. Плыли они с Коробовым в разные места и на разных кораблях, но припасы в дорогу собирали вместе, да за всем этим ещё и Пётр успевал присматривать. Он-то уже три раза на Урал сплавал, и знает, чего и сколько с собой нужно брать.

Оба каравана судов получались просто огромные. Пётр с Коробовым плыли по Волге до впадения в Волгу Камы вместе со всеми, а потом караваны разделялись, Фёдор поведёт свой до Белорецка, а брат с купцом, минуя Самару, Саратов и Царицын, высадутся на берегу Волги в голой степи и начнут строить там крепость. Вслед за ними плотогоны туда будут всё лето сплавать лес. Пётр собирается назвать новый город Мариинск в честь жены.

С ним будет почти полная сотня стрельцов Малинина, кроме десятка, что отправился в Смоленск. Они там и зимовать останутся, а весной их сменит сотня Кострова, ну а осенью уже на постоянное место жительства туда по планам Петра прибудет сотня стрельцов с жёнами и детьми. Мастеровых с братом плывёт не много, всего двадцать семей: пять кузнецов, десять плотников, двое печников и три семьи мастеров, что умеют делать черепицу и кирпич. Пётр говорит, что лесу там нет, и придётся завозить уголь. Вот осенью ту-

да и поплывёт несколько судов гружённых углём, а то народ зимою там околеет.

Ещё со старшим братом в караване будет пять семей крестьян. Больше пока Пётр брат не решается, говорит, что надо сначала разведать всё, а уж потом туда людей тащить. Тем более что сам Мариинск это просто порт на Волге, куда будут возить соль с озера Баскунчак, что находится в пятидесяти километрах к востоку. Но в этом году никаких поселений на берегу этого озера брат закладывать не собирается, тоже говорит, что сначала нужна разведка. Для начала следует узнать, кто там обитает и насколько они агрессивны. Одно дело если там мирные люди просто добывают соль, тогда можно и городок закладывать, а если там рыщут племена ногаев или торгутов, то нужно сначала весь вершиловский полк туда везти, показать местным, что их время кончилось, и Русь сюда пришла навсегда.

С Фёдором в Миасс едут в основном мастера. Вернее не в сам Миасс, а во все три новых городка: и в Белорецк, и в Михайловск, но большая часть, конечно в Миасс. Ведь и Белорецк, и Михайловск это, по сути, тоже просто порты, а в Миассе строятся заводы и уже добывают железо и медь. Всего с Фёдором плывёт почти сто семей. Это в основном переселенцы с тех городов, что наши отбили у ляхов. Люди сейчас временно ютятся в бараках, но Волга вскоре вскроется и уже через пару месяцев бедняги получают собственные просторные новые дома. Брат говорит, что они с мэром Миасса

Шульгой договаривались на пятьдесят домов в самом Миассе и двадцать в Белорецком. А в Михайловске выгружается до осени ещё и целая бригада строителей, и плотники, и печники и кровельщики. Будут дома в самой городке и селе, что рядом образовалось, строить как в Вершилово. Когда Фёдор осенью назад поплывёт, он их заберёт. В сам Михайловск плывёт с княжичем на постоянно жительство только десять семей, кожевенники, шорники, ткачи и столяр один, что будет мебель делать. Эх, быстрее бы уже Волга вскрылась. Охота посмотреть Фёдору, что это за Урал такой.

Событие семьдесят первое

Никола Амати сидел в актовом зале Академии Искусств впервые. Зал занимал половину первого этажа здания и вполне мог бы вместить человек двести, но сейчас их находилось в нём не больше двух десятков. Был его дядя Антон с сыном Пьетро, был отец Джироламо и он Никола. Весь клан Амати. Дедушку – Андреа Амати, от которого они и унаследовали профессию мастеров по изготовлению скрипичных инструментов, Никола не застал, тот умер задолго до его рождения. Даже отец и тот помнит его плохо, так давно это было. Наверное, они могли бы и не уезжать из Кремоны в эту далёкую и холодную страну, но слишком заманчивы были условия. К тому же проклятые испанцы опять повысили налоги. Неужели итальянский народ никогда не сбросит их

ярмо.

Кроме семейства Амати в зале сидели и итальянские композиторы и музыканты, которых так же уговорили переехать в Вершилово. С композиторами они перезнакомились ещё по дороге, как и с музыкантами. Да многие знали друг друга ещё по Италии. Не так много в мире настоящих мастеров по изготовлению скрипок и не так много людей, которым они нужны и которые способны их оценить. Среди композиторов выделялся Клаудио Монтеверди. Ему было уже за пятьдесят, и он прославился на всю Европу сочинением опер «Орфей» и «Возвращение Одиссея». Следующим по возрасту и известности был Агостино Маццари, он недавно переехал в Рим, но видно Якоб Буксбаум уговорил и его поменять тёплое итальянское небо, на вечно хмурое небо Московии. Почти ровесником Николы был ещё один известный композитор Алесандро Гранди. Самым молодым и никому толком неизвестным был Беннедито Феррари, ему едва исполнилось двадцать, но на одном из привалов он попросил у Николы его последнюю из изготовленных скрипок и сначала попробовал её, а потом виртуозно сыграл мелодию собственного сочинения. Все заслушались.

Кроме композиторов из Италии приехали и музыканты. Их до совместного путешествия по Европе Никола не знал, познакомились уже в пути. Они даже подружились с флейтистом Пауло Агирини, тот бы всего на пару лет старше Николы, которому только исполнилось двадцать шесть лет и,

как и Никола был холост. Остальные композиторы и музыканты ехали с семьями, и лишь они с Пауло и совсем ещё молодым Феррари были свободны. В Зальцбурге, а потом и в Вене они втроём даже завалились в публичный дом, благо денег на дорогу Буксбаум отсыпал щедро.

Ещё в зале было два скрипача из Рима и один виолончелист из Вероны. Virtuоз игры на альте Беннедито Кальдере сегодня отсутствовал, простыл и сейчас лежит в больнице. В Вершилово есть оказывается замечательная больница, где лечат совершенно бесплатно. Вообще в Вершилово очень много замечательного и необычного. Одна эта центральная площадь чего стоит. Никола бывал в Риме и видел собор святого Петра и площадь перед ним, они были разные, там белый мрамор, здесь красный кирпич, но которая из них красивей ещё можно поспорить. В Риме нет таких мозаик на наружных стенах зданий.

Кроме итальянцев в зале сидели и русские музыканты. Никола даже пообщался уже с одним из них. Тот играл на гусях, такой народный струнный инструмент, Амати его опробовал и остался звучание впечатлён. Эти гусли выдавали обширнейшую палитру звуков. Ещё вместе с ними сидели и дожидались князя Пожарского, пара русских музыкантов играющих на различных рожках и дудочках и был один испанец, что пришёл с гитарой. Вот и все музыканты и композиторы.

Князь Пожарский появился стремительно и начал с того, что отругал Агостино Маццари за то, что тот отказывается бегать по утрам.

– У нас все бегают по утрам. Даже великий художник Рубенс пробегает положенные два километра. И все итальянцы, что приехали до вас, даже две девушки художницы и сам Клавдио Акиллини. Это ведь не мне нужно. Это нужно вам, чтобы не болели и жили дольше. Завтра господин Агостино я сам зайду за вами утром, и мы будем бегать вместе, пока я не уплыву. А там меня заменит тот же Акиллини, думаю, ему вы не сможете отказать. Ему даже король Франции Людовик не отказывает. Ладно, с этим покончено. Я собрал вас, чтобы рассказать о том, зачем вас пригласили в Вершилово.

Князь оглядел собравшихся, и продолжил.

– Буквально через месяц начнут строить почти такое же здание для вас, оно будет называться консерватория. В нём каждый из вас получит личный кабинет, а семейство Амати ещё и мастерские. На первом этаже здания будет зал с хорошей акустикой, где по субботам и воскресеньям вы будете давать концерты. Кроме того вам нужно набрать из подростков в Вершилово учеников. Все вы будете ходить в школу для взрослых. Во-первых, изучать русский язык, – остановил он, попытавшегося опять проявить недовольство Агостино Маццари, вытянув вперёд руку, – А во-вторых думаю, вам и самим будет интересно. Ведь астрономию у нас преподаёт сам Кеплер, учит рисовать Рубенс, математике вас будет

учить Клавдио Акиллини, географию, сколько успею, буду вести я сам, а потом меня заменит Симон Майр. Это самые известные люди в мире в своих науках, неужели не интересно послушать их. Такого нет больше нигде в мире, и ни за какие деньги вы не уговорите Рубенса учить вас рисовать нигде кроме Вершилова. Думаю, тысячи людей вам будут завидовать. И самое главное, вы узнаете столько нового, что засыпать по вечерам будете с трудом. Голова будет пухнуть от вопросов, будете хотеть быстрее снова в школу, чтобы эти вопросы задать. И чтобы не быть голословным, я сейчас проведу первый урок географии и расскажу, как на самом деле выглядит наша планета. Расскажу про два континента, что европейцы ещё не открыли и откроют очень не скоро.

Да эту лекцию Никола и в самом деле запомнил на всю жизнь. И на самом деле хотелось быстрее попасть на второй урок, чтобы задать вопрос о том, почему же Колумб смог вернуться назад, если ветра всегда в той части мира дуют с востока на запад. Он что шёл против ветра?

Событие семьдесят второе

Пётр сидел вечером в своём кабинете и потягивал маленькими глотками горячий кофе. Кофе был сладкий. Вчера он выбрал время и посетил Патрика Янсена. Тот уже три дня назад позвал его к себе похвастаться полученным сахаром, но бегодня начиналась у Пожарского с шести утра и закан-

чивалась, когда стемнеет. Но вчера после обеда он выкроил час и зашёл к аптекарю.

Сахаров было три. Один совсем тёмный, грязно-коричневый и когда князь размешал его в воде, то вкус варёной свёклы всё же ощущался.

– Этот просто отфильтрован и испарён, – пояснил голландец.

Второй был желтоватого цвета и когда Пётр его в воде размешал и попробовал, то ничего кроме сладости не ощутил.

– Этот, я после того, как отфильтровал раствор, испарял его на медленном огне и когда кристаллы стали образовываться, то процесс прекратил, натянул несколько ниток и остужал медленно, сахар на нитках и выкристаллизовался, – объяснил Патрик.

Третий был почти белый.

– Этот получился таким после того как я сначала влил в раствор щёлочь, а потом нейтрализовал уксусом, осадок удалил, а уже потом стал испарять воду.

Пётр попробовал и этот сахар на вкус. Привкуса постороннего не ощущалось.

– Ну, что ж, господин Янсен, можешь теперь строить заводик и начинать выпускать сахар по второй и третьей технологии, деньги на оборудование и на начало, чтобы развернуться, я тебе, сколько потребуешь, дам.

– Благодарю, Пётр Дмитриевич, но пусть этим занимается, кто ни будь другой. Я не любитель шумных обществ и не

привык командовать людьми. Всё что потребуется, я человеку, которого вы пришлёте, расскажу и объясню, а сам лучше буду заниматься другими опытами, – аптекарь и правда на директора завода не походил. Такой тихий домашний рассеянный профессор.

– Ладно, не хотите, как хотите, – развёл руками Пётр, – Заплачу вам премию в двести рублей за это изобретение. Есть ли какие ещё пожелание?

– А нет ли у вас, Пётр Дмитриевич, ещё на примете какого ни будь вещества, которое нужно выделить и исследовать? – замылся аптекарь.

Вот ведь люди! Это не двадцать первый век. Всем работу подавай, сами просят. А ведь есть! Пётр давно хотел сделать зефир. Его невестка Катерина часто делала его из яблок, что они собирали на даче. Но! Нужен желатин. Где же его взять? Желирует кислое смородиновое варенье и желирует холодец. Пётр рассказал Патрику всё, что знал о желатине и зефире. Понятно, что сейчас яблок весной не достать, это не тот самый двадцать первый век, из Турции не завезут. Но для начала надо получить желатин и чтобы он не имел привкуса мяса, а то зефир с мясным вкусом спросом пользоваться вряд ли будет. Покидая Янсена, Пожарский видел, как уже потирает руки в предвкушении новых исследований аптекарь. Да, по примеру Рэ и этот медицину скоро забросит. Нужно завозить из Европы аптекарей. Глаубер явно тоже уже для аптекарского дела человек потерянный. Так скоро ни одного не

останется. Зато одним химиком больше. Причём, химиком органиком!

Зефир в шоколаде. Эта вещь составит конкуренцию просто шоколадным конфетам мёстле.

В кабинет постучали, и дежуривший стрелец доложил, что прибыл гонец из Нижнего Новгорода от воеводы. Ну, вот даже кофе толком не допил.

Оказалось, что совсем и не зря оторвали от мыслей разных. В Нижний Новгород приехал патриарх Филарет и с ним несколько митрополитов. Пётр велел собрать срочно в храме всех руководителей города. Нет. Вершилово к приезду высоких гостей готовить не требовалось. Траву красить в зелёный цвет и белить стволы тополей и паребрики, нужды не было. Улицы и так всегда чистые, а трава ещё не выросла. Убирать с улиц пьяниц, и выселять неблагонадёжных за 101 километр тоже нужды не было. В Вершилово даже в голову никому не придёт пьяным по улицам шататься. Это однозначно приведёт к потере уха, а кому же своего собственного уха не жалко.

Но патриархи не каждый день в гости приезжают, и не хотелось бы, из-за какой ни будь ерунды, оставить о городе у Филарета неблагоприятное впечатление. Пётр подозревал, что Его Святейшество пожаловал в Вершилово из-за его просьбы повлиять на митрополита нижегородского Никодима.

Единственное, что Пожарский после короткого обмена мнениями с городскими управляющими, решил проконтро-

лировать лично, так это подарки патриарху. Петер Шваб только неделю назад закончил печатать Ветхий Завет. Книгу опять издали на двух языках – обычном русском и русском из двадцать первого века. В самом Вершилово обычным русским уже и не пользовался никто, новый алфавит и правила написания слов и предложений были гораздо удобнее, а человек всегда будет стремиться к удобству и простоте.

Для патриарха Филарета Пётр распорядился сделать подарочное издание в суперобложке. Попросили Рубенса в цветных карандашах к утру нарисовать на листе толстой бумаги сюжет из Ветхого Завета по его усмотрению. Питер Пауль, узнав, что книга будет подарена главе русской православной церкви, быстро откланялся и пошёл творить.

Андрейка Лукин сказал, что у него сейчас в проекте статуэтки Богоматери с младенцем Иисусом на руках, но нужно ещё раскрасить и отжиг произвести.

– Ну, у тебя как раз время до обеда есть, успевай, мастер – выгнал и его с совещания Пётр.

Главным подарком Пётр Дмитриевич решил сделать карету. Она была уже готова и даже опробована. Карета отличалась от обычной, как самолёт от летучей мыши. Она была на рессорах и на обода была наварена резина. Кроме того колёса крутились на подшипниках. И самое главное, передок был прикреплён к основной части кареты тоже на оси и подшипниках. Поворот при этом получался очень плавным, и сама езда из-за резиновых шин и рессор получалась без тряски и

шума. Карета прошла десяток километров и встала сейчас на техосмотр. Нужно было убедиться в надёжности крепления резины к ободу.

Планировалось это изделие в подарок царю, но, значит, придётся делать ещё одну. Резины из одуванчиков на ещё один комплект колёс должно хватить. Пожарский, столкнувшись с тем, сколько нужно одуванчиков для производства одного колеса, стал сомневаться в правдивости того, что в его детстве, при Сталине, в СССР резину и правда, делали из одуванчиков. Может, только хотели. Правда, там, кажется, был другой одуванчик, который специально завезли из Узбекистана, Пётр точно не помнил, как он назывался, что-то там, через чёрточку писалось типа: «Кос-когоз». Нужно попросить Омара привезти семена их одуванчиков.

Больше всех волновался отец Матвей. Он за эти годы несколько раз пытался встретиться с митрополитом, но его до Никодима просто не допускали. Вины за собой настоятель вершиловского храма ни какой не чувствовал, но сама непонятность ситуации напрягала. Вот, может, завтра всё и выяснится.

Событие семьдесят третье

Патриарх Филарет проснулся в келье, в которую отправился ночевать, не приняв приглашения митрополита Никодима переночевать у него в палатах. Вместо этого Филарет

остался в новом, только осенью достроенном и освящённом храме Рождества Пресвятой Богородицы. Храм был не велик. Интересен он показался патриарху тем, что построили его купцы нижегородские вскладчину на свои деньги у выезда из Нижнего в сторону Вершилова, уже как бы и не за городом.

Настоятель храма отец Феоктист действия купцов объяснил так:

– Купцы оне с торговли живут, а вся торговля сейчас с Вершилова идёт, вот как завершит купец удачную сделку, так и по дороге из Пурецкой волости мимо храма и не проедет, обязательно молитву благодарственную закажет, а то и заклад хороший оставит. Выгодно вишь с князем Пожарским торговать. И ценят, что он иноземных купцов сюда не допускает.

Филарет всё это и сам знал, но вот услышать было приятно. Правильно они с Мишей поступили, закрыв Вершилово для купцов заморских. Вечером успел патриарх ещё и объехать Нижний Новгород, из кареты благословляя верующих. Бросилось в глаза, что под колёса кареты не бросались нищие и юродивые, не бежали за каретой и беспризорные мальчишки попрошайки. Значит и в Нижнем, по примеру Вершилова всех этих людей извели. Юродивых и нищих, патриарх слышал, на въезде в Нижний останавливают и отправляют в приют, а беспризорных детей селят в специальные «интернаты» или раздают в семьи. То дело благое и надо бы это

распространить и на другие города, особенно на Москву, где от всей этой братии прохода нет.

Патриарха дорога вымотала. Нет, после Владимира сама дорога была просто замечательная, широкая, сухая, ни ям, ни ухабов и это весной в самую распутицу. Едешь себе, и только шуршание гравия под колёсами напоминает, что ты в дороге. Вымотал сосед. Патриарх специально посадил Никодима к себе в карету и почти всю дорогу вёл с ним беседы. И как только он просмотрел этого сквалыгу, когда несколько лет назад утверждал его митрополитом в Нижний Новгород. Тогда ему показалось, что Никодим рачительный хозяин и сможет после всех войн и усобиц наладить управление некогда богатой провинции, вернуть Нижнему былой блеск.

Никодим же занялся накопительством. Деньги лежали всуе под семью замками, храмы не строились, даже то, что было, толком не ремонтировалось. Не разор и запустение конечно, но и улучшений ни каких за пять лет, и это при том, что купцы богатели на глазах, а значит и десятина на церковь увеличилась в разы. Вон в самом городе и дороги сделаны и дома стоят под черепичными крышами и множество домов обложено красивым кирпичом, а ворота, как у купцов и мастеров расписаны, прямо картины, а не ворота. Понятно, в паре часов езды собрались десятки лучших в Европе художников. Есть деньги, закажи, тебе не только ворота хоть весь забор разрисуют. А в храмах штукатурка кое-где потрескалась и обвалилась и росписи выцвели. А оказывается, Пётр

Пожарский виноват, десятины не платит. Хотелось спросить этого «товарища», как их называл Петруша, а ты бы, что с этими деньгами сделал, построил бы храм, открыл мастерскую по отливке колоколов, школы для детей организовал, или ты бы ещё сотню тысяч рублей в сундуки заховал.

Проснулся Филарет не отдохнувшим. Видно, заботливый хозяин всю ночь печи шуровал, и жара и духота стояли невероятные. Испив холодного кваску, патриарх стал собираться в дорогу. Делать ему в Нижнем было нечего, разве что выискивать следы небрежения церковным имуществом. Хотелось задать митрополиту прямой вопрос, ты что, деньги с собой на тот свет собрался забрать, зачем ты их копишь? Но нельзя ведь. Ещё учудит чего и не познакомится с палачом в Москве.

На дворе уже собрались все митрополиты, что приехали с Филаретом. Занимались они делом странным. Ходили вокруг кареты и ощупывали её. Через минуту в это процесс включился и сам патриарх. Пощупать было чего. Поверх обычных колёс на обод было то-то надето. Это не был тканью. Единственное, что напоминал этот материал Филарету так это стирательную резинку в наборе карандашей. Материал был такой же податливый и упругий, но резинка была серой, а этот материал был чёрного цвета. Кроме того, под днищем кареты была видна непонятная конструкция из железа.

– Садитесь, Ваше Святейшество, – пригласил его кучер,

после того как подошёл под благословление, – Домчим с ветерком.

Ну, кони были под стать карете. Четвёрка чёрных великанов злобно дёргала головой и нетерпеливо переминалась всеми шестнадцатью ногами. Сюрпризы с новой каретой начались ещё до того, как экипаж тронулся. Патриарх наступил на ступеньку, и карета чуть наклонилась в его сторону. Филарет ногу снял – карета выпрямилась.

– Садитесь, Ваше Святейшество, это придумка новомодная, «рессора» называется, – подбодрил его говорливый кучер.

Что ж, Филарет ляхов не боялся, а тут просто железо и дерево. Он перекрестился и уселся на сидение, прикрыл за собой дверь, которая как-то странно при этом щёлкнула. Наклон исчез. Сидения были мягкие и сделаны как бы в виде двух кресел, только чуть пониже обычных и спинка наклонена сильнее. Патриарх откинулся и вытянул ноги. Благодать. Удобно и мягко и рукам уютно на подлокотниках. Вторым сюрпризом было то, что движение вообще не ощущалось, и даже не слышалось. Не скрипел гравий. Понять, что лошади лихо мчатся вперёд, можно было только по тому, как мелькают придорожные деревья в больших окнах. На окнах были занавески, но задёрнуть их патриарх не смог. Он стал осматривать дверцу и увидел небольшую ручку на металлическом стержне. Филарет крутнул ручку и вот тут шторы стали сходиться, закрывая окно. Как ребёнок патриарх несколько раз

крутил ручку до конца в обе стороны – шторы открывались и закрывались. Наверное, просто задёрнуть шторы руками было бы даже проще и быстрее, но сам процесс затягивал. Придумают же немцы.

Филарет стал дальше изучать устройство необычного экипажа. Между кресел было, что-то типа ящика и когда патриарх нажал на красную кнопку, то крышка откинулась и там оказалась бутылка и два стакана. Вынув пробку, патриарх понюхал содержимое. Это был китайский чай. Филарет налил себе половину стакана и отпил, чай был сладким, но вкуса мёда не ощущалось, сладость была другой. Чудно. Он допил чай и поставил всё на место. Крышка при закрывании щёлкнула, и только ещё раз нажав на кнопку, Романову удалось её открыть. Понятно – немцы.

Продолжив изучать внутренности кареты, патриарх обратил внимание на ручку на потолке. Он попытался крутнуть и её, но ручка не крутилась, зато, когда он приложил усилие от себя, то часть крыши кареты съехала, и показалось утреннее голубое небо. Но ещё и стекло отделяло пассажира от внешнего мира. Ручка была и на стекле, и вот когда Филарет отодвинул и её внутрь устремился прохладный ветерок. Патриарх закрыл стекло и откинулся на кресле, смотрел вверх на проплывающие небольшие облачка и дивился тем людям, что напридумывали всё это. Конечно, главное – это то, что просто не чувствуешь движение, настолько мягко и плавно карета движется. Но и все эти чудачества немецкие тоже по-

лезны. В жару можно открыть себе часть потолка и вдыхать свежий ветерок, а если нужно, что прочесть или написать, то можно оставить стекло, гораздо светлее становится. Всё-таки не отнять у немцев любви к удобству. Наши-то, почему всего этого не умеют? Да, русскому каретному мастеру просто в голову не придёт, такое хитрое окошко в потолке устроить. Правильно Петруша всех этих иноземных учёных заманил, пусть учат нас делать и думать по-другому. Не по никодимовски.

Глава 8

Событие семьдесят четвертое

Царь и Великий Государь Михаил Фёдорович Романов слушал посла и веселился. Если быть более точным, то слушал Михаил толмача, а если ещё более точным, то толмачёнка. Ежу понятно, что на Руси датского никто не знал, по этой простой причине в приютах язык сей не преподавали. Посол был от датского короля и прибыл со своим переводчиком. Только и сей господин русского не знал, зато он знал шведский, французский и латынь. Так и получалось, что датский посол напыщенно произносил фразу, датский переводчик бубнил её перевод на шведский, а Васька Ерёмин, четвероклассник царёва приюта, звонко кричал уже по-русски. Где-то по дороге смысл фразы утрачивался частично и пафоса в том, что кричал Васька, не было и в помине.

Король Дании Кристиан соглашался выдать за русского царя свою племянницу Доротею Августу, но обговаривал целую кучу условий. Наверное, из уст посла это звучало как требование великого монарха к бедному родственнику. Только из лишённого части молочных зубов ротика Васьки вылетали жалкие просьбы. Кристиан просил, не «требовал»,

чтобы русские построили в Копенгагене монетный двор, чтобы он чеканил монету, как на Руси. Ещё король «требовал» поставить тысячу русских мушкетов с батарейным замком. И последнее условие было построить в том же Копенгагене завод по литью колоколов и пушек.

Михаил Фёдорович выслушал все требования и проследил. Сподобил Господь дожить до такого дня. И чёрт бы с ней той невестой. У него просили помочь отсталому родственнику. Будущему родственнику.

Французы просят научить их делать фарфор и стекло, датчане чеканить монету и лить колокола с пушками. Обогнали всю Европу. На что угодно готовы пойти «немытые», чтобы заполучить те умения. Эти принцессу отдают, те империей признают. Нужно не забыть и датчан заставить в договоре переделать «царь» на «император», пусть привыкают «родственнички».

Что ж, они обговаривали с Петрушей, что делать, если датчане начнут просить «технологии», так Пожарский свои умения называет. Разговор как раз и шёл о монетном дворе и новых мушкетах, опять угадал Пётр Дмитриевич.

– Соглашайся, Государь, на все их требования, построим им монетный двор. Только они ведь за матрицами опять к нам поедут. Вот научить их делать матрицы не соглашайся, это такой ворох секретных знаний за собой поволочёт, что у них там второе Вершилово строить придётся.

Про колокола и пушки Пожарский ничего не говорил, но

Михаил решил выполнить и это условие Кристиана. Тем более что было и ещё одно последнее условие. Датчане собирались воевать со Швецией и «требовали», чтобы Михаил одновременно с ними объявил Густаву Адольфу войну и напал на шведов с востока. Ничего против этого условия Михаил не имел, тем более что и тут Петруша предвидел это требование.

– Нам всё равно через два года вместе с ляхами нужно Адольфу войну объявлять и возвращать земли, отошедшие к Швеции по Столбовому договору. Вот пусть датчане на этот срок и нацеливаются. Если по шведам с трёх сторон дадут, то они как орех гнилой расколются.

А вот тысяча новых мушкетов Михаила конкретно напрягала. Сейчас этим оружием вооружён только «полк», что стоит в Вершилово. Французы тоже прислали посла с просьбой продать им три тысячи мушкетов с батарейным замком. Царь не знал, как Пётр справится с таким большим заказом. Зато Михаил знал, что стволы в Вершилово пока сами не делают, а снимают их со шведских мушкетов, что достались Петру после «северного похода». Ну, время сгонять гонца до Вершилова и обратно есть, пока ещё Дума боярская всё обсудит и даст добро.

– Передайте моему брату, королю Кристиану, что он получит всё, о чём просит. Я только не услышал, что даёт мой брат Кристиан в приданное датской принцессе, – вежливо улыбнулся этому разряженному гусю Михаил.

– В не наследное владение принцессе Доротее Августе передаётся герцогство Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Норбург пожизненно. Герцогство находится на острове Альс, – узнал Государь от Васьки.

– Там сейчас война? – Михаил не слишком пристально следил за неутихающей войной в Европе.

– Нет. Там есть замечательный замок Норбург.

– Много ли народу живёт в этом герцогстве? – чувствуя подвох поинтересовался Михаил.

– Я точно не знаю, Ваше Величество, но думаю что несколько сотен.

Да, Кристиан за будущую Российскую Императрицу просил не мало. А вот даёт в приданное несколько сотен человек. Скряга. Ладно, нам чужих земель не надо, свои бы освоить.

– На днях соберётся боярская Дума, и мы составим договор, – ответил послу Государь и отпустил датчан.

Нужно было срочно слать гонца в Вершилово. Тем более что и батюшка сейчас там.

Вчера от Петра Пожарского пришла очередная посылка с гостинцами. Три огромных сундука были заполнены серебряными монетами. Михаил достал одну и долго вертел, в руках соображая, что это. На аверсе монеты была надпись «Памятная монета» ниже значилось новыми цифрами «1 рубль 22 копейки». И всё. Сумма более чем странная. На реверсе тоже была надпись «Победа над Речью Посполитою 1622

год». Наверное, раз 22 год, то и 22 копейки, сообразил, наконец, Государь.

Кроме трёх сундуков был ещё и небольшой фарфоровый ларец. В нём были медали необычной формы. Ленточка была двуцветная, полосатая. Одна полоска была чёрного цвета, а вторая тёмно-оранжевая. А вот вместо медали был крест, наподобие тамплиерского с расширяющимися лучами и в центре Георгий Победоносец, поражающий змия. Десять крестов было из золота и двадцать из серебра.

Понятно, что было и письмо.

«Здравствуйте Ваше Императорское Величество» – писал Пётр Дмитриевич Пожарский.

Высылаю десять тысяч памятных монет, своих я сам медалями наградил, а это для ополченцев, что пошли воевать с отцом и Романом Пожарским. Думаю, люди заслужили, столько землицы от ляхов назад возвернули. Я, конечно, мал и неразумен ещё, но позволь, Государь, совет тебе дать. Тех ополченцев, коих памятной монетой награждать будешь, освободи ещё на год от налогов и сборов всех. Ведь через полтора года новая война, и она как раз на севере будет, надеюсь. Так люди, зная, что и награда будет и послабление в налогах охотнее в новое ополчение пойдут, а я мыслю, что оно нам понадобится. Велика граница с королевством шведским.

Крест же сей называется «орден Георгиевский». Золотым награди, Великий Государь, коли сочтёшь нужным, воевод,

что в этой войне самую большую пользу государству нашему принесли, а серебряным крестом простых воев или сотников, тех, кто первый в город ворвался или большую личную отвагу проявил.

Кроме того, государь, высылаю тебе новые книги, что в вершиловской типографии вышли. Это вторая часть «Дон Кихота», учебник по математике с занимательными задачами, что составил вновь прибывший французский учёный Клод Гаспáр Башé, сьер де Мезириáк. Не мне тебе советовать, Великий Государь, но книга эта достойна, чтобы автора её сделали русским дворянином. Третья же книга – это новое издание Ветхого Завета с иллюстрациями. Переводили на русский мы с греческого издания очень старого, думаю, что в книге этой меньше всего будет ошибок и неточностей, что появляются, когда несколько раз переводятся книги не очень грамотными людьми. Здесь переводили, те, кто греческий и русский знают отменно. Нужно бы сравнить эту книгу с теми, что рукописные или печатные на Руси есть и понять, а по правильным ли книгам мы людей учим. Сам я такими полномочиями не располагаю, но надеюсь, что ты, Государь, и батюшка твой Патриарх Филарет книгу прочитае-те и с имеющимися у вас сравните. Я пока всего несколько экземпляров на пробу напечатал, если будет высочайшее повеление, то буду дальше печатать.

Кроме книг, Государь, высылаю и новые поделки мастера Андрея Лукина из фарфора – это всадники разных народов.

За сим, Ваше Императорское Величество, разрешите откланяться.

Михаилу фигурки всадников понравились и рейтар и гусар ляшский с крыльями и араб на верблюде с луком и монгол с арканом. Всего было десять фигурок. Молодец этот Андрейка. Нужно, поди, и его во дворянство возвести. Вон сколько всего понавывдумывал. За этими всадниками купцы опять в драку пойдут. А налог с ополченцев и впрямь можно год не брать, чай не обеднеем. Зато через два года можно новую рать набрать, не меньше чем сейчас. Ну, «товарищи» шведы, ждите Пожарских в гости.

Событие семьдесят пятое

Князь Владимир Тимофеевич Долгоруков стоял позади патриарха Филарета и только горестно вздыхал. Уже ничего нельзя было исправить. Патриарх молился. Владимир Тимофеевич тоже осенял себя время от времени крестным знаменем, но благодати в душе не чувствовал. Не до молитвы ему сейчас было. Над Вершиловым нависла беда. Воевода Ян Заброжский зарубил митрополита Нижегородского Никодима.

Сразу всё пошло наперекосяк. Гостей решили встречать на площади перед новым храмом. Она была самая большая, вот количество зевак и не ограничило. А зря. В результате набилось полным-полно народу и кареты церковных иерархов и властей из Нижнего Новгорода еле протиснулись. Ко-

гда гости вышли и из-за малого места сгрудились в одну кучку, руководители Вершилова потянулись к патриарху под благословление. Первым, понятно, шёл князь Долгоруков, потом уже князь Пётр Дмитриевич Пожарский. И только он преклонил колени перед патриархом и потянулся поцеловать протянутую руку, как из-за спины Филарета выскочил митрополит Никодим и закричал: «Изыди Сатана». После чего сорвал через голову тяжеленный золотой крест и с размаху саданул им Петра по голове.

Князь Пожарский ничего такого не ожидал, он только начал поднимать голову на крик, как ему в лоб прилетел носильный крест митрополита. Видимо Пётр сумел чуть отклониться в последнюю долю секунды, и удар пришёлся чуть вскользь, тем не менее, кожу на левом виске и ухе крест рассёк, и хлынула кровь, а сам Пожарский потерял от удара в висок сознание. Вот тут из-за спины князя и возник воевода Заброжский. Он выхватил саблю и попытался гардой ударить по лицу разбушевавшегося митрополита, который замахивался для второго удара, но поганец увернулся и замахнулся вновь на оседающего уже князя. Тогда Ян и рубанул саблей снизу вверх и наискосок. В результате Никодим лишился правой руки и головы.

Тут уж и охрана патриарха подросла и стрельцы Афанасия Бороды. Искры бы хватило, чтобы они начали кромсать друг друга. Но обошлось. Сам Заброжский их и остановил. Стрельцы подхватили князя под руки и резво поволокли к

больнице, а патриарха и двух митрополитов засунули назад в кареты.

И вот теперь, по прошествии часа, князь Долгоруков, наведя относительный порядок в Вершилово, пришёл в палату, что была специально сделана в храме для приёма высоких гостей и горестно вздыхал. Ничего уже не воротишь.

– Буквально две недели назад мы с Мишей думали о том, что будет, если придётся идти войной на Петра Дмитриевича Пожарского, – вставая с колен, вдруг проговорил совершенно спокойным голосом патриарх.

– В своём ли ты уме, Фёдор? – трижды перекрестился князь Владимир Тимофеевич. Он один на Руси мог называть старого друга этим забытым именем, ну может ещё жена патриарха старица Марфа.

– А ты, Владимир, чью сторону примешь? Мы тогда решили, что полетишь в Смоленск ополчение собирать, чтобы зятя и дочь оборонить, – криво усмехнулся Филарет.

– А может и полечу, – зло зыркнул на патриарха князь, – Ты зачем этого кликушу сюда привёз, чтобы он Петрушу загубил?

– Да, нет. Как раз наоборот, он ведь донос на «Петрушку» написал, что многоженец он и тайный латинянин и десятины церковной не платит, – спокойным голосом проговорил патриарх и уселся в огромное кресло.

– Сам он, Никодим твой – «петрушка». Лжа это. Про десятину не знаю, не моё дело, а жена у Петра одна. И это дочь

моя Мария Владимировна. И Смоленск я подниму и Нижний и Казань, а ещё сегодня же гонца пошлю к Баюшу Разгильдееву, пусть татар с мордвой поднимает, – закричал срывающимся голосом князь.

– Тихо, Владимир, успокойся, никто воевать с князем Петром Дмитриевичем не собирается. Я же сказал, наоборот хотели, суд над митрополитом Никодимом церковный учинить и колесовать потом на Лобном месте в Москве, чтобы другим неповадно было. Для того и сюда митрополитов привёз, чтобы показать красоту эту и во лжи Никодима обвинить. Но видно господь решил по-другому. Только не понятен мне промысел его. Просил вот вразумить. Да, ты помешал. Может, ты скажешь, что дальше делать? Лях и латинянин зарубил митрополита православного.

– Православие, уж месяц скоро как, Ян принял с женой и сыном с дочерью, отец Матвей и окрестил всех, только имена Пётр попросил его не менять, ну как для других приманка, – поникнув головой, медленно, почти по слогам проговорил Долгоруков.

– Чуть лучше. С Петром что? – поднялся с кресла Филарет и подошёл к большому, даже огромному по московским меркам окну. За окном был яркий день и совершенно пустая площадь перед храмом, зато дальше на двух видимых из окна улицах стояли вооружённые стрельцы. Много. Сотни.

– Голову ему сейчас доктор ван Бодль зашивает, говорит ничего страшного, только шрам на виске останется. На ле-

вом, – зачем-то уточнил князь.

– Что с Заброжским? – продолжал смотреть на ошетилившиеся бердышами улицы Филарет.

– Я его домой отправил и приказал на улицу не выходить. Что теперь с ним делать-то. Не дадут стрельцы с рейтарами его в железа заковать. То самое и начнётся, а вот чем закончится... – махнул рукой Долгоруков.

– Думаю, наоборот всё опять ты понимаешь, – обернулся с грустной улыбкою к старому другу патриарх, – Награждать надо воеводу за спасение князя Пожарского.

– Вот как? А митрополит?

– А в митрополита Никодима бес вселился и изгнан был самым простым способом – «усекновением главы», – развёл руками Филарет, – Ты выйди, Владимир, успокой народ, а то ведь и, правда, войну начнут. Уверен, что Вершилово в той войне победит. Только явно не в этом был промысел Господа, а в чём, не пойму. Иди, молить буду, вразумить мя грешного, – перекрестил патриарх, задом отступающего и кланяющегося князя Долгорукого.

Владимир Тимофеевич успокаивать народ не пошёл, совсем не дурак был и понимал, что он здесь пока ещё чужой и как раз и олицетворяет сейчас ту самую «Москву», всё зло на Руси, из которой и проистекает. Вместо этого он пошёл к терему воеводы. Там стоял на конях целый десяток рейтар Шварцкопфа и на князя ошетинился взведёнными пистолетными.

– Пропустите к воеводе, – развёл в сторону руки Владимир Тимофеевич, показывая, что он без оружия, – В митрополита бес вселился, и воевода наш правильно его зарубил. Награждать теперь будут за спасение князя Пожарского. Пётр Дмитриевич жив, только рана небольшая на голове, доктор ван дер Бодль сейчас его лечит, говорит, что ничего опасного для жизни.

– Правду ли говоришь, боярин? – выехал вперёд сам Виктор Шварцкопф.

– Богом клянусь, – перекрестился Долгоруков.

– Ладно, пройди, – кони, повинуюсь поводам, расступились.

Только к вечеру упокоилось Вершилово, когда уже сам Пётр вышел из больницы, самых ретивых остужать. Избавил Господь от очередной братоубийственной войны.

Событие семьдесят шестое

Воевода Нижнего Новгорода князь Фёдор Фёдорович Пронин сопровождал церковных иерархов из Нижнего в Вершилово. Он выехал не в карете, а на подаренном недавно на День Рождения вороном жеребце трёхлетке. Подарок был от князя Петра Дмитриевича Пожарского. Жеребец был метис от арабского гнедого жеребца и вороной кобылы тоже с примесью арабских кровей. Жеребец всё взял от отца, только чёрный, как сажа, цвет от матери. Такого за деньги не

купишь. Не продаст никто.

Когда все добрались, наконец, до Вершилово, оказалось, что пристроить жеребца не так-то просто. Все улицы были запружены встречающими. В конце концов, князь увидел своего стрельца и, протянув ему поводья, стал протискиваться к площади. И вот тут началось.

– Князя убили! Москали князя нашего убили!

Толпа качнулась к площади, и только цепь стрельцов и рейтар её остановила. Дальше протискиваться не имело смысла. Всё равно не получится. Нужно выбираться, пока не раздавили. Фёдор Фёдорович стал бочком пробираться назад, но сзади уже валил народ. Поздно.

Надо отдать должное руководителям Вершилово. Давку они прекратили, и народ по домам разогнали быстро. Центральную площадь освободили, на ней сначала ещё стояли кареты приехавших, но потом убрали и их. Князь Пронин стал разыскивать своих стрельцов, но везде стояли караулы и его ни куда за оцепление не выпускали, а когда он начал говорить, что он воевода Нижнего Новгорода, то рейтары отвечали на плохом русском, что разберёмся ещё за кого ты, не за москалей ли.

Только через час Пронина разыскали стрельцы из Нижнего Новгорода и проводили за оцепление к его вороному. По дороге «свои» рассказали воеводе, что купцы из Нижнего ускакали в город поднимать народ бить москалей, которые кормильца Петра Дмитриевича порешили из зависти. Князь

именно этого и боялся. Весь этот час, что он мыкался по запертой с двух сторон улице, в мозгу билась мысль, что если сейчас в Нижнем кликнуть клич, что москвичи убили князя Пожарского, то полыхнёт так, что никому мало не покажется. Это именно тот Нижний Новгород, что собрал второе ополчения и поставил во главе его князя Пожарского. И это тот Нижний Новгород, что расцвёл в последние четыре года за счёт второго князя Пожарского. Им, купцам нижегородским, есть что терять.

Вскочив на коня, князь, наплевав на охрану из двух десятков стрельцов, полетел в город. Он помнил, как Пётр Дмитриевич когда-то сказал, что если не можешь остановить бунт, то возглавь его. Нужно успеть на Вече, чтобы направить энергию народа в нужное русло, а то начнут склады и лавки московских и иноземных купцов громить. Единственная информация, которой располагал сейчас воевода – это то, что Пожарский жив и в больнице ему зашивают рану на голове. Он даже не знал, кто ударил князя и чем. Не до того. Главное успеть в Нижний до бунта.

Князь успел. В Нижнем Новгороде уже бегал народ, и надрывались колокола. Фёдор Фёдорович первым делом проехал к расположению стрелецкого полка. Там сотники и десятники уже пытались навести порядок и прекратить панику. Потребовалось минут десять, чтобы собрать сотню и двинуть её к рыночной площади города. За это время нижегородцы уже успели вооружиться и плотными рядами двига-

лись в том же направлении. Пронин мысленно перекрестился, вроде успел.

На поставленный на прилавок стол уже взобрался знакомый Пронину купец Демьян Воскобойников и трескучим свои голоском пытался завладеть вниманием народа. Воевода подъехал к крикуну прямо на коне и за ногу сдёрнул оратора со стола на прилавок, а сам, поднатужившись, перескочил с седла на прилавок, а потом и на освободившийся стол. Воеводе заметили и зашикали друг на друга. Но тишина не наступала, все время прибывали новые люди и начинали громко спрашивать впередистоящих, чего там воевода говорит. Пришлось свистнуть. Чёрт с ними с деньгами.

– Народ, сейчас все идём к расположению стрелецкого полка, оружие получать и в ополчение записываться! – проорал князь, когда хоть относительная тишина настала. Говорить сейчас, что Пожарский жив и всё образуется, было по крайней мере глупо. Не поверят, тоже с трибуны сдёрнут и «москалём» обзовут. А вот оружие получать и записываться – это дело. Мы им москалям устроим.

Через три часа прибыл посыльный из Вершилова с новостями. За это время воевода успел составить список из почти тысячи желающих идти войной на Москву, за справедливостью, а поток желающих всё не иссякал. Шли и купцы, и мастера, и даже немцы припёрлись, они-то почитай Вершилово своим считают, у каждого там родственник. Посыльный рассказал князю, что произошло и что теперь будет. Оказы-

вається не всё так плохо, как могло быть. В митрополита Никодима вселился бес и он носильным крестом ранил князя Пожарского, но патриарх дал команду воеводе Вершилово Яну Заброжскому отсечь главу одержимому и предотвратить убийство потерявшего сознание Петра Дмитриевича. Сейчас князь Пожарский уже дома, ему голову зашили и здоровье его вне опасности. А воеводу патриарх Филарет собирается наградить за помощь церкви в изгнании беса и спасение Петра Дмитриевича Пожарского.

Новость распространилась со скоростью невероятной. Народ перестал записываться в войско и стал расходиться по домам. Пронесло.

Событие семьдесят седьмое

Вершилово всё равно потихоньку лихорадило. Уже Ян Заброжский получил медаль «за укрепление православия», такую же, как и татары князя Разгильдеева. Уже уехали митрополиты Новгородский и Смоленский. Из всей московской братии в Вершилово остался один патриарх Филарет с десятком своих монахов охранников. Патриарх ходил, изучал производства с охраной из десятка стрельцов спецназа Афанасия Бороды, а второй десяток в это время пытался передать свои умения монахам. Ну, чего там можно передать за три дня, хорошо хоть знания ложились не на пустое место, оказывается, в Москве с охраной патриарха занимался Иван

Пырьев.

Больше всего выбило из накатанной колеи учёных. Они вместо науки теперь занимались политикой. Ходили друг к другу в кабинеты и решали насущный вопрос, как сделать так, чтобы со смертью князя Петра Дмитриевича Пожарского не рухнуло всё. Сам Пётр всё это время был дома лежал на диване и болел. У него раскалывалась голова. Ни каких болеутоляющих, типа анальгина, ещё не существовало. Знахарки давали ему настои и отвары, но действовали те плохо. Слухи о волнениях среди «творческой интеллигенции» до князя дошли на четвёртый день после событий, которые получили название «изгнание беса из митрополита». Пришлось вставать и с забинтованной головой идти успокаивать «немцев».

Первыми под руку попались математики, они все были в академии и французы, и итальянцы, и немцы с чехами. Марен Мерсенн собрал их в актовом зале на первом этаже и Пожарский ожидающий, когда все соберутся, поражался, куда он их столько наприглашал. Ну, ладно, раз уж приехали, не отправлять же назад.

– Господа, – начал он, – Давайте-ка, мы бросим заниматься ерундой и начнём работать. Вас больше десяти человек, а у нас до сих пор нет учебника для пятого класса по арифметике и геометрии. Сейчас уже скоро май месяц, лето пролетит быстро и 1 сентября дети пойдут в школу. А учебников нет. Надеюсь, вы все уже изучили учебники по математике за три класса и учебник по геометрии за четвёртый класс?

Марен, нужно определиться с главами, которые будут в новых учебниках, раздать каждому по одной и пусть, господа работают, раз в неделю нужно собирать всех, и пусть отчитываются о проделанной работе. Имейте в виду, что учебники ещё нужно напечатать и перевести на русский язык и латынь. Срок у вас два месяца. Вопросы есть?

– Конечно, есть, – ну, понятно, Декарт, – уже в учебниках за третий класс детей учат тому, что в Европе преподают в университетах, что же должно быть в учебнике за пятый, и даже боюсь спросить за шестой и седьмой класс?

– Вам виднее, ведь вы все пишете книги по математике, неужели в этих книгах нет ничего нового? – Пётр изобразил на перевязанном лице удивление.

– Но зачем детям, скажем, логарифмы? – от удивления перешёл на французский с латыни Декарт.

Князь Пожарский выслушал перевод и покачал головой.

– Может быть, крестьянскому сыну Петьке и не пригодятся в жизни логарифмы. Только изучая их, он станет умнее и сможет изобрести машину, которая сама будет сеять. А может он станет таким же великим математиком, как все вы. Давайте каждый будет заниматься своим делом, вы писать книги и учить детей, а решать, кто достоин знаний, а кто нет, предоставим богу. Ему, там, виднее. Он разберётся. Всё, больше вас не задерживаю, вы и так не успеваете. Учебники должны быть написаны к 1 июля.

Оставив математиков переваривать и составлять план

учебников, Пётр двинулся к механикам. И застал их за работой. Эти серьёзные дядьки в политику не полезли. С присоединением к этому коллективу Йоста Бюрге, Людвига Фойе, Йоханнеса Маркуса Марци и Пьера де Крильона получился такой замечательный инженерный центр, что теперь им любые подвиги по плечу.

– Товарищи учёные, – начал Пётр, вспомнив песню Высоцкого, – Не знаю, чего вы сейчас творите, но я принёс вам наброски велосипеда. Это такой двухколёсный аппарат, который приводится в движение мускульной силой ног, которая передаётся по цепи на колесо. В общем, смотрите рисунки и спрашивайте.

Вопрос последовал мгновенно, вернее ответ на него.

– Это аппарат сразу упадёт, – заявил французский изобретатель вечного двигателя Людвиг Фойе.

– Нет, он не упадёт, ещё вопросы есть?

Теперь все пятеро склонились над рисунками.

– А как остановить или замедлить движение? – спросил Шиккард.

– Вот! Это главный вопрос. В книге атлантов, где я увидел этот велосипед, объяснялось, что если педали не крутить, то велосипед будет просто ехать по инерции, а если крутнуть педали назад, то заднее колесо заблокируется и велосипед остановится. Только я тогда был маленький, и как это делается, не понял. Сейчас вас шесть изобретателей, неужели вы не сможете повторить, то, что сделали древние. Если у них

это работало, то и у нас должно. Задача ясна.

– Но почему он не падает? – это опять француз.

– Я точно не помню, но там что-то было про возникающую третью точку опоры при движении, – генерал Афанасьев что-то такое видел по телевизору, но конечно не запомнил.

– Ну, раз у Атлантов этот велосипед ездил, то и у нас поедет, – закончил прения Йост Бюрги.

– Это не всё. Слишком просто для таких титанов, как вы, господа. Я появлюсь только перед тем, как на реке лёд встанет. За это лето и часть осени вам нужно сделать работающую паровую машину, что вы уже делали с Кеплером. Только теперь она должна быть большая и мощная. В перспективе мы поставим её на специальную платформу, и она будет тянуть конку вместо лошадей.

– А чем лошади плохи? – Вильгельм Шиккард был любитель лошадей, и если у него выдавалась свободная минутка, обязательно навещался в конюшню к арабским скакунам.

– Всё дело в мощности. Паровая машина может развивать мощность в сотни лошадиных сил. Тогда мы сможем отправлять сразу несколько вагончиков с людьми, да даже не вагончиков, а больших вагонов.

– Видел я у Иоганна эту страшилку, – улыбнулся Йост, – Что ж, и за это дело возьмётся.

Он с негласного согласия механиков стал у них главным. По заслугам.

– Только мы сейчас устраняем некоторые недоделки в

швейной машине и новом ткацком станке, думаю, что со следующей недели приступим к вашему велосипеду, – поклонился Йост.

Вот где такие люди в двадцать первом веке? Одни рвачи и лодыри. Хорошо, что его забросило в семнадцатый, тут он дома.

После механиков настал черед музыкантов и композиторов. Пока он три дня лежал и болел, в голову лезли мысли о прочитанных про попаданцев книгах. Там они все пели под гитару песни Высоцкого. К сожалению, играть на гитаре и или на чём-либо ещё генерал Афанасьев не мог. И в хоре он не пел. Всю жизнь он воевал или работал. Но! Но ведь во время войны пели замечательные песни и про Катюшу, которая выходила на берег, и про тесную землянку и десятки других песен. Пётр взял блокнот и сколько помнил, туда записал. Потом прочитал. Некоторые вещи явно с семнадцатым веком не вязались. Что за землянка, какая такая печурка. Где это «Пограничье»? Как мог Пожарский попытаться исправить слова, чтобы они подходили к современности. Ну, какая, такая «защитная гимнастёрка»? Пусть будет «рубаха расписная», и так далее. Получалось довольно коряво. И тут Петра осенило. Да, итальянцам всё равно. Им просто нужно спеть эти песни, пусть они запишут музыку нотами и попытаются воспроизвести на своих инструментах. Вот сейчас Пётр Дмитриевич и пел итальянцам песни. Приходилось повторять по нескольку раз. Композиторы не успевали. До-

мой Пётр добрался только поздно вечером. Где-то на пятой или шестой песне произошло чудо – головная боль прекратилась. Всего Пожарский записал с маэстрами десяток песен. На завтра у него был запланирован поход к химикам, а после обеда он вновь пообещал музыкантам осчастливить их своим присутствием.

Ну, вот, а то политика. Дел куча. Работу надо работать.

Событие семьдесят восьмое

Патриарх Филарет знакомился с Вершиловым и всё отчетливее понимал, что то, что он видит – просто невозможно. Каждая деталь по отдельности ещё была возможна, но всё вместе – нет. Казалось бы, дом, в котором есть печь на кухне, чтобы хозяйка готовила еду, и печь в центре дома, чтобы тепло было сразу во всех комнатах, что в этом особого. Вторая печь называется «голландка», потому что её голландцы придумали. А вот нет. Отлично выучивший русский язык художник Рубенс похвалил князя Пожарского, что тот придумал такое замечательное расположение печи, тепло сразу во всём доме. А ведь Рубенс – голландец.

Полуяров был купцом, который занимался продажей семенного зерна и всё время хотел, чтобы урожаи были больше, чем сейчас везде по стране. Нашёл его князь Пожарский, дал денег и вот тебе «полуяровка». Да вот, не совсем. Оказывается, что это именно Пётр рассказал известному уже

на всю страну Полуярову, как вывести пшеницу и рожь такой огромной урожайности. Об этом проговорился Василий Петрович, когда они с патриархом обходили теплицы, где уже посеяли «рассаду» иноземных растений. Растения привезены из Америки испанцами, но когда Филарет попробовал жареной картошки и заготовленную на зиму в стеклянной банке баклажанную икру, то решил спросить у испанского наёмника, как они выращивают эти растения, под открытым небом или тоже в «теплице». Оказалось, что Мигель про эти растения и не слышал. Испанец не знает про растения, а князь Пожарский знает, как их приготовить так, что от стола оторваться невозможно.

Воевода Ян Заброжский, когда Филарет хвалил его умение владеть саблей, проговорился, что это единственное, чем он владеет лучше Петра, в остальном князь его превосходит на голову. А кто учил Петра Дмитриевича? И так во всём.

Патриарх ходил и восхищался храмом, хвалил Трофима Шарутина, который якобы и построил сей великий собор. Трофим молчал, молчал, да потом и выдал, что он только строил, а задумал и даже рисунки сделал князь Пожарский и чужой славы архитектору не надо. Да, сейчас Шарутин сможет сделать и лучше, так как понял саму идею, но это проект Пожарского. И именно он придумал делать мозаику на наружной стене, а не мастер Аким Юнусов. И дверь, которая открывается сама, сделана, конечно, Шиккардом и другими «механиками», но придумал опять Пётр.

Всё Вершилово, до последней дорожки мощённой жёлтым кирпичом придумал этот юноша. Как такое может быть? Не стоит у «немцев» даже спрашивать про карету. Строили, несомненно, они. А вот кто придумал? Если к этому добавить фарфор, стекло, бумагу, ручки, чернильницы, монеты, медали и ещё кучу вещей. Всё это делали, понятно, другие люди, но придумал Петруша. И даже воевать Заброжского учил Петруша. Кто же такой князь Пётр Дмитриевич Пожарский? Год назад на свадьбе ведь были отец и мать и братья и Миша и все ничего не заметили. Это был выросший и возмужавший отрок, которого Миша отправил в Вершилово, чтобы уберечь от людей Колтовского. Откуда же все знания и умения. Немцы тут ни при чём, они сами на Петра молятся. Да и Вершилово похоже на немецкие города как лебедь на лягушку, тоже ведь плавает. Патриарх был в Кракове и других городах Речи Посполитой, общего с Вершилово только черепичные крыши. Чистота, порядок, прямые улицы, дороги, пешеходные дорожки из кирпича всё это «немцам» даже не снилось. Они сами ходят с выпученными глазами. А ведь даже пяти лет не прошло, здесь было маленькое сельцо с клётской рушащейся церквушкой и умирающим от простуды отцом Матвеем. Отец Матвей на прямой вопрос Филарета, кто же такой князь Пожарский ответил тоже прямо – посланец божий. Награда это Руси за её терпение. Наверное, так и есть.

Пётр простой человек, вон кровь как хлестанула от удара

крестом, но откуда все эти знания и умения. И стоит ли об этом спрашивать самого Петра.

А в Вершилово патриарху понравилось. Тут даже люди другие. Они, понятно, кланяются Филарету и просят благословить, но потом словно забывают, кто перед ними и спокойно разговаривают, объясняют, как что устроено и даже злятся, когда патриарх не может чего-то понять им очевидного. Как бы себя вёл москвич или смолянин? Заикался и мямли бы чушь всякую про господа. А эти с тобой «разговаривают». И не только «немцы», вон Андрейка Лукин, даже за голову схватился, когда Филарет долго не мог понять, как же жидкий шликер превращается в форме в твёрдую фигурку. Ещё бы чуть-чуть и обругал патриарха бестолочью. Простой парнишка из мастеровых, а за четыре года из неграмотного отрока стал одним из самых известных в мире людей. И не загордился, так и остался «Андрейкой». Так же как и Дуня Фомина, из крепостных крестьянок выросла до хозяйки фабрики, которая приносит денег столько, сколько и десятка три деревень не принесут. Даже не так, сколько вся Смоленская губерния не принесёт. И при этом осталась простой девчушкой смущённо прячущий округлившийся живот.

Вокруг Петра меняются люди. Они становятся лучше, добрее, умнее, решительней. Они даже похожи на него становятся, не подражают, нет, перенимают у него всё лучшее. Те же «немцы» теперь о соотечественниках говорят презрительно «эти», даже не «они». Понимают разницу между со-

бой и «этими».

Кто же такой князь Пётр Дмитриевич Пожарский?

Событие семьдесят девятое

Князь Пётр Дмитриевич Пожарский последний раз пома- хал рукой удаляющемуся каравану судов и прошёл с кормы на нос своего корабля, где под тентом было поставлено крес- ло. Всё, суда разделились, Фёдор повёл свои в Михайловск, а потом в Белорецк, а Пётр в несуществующий ещё Мари- инск. Ахтубинск ещё никто не построил, ну теперь и не бы- вать никакому Ахтубинску, будет Мариинск. Ничем не хуже название.

Вообще-то, караванов было три. За день до отплытия ос- новной массы кораблей от пристани Вершилова отчалили три новых галеры, построенных с помощью голландского ко- рабела Марка ван де Фриза мастером Иваном Крайновым на верфи в Нижнем Новгороде. Событию этому предшествовал целый ряд случайных совпадений. Купец из Дербента Тай- мураз Бицоев совершенно случайно находился в конюшне с арабскими жеребятами, когда там были Пётр и Фёдор По- жарские и услышал их разговор. Фёдор спрашивал брата, ко- гда же они смогут отливать то самое совершенно прозрачное стекло, которое нужно Янсену, чтобы делать подзорные тру- бы.

– Нужно сплавить на Каспийском море в залив Кара-Бо-

газ-Гол и привести оттуда соли, – пояснил Пётр, – Но это очень далеко и нет человека, который бы знал те места, да и нет того, кто бы возглавил эту экспедицию, ещё один Пожарский нужен.

– Я могу поехать, уважаемый князь, этот залив точно на восход от моего родного Дербента, – вдруг услышали они из-за спины.

Пётр удивился, когда узнал говорившего. Таймураз, купец, которого он выкупил в прошлом году у казаков, был весь этот год предоставлен сам себе, у Петра просто руки не доходили им заняться. Вообще, он планировал грабительский набег на Дербент под видом нападения турецких янычар. Дербент сейчас входил в состав империи шаха Абаза, и мысль ослабить эти два государства войной давно сидела в голове у Петра. Но всё время находилось более важное дело, чем разговор с Таймуразом.

Сам же Бицоев к князю Пожарскому не лез. Он сошёлся с Иваном Охлобыстиным и занимался ухаживанием за жеребьями, что начали появляться у кохейланов. Другие породы лошадей для Таймураза не существовали. Так как говорить на своём языке было не с кем, то горец довольно быстро освоил русский. Позже из разговора с Бицоевым Пожарский выяснил историю купца. История была не тривиальная. Таймураз потерял во время восстания против власти персов в Дербенте всю семью, жену двух маленьких сыновей и родителей с младшей сестрой. Иранцы разграбили дом и уби-

ли всех. Бицоев в это время был в плавании, ходил в персидский Решт за солёной чёрной икрой. Вернулся домой, а там никого. Погоревав и поклявшись отомстить персам, Бицоев продал дом и, купив корабль, решил предпринять рейс в Астрахань за зерном. Там он и попался под руку казакам.

В Вершилово Таймураз долго ходил с выпученными глазами. Этот город не могли построить северные варвары. Этот город и турки даже не могли построить. Стамбул был огромен, но кроме нескольких кварталов, где селились богатые люди, это был грязный нищий и вонючий кишлак. Да и в богатых кварталах вони и грязи хватало. Здесь был порядок, была чистота. Здесь боролись с насекомыми и грызунами. Здесь были бесплатные школы и больница. Здесь делали фарфор и стекло лучше китайских. Здесь чеканили монеты, которым не было равных в мире. Такого места не могло быть. Здесь вообще не было преступлений. Люди были вежливые и добрые. Если у любого человека что-то попросить, то тебе непременно дадут и даже не спросят про деньги. В разумных, конечно, пределах.

А храм? В Дербенте были древние и новые красивые мечети, но... Были даже с мозаикой на наружных стенах, но... Эх, этих бы мастеров в его родной город. Хотя. Лучше бы этих стрельцов, чтобы они вырезали всех персов. А ещё туда надо князя Пожарского, чтобы он сделал Дербент похожим на Вершилово. Или ... Или нужно просто остаться жить в Вершилово. Русский очень сложный язык, но Таймураз как

проклятый его изучал, донимая вопросами своего учителя Ивана и тётку Оксану, которая помогала ему вести хозяйство.

По приезду в прошлом году в Вершилово ему по распоряжению князя Пожарского дали дом и закрепили эту женщину, что готовила ему еду, стирала вещи и вообще смотрела за порядком в доме. Таймуразу ежемесячно выдавали пять рублей, очень красивые монеты, просто даже не с чем сравнивать, нигде в мире больше таких монет делать не умели. Три рубля он отдавал тётке Оксане, а по два откладывал, хотел купить себе жеребёнка кохейлана, обязательно вороного. Эти кони тоже были лучшими в мире. Всё в Вершилово было лучшим.

И вот он случайно услышал разговор братьев Пожарских. Таймураза осенило. Нужно стать полезным в Вершилово и вот самый подходящий случай. Он знает, где залив Кара-Богаз-Гол. Он сможет провести туда суда и набрать соли.

Пётр возможность оценил. Он тут же распорядился собираться отряду Афанасия Бороды и десятку Бебезяка. Лучшие поплывут с Таймуразом. Если казакам или кому другому придёт в голову поживиться на этих трёх кораблях, то их ждёт неприятный сюрприз. Князь, в напутствии своим спецназовцам сказал, обязательно, в случае нападения, привезти корабли нападающих и несколько пленных, нужно определиться, что там за публика выходит на «рыбалку». На все три корабля и гребцов самых здоровых отобрали. Плыть-то

чёрте куда, да ведь ещё и назад за один сезон. Этот караван отправили первым, сразу как большие льдины ушли вниз по Волге.

Сейчас с купцом Трофимом Пафнутьевичем Коробовым они плыли тоже на вёслах, стоял полный штиль, а надеяться на медленное течение Волги как на движущее средство было более чем неразумно. У них тоже дел на месте хватит. Основать крепость, найти этот самый Баскунчак и разобраться, кто сейчас там правит бал, не может быть, чтобы такой лакомый кусочек был бесхозным.

Пётр, наконец, смог подвести итоги года. Так получалось, что год у него заканчивался не 31 декабря, как положено, и даже не 31 августа, как в 17 веке, а в начале мая, как вскрыется ото льда Волга. А в этом году и того позже, до сегодняшнего дня Фёдор плыл на корабле с братом и Пётр пытался в десятый и сотый раз объяснить мальчишке, как себя вести в различных ситуациях. По кислой физиономии брата было понятно, что тому это надоело до смерти, но Пётр всё равно, придумывал, какую ни будь беду, и заставлял Фёдора из неё выкручиваться. Хорошо хоть авторитет имелся, и младший брат от этих занятий отмахнуться не мог.

Казань прошли быстро. Князей Одоевского и Куракина в городе не было, и просто прошлись по рынку, да и уплыли восвояси. Яков не было, верблюдов не было. Пётр купил десяток коз с длинной шерстью и десяток же овец необычного тёмно-рыжего цвета. Вот и все покупки. А сегодня брат пе-

ресел на свой корабль и его караван судов отделился и свернул в Каму. Всё дальше сам. А у Петра появилось время и желание сесть в кресло с блокнотом и карандашом и подвести итоги года.

В целом год был не плохой. Химики получили и бездымный порох, и гремучую ртуть, теперь можно делать настоящие ружья с цельным патроном. Нужно будет по возвращению попробовать сделать и с бумажной гильзой и с металлической. До винтовки ещё очень далеко, но ружьё с патроном это уже не пицаль. Механики закончили швейную машинку, и Пожарский торжественно продемонстрировал представителям еврейской диаспоры все преимущества этого агрегата. Если сейчас большая часть портных в Европе евреи, то спрос на эту вещь среди них и будет. Пока себестоимость этого монстра научной и технической мысли запредельна и ни у одного портного денег на покупку швейной машинки не хватит, но Пётр предложил Бараку подумать о лизинге. Давать машинку на прокат с возможностью последующего выкупа. Пока в изготовлении десять штук, нужно ещё обкатать их в самом Вершилово на детские болезни, прежде чем лезть в Европу. Кто там такую сложную конструкцию сможет отремонтировать, да и нельзя подрывать авторитет «Пурецкой волости».

Ещё из достижений можно назвать три галеры, что ушли к заливу Кара-Богаз-Гол. Рангоут этих судов укреплён металлической полосой и суда получились и шире обычных лодей

и гораздо длиннее. За лето корабельщики обещали ещё десяток построить. Сейчас общий флот Вершилова составляет более пятидесяти разных судёнышек, вот на эту цифру и надо ориентироваться пока. Только это будут уже совсем другие пятьдесят кораблей в несколько раз вместительней и быстрходней.

К положительным итогам можно отнести и войну с Польшей. Русские земли вернули и даже чуть чужой землицы хапнули. Ну, это Сигизмунд думает, что «чужой». Пожарский точно знал, что нужно всю Белоруссию, или сейчас княжество Литовское, присоединять к России и полностью очистить эти земли от католических и униатских священников. Никакой Белоруссии возникнуть не должно. Это должна быть обычная русская земля с русским языком и православной верой. Так же потом нужно поступить и с Червонной Русью или Украиной. Это единый народ, который ляхи разделили, и он вновь должен стать единым.

Не плохим достижением года являются и зеркала. Спрос во много раз превышает предложение, но увеличивать производство Пётр не собирался, пусть такая цена держится как можно дольше, нужно поддерживать миф о сложности изготовления зеркал. Меньше будет желающих самим освоить это производство.

Из минусов нужно отметить его головотяпство со школами. Перед самым отплытием провели перепись населения Вершилово, и получилось девять тысяч триста человек, если

округлить. В первый класс пойдёт осенью более шестисот человек. Учебники-то напечатаем, а вот здания школ и учителя. Пожарский срочно дал команду к трём имеющимся школам строить ещё три и строить в первую очередь, отложив все остальные стройки. Хуже с учителями. Пришлось собирать всех учёных и раздавать каждому предметы, с арифметикой справились, с географией и астрономией тоже. Математиков и астрономов в Вершилово достаточно. С преподавателями языков ещё проще. Набрались учителя рисования. Хуже всего было, как это не парадоксально с русским языком и со «словом Божиим». Пришлось просить всё ещё находящегося в Вершилово патриарха Филарета помочь. Договорились. Пётр строит мужской монастырь, а все монахи в нём будут трудиться на ниве просвещения. Всё бы ничего, но это ещё одна грандиозная стройка. Зотов поехал вновь по губернии собирать всех печников и каменщиков с плотниками.

Перед самым отплытием появились в Вершилово оба литератора: и Муромский губной староста Дружина Юрьевич Осорьин – автор «Жития Улиании Осорьиной», и инок Парфён Ожогов. Их Пётр взял с собой. Будет им во время плаванья рассказывать сказки и разные истории и пусть они это пытаются превратить в книги. Он уже рассказал обоим «Приключения Буратино» и теперь проверяет каждый день, что господа литераторы «натворили». Пока всё очень плохо. Уж больно слог получается корявый. Ничего. Пётр ведь знает, как должно быть, вот в нужном направлении и толкает

писателей.

Событие восьмидесятое

Никита Михайлович Шульга стоял на пристани Белорецка и крестил на добрую дорогу две удаляющиеся лоды. Эти два кораблика были оставлены в Белорецке на зиму на всякий случай, если вдруг возникнут проблемы с продовольствием и придётся срочно по весне плыть в Уфу за зерном. Но получилось наоборот. Пшеницы и ржи собрали столько, что и себе хватило и ещё и с вогулами менялись на мясо и шкуры. Так что кораблики отправили в Уфу не за хлебом. На одном корабле были чугунные сковороды и горшки, а на втором шкуры животных и дёготь. Шкурки были и пушного зверя и медвежьи и волчьи и оленьи. Всё это жители Миасса и Белорецка меняли у вогулов на излишки зерна и впрок припасённые железные орудия. Сейчас железоделательный завод заработал на полную мощность и ножами, топорами и прочим необходимым жители Миасса себя обеспечивали сами. Вот излишки и меняли на мягкую рухлядь.

Отправленные кораблики должны были доплыть по течению Белой до Уфы и разгрузиться там. Товары, посланные со стрельцами, два выборных жителя должны были оптом сдать тамошним купцам, а взамен закупить ткани и одежды с обувью. Стрельцов Шульга отпускал спокойно. Местные на огромный, по их понятиям, посёлок и не думали нападать,

Увачан организовал взаимовыгодную торговлю и вогулы видели в пришельцах не врагов, а скорее помощников в их тяжёлой борьбе за выживание. Племена сменили каменные и костяные орудия на железные, и к мясу, рыбе и всяким кореньям добавили в свой рацион хлеб. Зверя бить стало легче, а за шкурку соболя или куницы можно было выменять зерна на несколько дней для всей семьи.

А вот у самих переселенцев начались проблемы с обувью и одеждой. Ткань ещё не ткали сами, да и кожу выделывать не было мастеров. Никита Михайлович раздал особо нуждающимся даже запасы из обмундирования стрельцов. Ничего, вот доплывут лоды до Уфы и поменяют там железо и шкуры на одежду и обувь.

Другой проблемой в Миассе были дома. С Петром Дмитриевичем Пожарским перед отъездом его в Вершилово прошлым летом они обговорили, что Шульга к приезду переселенцев построит пятьдесят домов, но оказалось, что строить нужно больше. Во-первых, двенадцать башкир выменяли себе на заработанные, на заводах, деньги местных барышень, и пришлось из общей казармы их отселить в построенные уже частично дома. Кроме того трое стрельцов женились на дочерях переселенцев, пришлось и их в дома селить. Получилось, что домов нужно строить шестьдесят пять. А ещё Шульга решил, что лучше пусть несколько домов простоят год пустыми, чем устраивать потом аврал, потому строили сразу восемьдесят домов. В Миассе уже имелось сто со-

рок домов и восемь казарм, теперь же получался настоящий город. Только стены нет. Есть небольшой острожек с тремя вышками, но это скорее дань традициям, чем необходимость. С местными родами мир и жители Миасса его нарушать не собираются. Это там, в Сибири, казаки выбивают из местных народов ясак, здесь за железо и зерно вогулы всё приносят сами.

А ведь в каждый дом нужно две печи. Нужно накопать кучу глины и песка, слепить кирпичи, да потом их ещё и обжечь. Пока не начались сельхозработы все жители Миасса, почти, превратились в печников, даже детей начиная с десяти лет к этому делу привлекли. И ведь никто даже и не подумал вякнуть, мол, это дело не наше. Все помнят, как их встречали. Тогда всем миром помогали им, теперь долг платежом красен.

Вместе с домами решено строить и школу. Сейчас дети занимаются в одной из освободившихся казарм, но там одно большое помещение и приходится почти сотню детей располагать на лавках вдоль стен в два ряда, а учебники и тетрадки для письма держать на коленях на специально изготовленных дощечках. Неудобно. Нужно, как и в Вершилово разбить помещение на классы и изготовить парты. Только сначала нужно саму школу построить. Количество детей увеличивается стремительно. Практически в каждой семье родился за зиму и весну ребёнок, то есть население Миасса увеличилось на сто сорок человек, и через семь лет они

все пойдут в школу и так теперь будет каждый год. Да плюс ежегодные переселенцы, что тоже с детьми приедут и тут будут новых уральцев на свет производить. Так несколько лет и население Миасса превысит десяток тысяч, и будет больше чем в Уфе и Казани народу.

У самого Никиты Михайловича тоже мальчик родился. Его Надя родила в прошлом месяце здоровенького ребёнка и сейчас в тереме мэра стоит сплошной ор. Ничего, Шульга днём дома не бывает, да и по нескольку дней иногда вообще отсутствует. Нужно ведь отвезти изготовленные рельсы в Белорецк. Железоделательный завод выдал уже шестьдесят тонн этой продукции. К приезду новых переселенцев необходимые восемьдесят тонн должны набраться. А ведь ещё и медный завод работает. В Белорецк уже отправили пятьдесят две тонны меди. Сколько же нужно кораблей, чтобы всё это богатство переправить в Вершилово. А ещё полевой шпат, а ещё свинцовая руда, да золота намыли больше двухсот килограмм. А мягкая рухлядь, не та, что жители сами меняют, а та, что князю и Государю причитается. Одним словом с перевозкой будут проблемы. Нужно, наверное, как корабли придут посчитать всё, да и по дороге нанять всех купцов в Уфе и Казани для перевозки продукции Миасса.

Ну, да затем ведь Миасс и строили, чтобы железо с медью выплавлять. Нужны корабли, значит нужно их строить. Об этом нужно с князем Пожарским поговорить. Это, конечно, в будущем. Сейчас главное построить восемьдесят домов с

банями и прочими хозяйственными постройками, и это ведь получается двести сорок печей. Совсем не мало.

Ну, и ещё Пётр Дмитриевич обещал попробовать его сыновей из Тобольска в Миасс переправить. Эх, объединить бы семью. То-то заживём!

Событие восемьдесят первое

Питер ван Бассен получил письмо из Московии от своего друга и семейного доктора Антуана ван Бодля неделю назад. Питер прочитал его уже раз двадцать, и каждый раз откладывал и начинал истово молиться. Это было искушение. Антуан писал, что они в Вершилово – это город в Пурецкой волости, научились делать операции по удалению грыжи. И доктор приглашал Питера переехать в этот сказочный город. Он говорил о ван Басене с главным в этом городе, князем Пожарским, и тот, узнав, что Питер известный селекционер тюльпанов и лилий, предложил доктору пригласить его в Вершилово, пусть занимается селекцией и лечится. Если же Питеру не понравится в Пурецкой волости, то после излечения он может уехать назад в Голландию.

Всё слишком хорошо. Питер мучился с грыжей уже почти десять лет. Камень ему нужно было отодвинуть подальше от грядки. Вот и отодвинул. Ван Бодль прописал тогда Питеру успокоительный сбор и развёл руками, медицина бессильна. А вот теперь в этом Вершилово, оказывается, медицина до-

стигла такого уровня, что может и с грыжей справиться. Да, это ладно. Антуан писал, что в Вершилово есть целая группа селекционеров, которые вывели новые сорта пшеницы, ржи, ячменя, а сейчас занимаются морковью, капустой, огурцами и другими овощами. А ещё в Вершилово привезли с Нового Света десяток культур и с ними тоже занимаются селекционеры во главе с самим князем Пожарским. Вот для работы с этими невиданными культурами и нужен человек, который не понаслышке знаком с выведением новых сортов.

Питер ван Бассен занимался выведением новых сортов тюльпанов и лилий уже почти сорок лет, ещё мальчишкой помогал отцу. Сейчас он передавал свои знания трём своим сыновьям и одному внуку. У старшего сына Марка мальчику уже исполнилось восемь лет, как раз столько же было Питеру, когда отец доверил ему опылить красный тюльпан пылью с жёлтого. Семейное дело ван Бассенов если и не процветало, то уж точно позволяло всей не маленькой семье жить, не перебиваясь с хлеба на воду. И теперь всё это бросить и ехать в такую даль. Антуан писал, что в мире нет лучше места. Ну, да, кто в Европе не слышал про Пурецкую волюсть? Все чудеса оттуда. А всё одно страшно. Как бросить дом, сад?

А помог решиться на переезд случай. Дней через десять после получения письма, когда вся семья собиралась на обед, прибежал с улицы весь в слезах старший внук Питера, сын Марка, Дэвид. Все бросились к мальчику с вопросами,

что случилось, да, кто обидел. Оказалось, что никто Дэвида не бил, просто сын бургомистра вышел на улицу с шоколадной конфетой, собрал всех мальчишек на улице, дал эту конфету понюхать, а потом слопал её один и даже лизнуть никому не дал.

Питер, выслушав внука, только покачал головой. Опять «Пурецкая волость». Кто ещё может делать шоколадные конфеты? Только вот помочь горю внука ван Бассен не способен. Купить коробку этих шоколадных конфет Питер не мог. Там только сама шкатулка стоит столько, что всё семейство ван Басенов не зарабатывает за сезон. Так это пустая шкатулка, а с конфетами?

– Слушайте все, – остановил причитания семейства Питер, – Мне пришло письмо от доктора Антуана ван Бодля. Он приглашает меня переехать в Пурецкую волость. Туда, где делают эти конфеты. И ещё он обещает вылечить мне грыжу. Собирайтесь. Мы уезжаем, как только всё распродадим. Марк, сходи в порт и узнай, когда будет корабль до Риги, и сколько будет стоить переезд семнадцати человек. Йозеф, переговори с ван Грабе, он давно приценивается к нашему дому, скажи, что мы готовы его продать, а я переговорю с купцом из Амстердама, что приходил позавчера, продам ему луковицы, оставлю только по десятку каждого сорта, может, в этом Вершилово тоже нужны красивые тюльпаны и лилии. Там, где есть деньги, нужна и красота. По-другому и быть не может. А ещё нужно взять с собою семена всевозможных

овощей, злаков и цветов.

Событие восемьдесят второе

Пьер Эригон отмечал сорок вторую годовщину, когда за ним пришли трое крепких молодых людей и предложили бросить все дела и последовать за ними. С Пьером хотел переговорить сам меье Вилльруа. Всю дорогу профессор гадал, зачем он понадобился столь важному господину. Хорошо ещё, что только сели за стол и Пьер был абсолютно трезв. Через полчаса езды в закрытой карете Пьер начал беспокоиться. От его дома до дворца было всего десятков минут езды. Через час, когда волнение уже не на шутку завоевало сознание преподавателя математики, они, наконец, приехали. И за весь этот час молодой человек, что сидел в карете напротив Пьера не проронил ни слова и на все вопросы математика отвечал односложно, вам всё объяснят на месте.

Местом оказался замок Шаттле. Само по себе это «место» внушало ужас, ведь это была тюрьма для особо опасных преступников. Конечно, там находился ещё и суд во главе с самим Королевским судьёй, но зная о тюрьме, как-то о суде забываешь.

Вилльруа был Государственным секретарём иностранных дел и зачем бы ему встречаться с Эригоном в Шаттле. Провёл математика по узким мрачным коридором всё тот же неразговорчивый малый. Как ни странно, но в кабинет, куда

его почти втолкнул сопровождающий, сидел именно месье Вилльруа. Он предложил жестом сесть преподавателю к столу напротив себя и долго рассматривал того.

– Что вообще происходит? – попытался начать разговор сам Пьер.

– Возьмите эту бумагу и прочтите, – Государственный секретарь протянул Эригону лист белоснежной бумаги. Таковую могли делать только в Пурецкой волости.

Письмо было от туда же. И написал его сам князь Пожарский. В отличие от многих Пьер о князе слышал. Он был членом кружка Марена Мерсенна и о том, что тот уехал в Вершилово, не говорили в преподавательской среде только немые, что для преподавателя очень редкий казус. Потом за Мерсенном потянулись и другие. А теперь вот и ему предлагает сам князь Пожарский переехать в Вершилово и заниматься там обучением детей и научной деятельностью. Даже предлагалось зайти в этот новомодный «банк Взаимопомощь» и получить подробную инструкцию по переезду и деньги на дорогу.

Вопросов в голове Пьера после прочтения приглашения клубилась уйма, но вперёд лез главный, почему это письмо отдал ему сам Вилльруа, да ещё в замке Шаттле?

– Что скажите, месье Эригон? – процедил сквозь зубы дипломат, видя, что Пьер закончил чтение.

– Многие мои знакомые приняли предложения князя Пожарского. Можно вопрос?

– Слушаю вас, – лицо Вильяра выглядело осунувшимся, словно человек не спал несколько дней, да и не ел к тому же.

– Что значит титул «князь»? – Эригон специально спросил первое попавшееся, чтобы понять, как к нему относится столь важное лицо.

– Герцог, но не обязательно родственник их правителя, – Государственный секретарь, продолжал в упор смотреть на математика и ни как не среагировал на «глупый вопрос».

– И что вы от меня хотите, месье Вильяра? – вздохнув, сдался Эригон.

– Письмо было для другого человека, мои люди его выкрали и исправили очень аккуратно имя, ведь вы не заметили?

Пьер внимательно присмотрелся к своему имени на письме, ну разве, что пробелы были чуть большие, что говорило о том, что настоящий получатель письма имел более длинные имя и фамилию.

– Кто же этот несчастный? – кисло улыбнулся Пьер.

– Почему же несчастный, месье – ваш тёзка Пьер Вернье, жив, здоров и сейчас на мути в Московию.

– Вернье. Слышал о нём. Он астроном и, кажется, он не француз.

– Верно, месье Вернье, живёт в Бургундии и значит, практически является подданным испанской короны. Давайте забудем о нём и поговорим о вас, месье Эригон. Король поручил мне найти учёного, настоящего учёного и патриота Франции, и отправить его в Пурецкую волость, выведать сек-

рет производства фарфора и цветного стекла.

– Но ведь я математик, а не химик! – отпрянул Пьер.

– Верно. Без этого письма попасть в Вершилово практически невозможно. Русский царь, сам выдаёт разрешение на проезд в этот город только после личной беседы с приглашённым. За попытку пробраться в Вершилово, без разрешения их монарха, иностранцу грозит смертная казнь, – Вильяруа сочувственно вздохнул и продолжил, – Но у вас, месье Эригон, приглашение будет.

– Неужели вы думаете, что этот герцог Пожарский не знает, кому писал письма? – Пьер не понимал, неужели главный дипломат страны так туп.

– Конечно, помнит. Как только вы попадёте в Вершилово, вы пойдёте к нему и расскажите о нашем разговоре, – Государственный секретарь криво улыбнулся.

– И что будет дальше, меня повесят или отрубят голову, или какая там казнь положена у русских?

– За самовольное проникновение в Вершилово преступнику отрубают сначала руки, потом ноги, а потом голову, при большом скоплении народа на их главной площади в столице, то есть в Москве, – теперь Вильяруа улыбался по-настоящему.

– И я должен потом с небес рассказать вам о своих ощущениях, – попытался попасть в тон собеседнику Эригон.

– Нет. Вас я выбрал именно потому, что вы знакомы с Мареном Мерсенном и, думаю, казнь вам не грозит. Князь По-

жарский после того, как вы признаетесь, что являетесь шпионом, оставит вас в Вершилово. И белее того, я уверен, выполнит всё, что обещано в письме.

– Вы уверены, но ехать мне, – кисло улыбнулся Пьер, – Ну, допустим, всё так и будет. Что дальше?

– Секрет фарфора и цветного стекла, мы получим без вас, сейчас из Московии уже выехало посольство, которое договорилось с их правителем на предоставление информации об изготовлении фарфора и стекла в обмен на признание Московии империей. Теперь эта страна будет официально называться во Франции «Российская империя».

– Тогда зачем нужен я? – вскочил Эригон.

– Вы будете писать письма жене, и рассказывать о Вершилово, а через пару лет вызовете её к себе, вот и всё.

– А если я откажусь? – Пьер не сел, остался стоять, даже руки за спину заложил, показывая свою независимость.

– Все хотят оказаться в Пурецкой волости, не всех приглашают. У вас есть шанс. Там собрались лучшие учёные Европы, даже великий живописец Рубенс там. Там все ваши друзья. Вы, месье Эригон, поедете туда. А мы эти два года будем заботиться о вашем семействе. В противном случае, вы по дороге домой упадёте с моста, а ваша семья умрёт в нищете, – Государственный секретарь тоже встал и хоть и был ниже Пьера, сверху вниз смотрел на него.

Весь этот разговор Пьер передал князю Пожарскому через пару дней по приезду в Вершилово, и попросил того пригласить

силь для разговора Марена.

– Работайте в Вершило и пишите письма, как «попросил» этот «товарищ», – усмехнулся Пётр Дмитриевич, – Я позабочусь, чтобы через какое-то время ваши родственники исчезли из Парижа и появились в Вершилово. И ещё, вам и правда, повезло. Я просил Марена вспомнить всех математиков Франции и пригласить их в Вершилово, но вас он забыл. Вы ему потом попеняйте, – князь погрозил пальцем сконфузившемуся после перевода монаху.

А ведь и правда, повезло. Пьер жил уже третий месяц в этом чудном городе и всё не переставал удивляться. Такого места не могло быть. И люди так себя не ведут. Он читал «Город Солнца» Кампанеллы. Там была сказка. Там всё раздражало, особенно «общие» жёны. А этот город существовал на самом деле, но сказочному было далеко до Вершилово. А письма домой? Князь разрешил писать обо всём увиденном. Только вот, кто там, во Франции, поверит этим письмам?

Событие восемьдесят третье

Васька Постников по прозвищу «Рубль» решил стать пионером, во что бы то ни стало. Про «пионеров» ребятам рассказал в школе месяц назад сам князь Пётр Дмитриевич. Он же и «галстук» красный показал и «значок» в виде флажка Андреевского с синим косым крестом. Кто же не захочет носить такую красоту? Понятно, что все захотят. Толь-

ко князь предупредил, что пионером может стать только тот, кто учится на одни четвёрки и пятёрки, и при этом ещё и чем ни будь, выделился изо всех детей. Хорошо Петьке Истоми-ну, он капитан футбольной команды и учится вообще на од-ни пятёрки, он-то обязательно пионером станет. У Васьки же была одна тройка, никак не давался ему французский язык, нет, слова он запоминал легко, а вот произношение никак не получалось освоить.

Ну, да, ничего. Ещё три года впереди. Ведь в пионеры бу-дут принимать только после окончания четвёртого класса, а Васька только первый закончил. Вчера же он сделал целых два шага на пути к заветному галстуку. Во-первых, он сходил в Академию к их новому учителю математики Рене Декарту и уговорил того, что бы он раз в неделю с Васькой занимался французским, пока каникулы. Декарт сначала скривился, но потом узнал Ваську и согласился. Ваську в Вершилово знали почти все. Его отец, Фрол Постников был кузнец, он Ваське отковал маленькую косу и научил косить траву. Ваське тогда ещё не полных семь лет было, даже в школу ещё не ходил. И вот, ехал как-то Пётр Дмитриевич из Вершилова на пром-зону с управляющими в конце августа и увидел, как Васька косит траву вместе с отцом. Князь остановился и к косарям подошёл. Осмотрел он Васькину косу и самого Ваську, а по-том наказал Фролу Постникову, отцу Васькину, быть с сы-ном в субботу на вечернем богослужении в новом храме.

Всё семейство Постниковых: отец, мать, дед и трое бра-

тьев Васькиных и две сестры, нарядились во всё праздничное и чуть ли не за час до богослужения уже были в храме. И вот перед всем честным народом, собравшимся в храме, князь рассказал про Ваську, вывел его на всеобщее обозрение и торжественно вручил рубль, а Васькиному отцу Фролу Постникову, целых десять рублей дал. Потом Фрол целый год детские косы ковал, всем захотелось иметь. А Ваську прозвали «Рублём» и стал он в Вершилово знаменитостью.

Вторым же шажком к пионерскому галстуку стал подслушанный разговор агронома Полуярова с Иваном Охлобыстиным. Они разговаривали о выведении нового сорта ячменя. Васька в это время с отцом ремонтировал сеялку. Немцы-то её сделали, но больно хлипкая она получилась, и приходилось всё время её чинить, то одно от неё отвалится, то другое. В этом-то году сеялки сделали новые и покрепче, теперь их и чинить не надо, посеял на своём поле и перегнал её к соседу, пусть тот сеет. Быстро получается и экономия зерна солидная, да и всходы ровнее, без всяких проплешин. Замечательную штуку немцы придумали. А разговор агронома и его помощника Васька запомнил и попытался сам попробовать вывести новый сорт, только не ячменя, а пшеницы.

Васька весною сам раскопал на огороде небольшую грядочку и посеял зёрнышки пшеницы. Только зёрнышки эти он отобрал из всей семенной пшеницы, что у его дядьки Трофима была в амбаре. Зёрна были крупнучии. Васька, наверное, четыре раза всю семенную пшеницу перебрал, чтобы

эти сто зёрнышек выбрать. На грядочку свою, как и советовал Полуяров, он золы из печи целое ведро насыпал и навоза от их конька «Орлика» тоже целое ведро. Сейчас уже пшеничка взошла и растёт прямо на глазах. Васька её каждый вечер поливает и пропалывает от мокрицы и других сорняков. А осенью он её переберёт и опять только сто самых крупных зёрнышек посеет, и на следующий год так же. Вот как раз к четвёртому классу у него и будет выведен новый сорт пшеницы. Про затею Васькину отец проговорился агроному и вчерась Полуяров приходил посмотреть на Васькину делянку. Похвалил дядя Вася его, и сказал, что обязательно осенью проверит, что у него получилось, да теперь каждый год проверять будет и подсказывать, если что понадобится. Так, что теперь Васька был уверен, будет он пионером. И французский подтянет и новый сорт пшеницы выведет. Эх, быстрее бы в школу. Там новые учебники выдадут, что краскою пахнут и тетрадки. А дяденька Рене проговорился, что будет совсем новый учебник математики с задачками, где не только считать нужно, но ещё и думать долго перед этим. «Занимательные задачи по арифметике», так этот учебник называется. Эх, быстрее бы в школу. Интересно, а кто станет первым пионером. Осенью ведь пятиклассников, перед началом занятий, первого сентября, будут принимать в пионеры, и галстуки красные со значками вручать. Быстрее бы осень.

Глава 9

Событие восемьдесят четвёртое

Папа Урбан VIII стоял перед тремя огромными сундуками и всё не решался дать команду их открыть. Сундуки привезли из Пурецкой волости. С ними не было сопроводительного письма. Скорее всего, предположил Урбан, письмо внутри. Значит, отправитель хотел, чтобы папа сначала увидел сами подарки, а уже потом прочёл письмо. То есть, в письме будет просьба, а это плата за то, чтобы он, Урбан, в этой просьбе не отказал. Хитро. Ну, а что ещё можно ожидать от этих ортодоксов. Хотя. «Пурецкая волость» – это словосочетание сейчас в мире не знают только нищие да слепые. Она, эта волость, появилась из ниоткуда четыре года назад, а сейчас все деньги Европы текут туда потоком. И конца этому нет. Только приобретаешь одну диковину из этой волости, как тут же появляется следующая, ещё лучше и ещё удивительней. Причём, если бы это были произведения искусства, то это можно было бы объяснить переселением в Пурецкую волость лучших художников Европы. Только ведь, нет. Карандаши никак не связаны с художниками. Это вообще какое-то чудо, как в дереве проделали такое маленькое отверстие и

вставили туда грифель. А из чего сделаны грифели цветных карандашей? А из чего сделана стирательная резинка?

Но и этим не ограничиваются диковины из варварской Московии. Средство от цинги в бутылках, само средство уже чудо, ведь оно и в самом деле не даёт морякам заболеть цингой, но оно разлито в бутылки, которые не могут изготовить лучшие муранские мастера. Да, в Московию перебралось несколько докторов, но почему же они не изобретали это средство здесь, в Европе. И ведь ни один мастер из Мурано в Пурецкую волость не перебирался, да и не нужны они там, ни зеркал такого качества, ни бутылок, ни шестигранной смальты, ни оконных стёкол такой чистоты и размеров, ничего этого муранские мастера не умеют делать. Их и не приглашают в волшебный город Вершилово.

Клан Барберини славился своим пристрастием к выдающимся произведениям искусства. Картины Микеланджело и Рафаэля украшали залы дворца дяди папы Урбана VIII протонотария папского престола Франческо Барберини. Дядя практически заменил трёхлетнему Маффео отца, когда внезапно скончался его настоящий отец Антонио Барберини. Мать Маффео Камилла Барбадора перевезла трёхлетнего мальчика из Флоренции в Рим. Вот во дворце сначала кардинала, а потом и протонотария, будущий папа и воспитывался среди огромного количества произведений искусства.

В 1589 году будущий глава Рима получил юридическое образование в университете в Пизе. В 1601 году Маффео

отправился папским нунцием в Париж, где пополнил коллекцию дяди картинами французских и голландских художников. В 1604 году карьера забросила будущего папу в Назарет, в качестве титулярного архиепископа, и там Маффео скупал античные скульптуры и украшения. Но неожиданно отдал богу душу его воспитатель и источник средств протонотарий папского престола Франческо Барберини, и сорокалетний наследник был вынужден переехать в Рим. Наследства хватило на то, чтобы он купил себе дворец. В этот дворец наследник и перевёз огромное собрание произведений искусства, доставшееся от дяди. А затем продолжил пополнять коллекцию.

Сейчас, только что выбранному папе Урбану VIII, исполнилось пятьдесят пять лет. Из огромного зеркала, что привезли недавно из Московии, на папу смотрел не старый ещё высокий стройный черноволосый человек с чуть тронутыми сединой висками. Белый дым возвестил об избрании нового главы католиков во всём мире только три дня назад и вот он стоит перед тремя огромными сундуками и не решается дать команду своему доверенному слуге Клаудио, что сопровождал его бессменно во всех переездах уже двадцать два года.

Сундуки были покрыты искусной резьбой с растительным орнаментом и чудесными птицами. Они сами по себе были произведениями искусства. Что же они скрывали? И что это принесёт Риму и лично ему – Урбану VIII? Почему-то не верилось в бескорыстные подарки этих ортодоксов. Ладно,

чему быть, того не миновать.

– Клаудио, открывай сундуки.

– Я пробовал, ваше Святейшество, у меня не получилось, – сознался слуга.

– Вот как? – папа подошёл к сундукам и сам попытался приподнять крышку на одном из них. Ничего. Сундук был заперт.

– Письма точно не было? – он не повернулся к слуге, продолжал рассматривать крышку одного из сундуков.

– Нет, ваше Святейшество.

Урбан был кем угодно, только не дураком. Если нет ключа, да и самой замочной скважины, то значит, существует скрытный механизм, какая-то деталь, при нажатии на которую сундук откроется. Что ж, «Пурецкая волость», а чего он хотел? Они и здесь загадали ему загадку.

Прошло полчаса, они с Клаудио нажимали на все завитушки резьбы, но всегда с одинаковым результатом. Крышка не открывалась. Папа в изнеможении сел на сундук и послал слугу за плотником. Когда сломают крышку на одном сундуке, то станет понятен секрет замка. Сидеть было неудобно, мешала резьба. Урбан приподнялся с сундука и о чудо, крышка стала медленно открываться, и раздались чудесные звуки серебряных колокольчиков, исполняющих незнакомую, но притягательную мелодию, хотелось даже пуститься вприсядку под неё. Проклятые ортодоксы. Оказывается, всё просто, нужно сильно нажать на крышку сундука сверху.

При закрывании явно слышался щелчок. Что ж, замок был необычным. А есть в Пурецкой волости обычные вещи?

В сундуках было три вазы из полупрозрачного фарфора, такого же, как и тот, из которого сделаны коробочки или шкатулочки для карандашей. И на всех трёх вазах высотой почти в четыре римских фута, ну, может без нескольких унций, была одна и та же картина. Волхвы приносили свои дары. Что ж, десятки художников пытались изобразить этот момент. Были хорошие художники, были плохие, были даже и великие. Картины были большие и маленькие, были огромные. Все они были грубыми кустарными поделками по сравнению с тем, что открылось взору папы, когда все три вазы вынули из сундуков. Момент на картинах, которые были на вазах, был один, но художники как бы смотрели с разных сторон, и создавалось ощущение, что ты находишься в самом центре этого действия. До такого ещё никто не додумался. Да, до этого и нельзя было додуматься. Нужно по-другому думать. Картины, понятно, были не нарисованы на вазах, а как-то нанесены внутри их. Ну, это Урбан уже видел. Видел, не значит, привык и понял. Это было чудо. Нельзя привыкнуть к чуду.

Трёх этим вазам не было цены. Их просто никто не сможет купить. Таких денег нет даже у него. Таких денег нет ни у одного монарха. Да и не найдётся дурака, согласившегося бы продать это чудо. Можно часами стоять посреди этих ваз и любоваться ими, открывая каждый раз что-то новое.

Мастера, работавшие над ними, были разные. Разными были манеры письма. Одну точно выполнил Рубенс. Во дворце Урбана VIII было несколько картин этого великого голландца, их трудно спутать с творениями других живописцев. Вторую вазу расписал кто-то из учеников Рубенса, скорее всего, ван Дейк. Над третьей вазой работал, несомненно, Алесандро Воротари. Его манеру письма тоже трудно спутать с кем либо. Чёрт побери, перекрестился папа, все лучшие художники мира сейчас в этой «Пурецкой волости».

– Читай письмо, Клаудио, – оторвался от созерцания этого рукотворного чуда Урбан.

– Там ещё есть маленькая шкатулка, – кашлянув, доложил старый слуга.

– Давай её сюда, – нетерпеливо потребовал папа.

В шкатулочке из непонятого материала, похожего на янтарь (эбонит) были три монеты. На одной был изображён Собор Святого Петра. Монета была из золота, а крыша собора, из необычным образом огранённых жёлтых драгоценных камней, скорее всего, цитринов. Монета была в 100 экю. Вторая монета была чуть больше первой, и на ней был Российский император Михаил Фёдорович с синими сапфирами в глазницах. Текст был на кириллице и единственное, что понял Урбан, это то, что монета в 100 рублей. Название денег Московии сейчас знал каждый богатый человек в Европе. Третья монета была одного размера с первой и тоже в 100 экю. На ней был изображён римский орёл с изумрудами в

глазах.

Папа слышал о монете в 100 рублей. Но только слышал. Видеть ещё не приходилось. Теперь увидел. Это был шок. Такую вещь не сможет сделать ни один ювелир в Европе, а в этой забытой богом Московии это просто монета. Но зачем они сделали монеты в 100 экю?

– Читай письмо, Клаудио! – срывающимся голосом приказал папа.

«Просим Вас, Ваше Святейшество», – после обычных приветствий, дошёл до главного Клаудио, – «отправить под конвоем в Пурецкую волость находящегося под стражей в Риме монаха и философа Томмазо Кампанелла».

– Дальше идут подписи. Читать? – старый слуга опустил идеально белый листок.

– Сам посмотрю, – буркнул папа и принял письмо.

Кто бы его ни подписал, человек, который составлял это письмо и пославший подарки был, несомненно, этот «князь Пожарский» – хозяин волшебной «Пурецкой волости».

Алесандро Воротари, Гульельмо Каччи, Орсола Каччи, Белизарио Коренцио, Барбара Лонги, Гвидо Рени, Паоло Бьянкуччи, Карло Модерна, Клавдио Акиллини, Бенедетто Кастелли, Бонаventura Франческо Кавальери, Беннедито Феррари, Алесандро Гранди, Агостино Маццари, Клаудио Монтеверди.

«Боже мой», снова перекрестился папа. Все лучшие художники, музыканты, учёные переехали к этому князю.

Предпоследней была подпись самого князя Петра Дмитриевича Пожарского. Прочитав последнюю подпись, Урбан не поверил своим глазам. Он даже надел новомодные очки, хотя зрение ещё позволяло прочесть последнюю строчку и без них. «Филарет Патриарх Московский и вся Руси»!

Проклятые ортодоксы! Он не может им отказать. Он не может отказать патриарху. Тот специально подставился, намекая о возможности дальнейшего диалога. Теперь понятно и зачем монеты. Ему предлагают попросить патриарха и князя Пожарского в обмен на его «любезность» монетный двор, который сможет изготавливать «такие» монеты. Ход был бесприкрытым. Папа вновь прочитал письмо, и только тут до него дошло, что еретика Кампанеллу не просят освободить, а просят в виде заключённого, под стражей, сопроводить в Пурецкую волость. Почему не освободить сначала? Очередная загадка. Проклятые ортодоксы!

Событие восемьдесят пятое

Княжич Фёдор Пожарский прибыл в Уфу под самый вечер. Кормчий даже предложил остановиться на ночлег, чуть не дойдя до города, чтобы появиться там утром. Но Фёдор приказал плыть дальше. Он понимал, что нужно спешить, с ним плывут крестьяне, которым нужно успеть вспахать и посеять яровые. А ещё он помнил наставления брата, главное в его походе это скорость. Брат, правда, кроме этой скорости

ещё тысячу наставлений надавал, но скорость – это главное.

Несколько поручений Петра Фёдор уже выполнил, он встретился с мурзой Бадиком Байкубетом и сгрузил сто пустых бочек под нефть, которую все называли земляным маслом. А на освободившееся место на трёх лодьях загрузили купленных мурзой у ногаев рабов. Влезло только шестьдесят девушек, а хитрый башкир купил восемьдесят три девушки и шестнадцать мужчин. Фёдор договорился с мурзой, что из Уфы он вышлет сразу несколько кораблей, часть из них загрузит сто бочек подготовленной нефти и приличное количество овечьей шерсти и пойдёт в Вершилово, а остальные заберут оставшихся рабов и десяток, специально отобранных овец с тонкой шерстью и доставят всё это в Белорецк. Фёдор шерсть у овец ощупал, но разницу не почувствовал. Хотя, он, конечно, не специалист в овцах.

Только нос корабля, на котором плыл Фёдор, ткнулся о пристань, как на корабль уже вскарабкался мытник. Да ещё стал покрикивать, требуя хозяина товара. Вот ещё год назад княжич бы огрел того плетью и пинками выпроводил с корабля, а сейчас, сам себе удивляясь, показал спокойно этому «товарищу» царёву грамоту об освобождении сих кораблей от любых сборов и указал притихшему мытнику на Андреевский флаг на мачте.

– Такие корабли здесь уже третий год плавают, и пора бы запомнить, что здесь тебе делать нечего, – вполне даже спокойно объяснил Фёдор.

– Дак, я только третий месяц в Уфе, – начал оправдываться здоровущий на вид детина.

– Беги-ка ты... Как тебя звать?

– Олександром кличут.

– Беги-ка, ты, Олександр, в Кремль и скажи воеводе, что прибыл княжич Фёдор Пожарский, – потрепал здоровяка по плечу Фёдор.

– Которому воеводе?

– А сколько их у вас? – удивился княжич.

– Седмицу как прибыл новый воевода, князь Бутурлин, но старый воевода Григорий Григорьевич Пушкин ещё не уехал, – кланяясь, пояснил мытник.

– Обоих найди и доложи, скажи через пол часика и сам в Кремле буду.

С князем Василием Матвеевичем Бутурлиным Фёдор уже познакомился. Первый раз они виделись, когда семейство Пожарских во главе с женой Петра Марией Владимировной останавливалось во Владимире по дороге в Вершилово, а не так давно князь со всем семейством завалился в Вершилово проездом из Владимира, где он был воеводой три года, в Уфу, куда его назначили воеводой. За торжественным обедом, что закатил по этому поводу князь Долгоруков, Василий Матвеевич поделился новостью, что Государь прислушался к его совету, и теперь каждый год в Вершилово на обучение будут присылать десяток семи-восьми летних княжат. Да ещё на обучение к воеводе Зброжскому приедет три

княжича лет по пятнадцать, чтобы три года воинскому делу обучаться.

Пётр тогда только головой покачал, а Долгоруков за голову схватился. Где же столько народу размещать? Одну из этих проблем Пётр сразу решил. Оказывается, среди тех десяти княжат будет и семилетний сын князя Бутурлина Егор. Так Пётр его в дому у себя и оставил, пусть вместе с Иваном живут, вдвоём веселее, а Мария присмотрим за ними, пока старших Пожарских дома не будет.

– Надо будет и остальных княжат в семьи новым дворянам раздать, они там и языкам научатся и под присмотром будут, у «немцев» своих детей такого возраста полно, одним больше, одним меньше, даже не заметят, – засмеялся Пётр.

Первым встретил Фёдор бывшего воеводу Уфы князя Григория Григорьевича Пушкина. Оказывается, тот специально ждал караван на Урал. Было у Григория Григорьевича целая куча приятных новостей. Во-первых, китайский купец пригнал-таки яков и привёз на них чай. Яков было пять, два самца и три самки, причём все три, по словам купца, должны месяцев через пять отелиться. Пётр оставил Пушкину на это дело двести рублей, но китаец запросил за яков по сорок рублей, получается двести, да ещё сто требовал за чай. Ну, деньги у Фёдора на этот случай имелись, он немедленно выдал Григорию Григорьевичу десять новых червонцев. Во-вторых, башкиры, увидав, что за шерсть с ними регулярно и без обмана расплачиваются, навезли за прошлую осень и эту

весну её в Уфу столько, что понадобится десяток кораблей. Воевода и на шерсть деньги от Петра получил, но опять мало. Фёдор тут же ещё восемьдесят рублей старичку выдал.

А вот дальше начинались сложности. В Уфе можно было нанять не больше десятка лодей, а для перевозки всей шерсти и яков уже больше десятка понадобятся, да ведь ещё за нефтью посылать, да за рабами с овцами. Фёдор приуныл.

– Что же делать, Григорий Григорьевич? – обратился он к Пушкину.

– Ну, ты, молодец, распредели дела по важности. Что тебе вперёд надо, шерсть в Вершилово или рабы с овцами в Миассе или, может, яки? А то ведь весна заканчивается, скоро лето, а я слышал, они жару плохо переносят, – прищурился Пушкин.

Фёдор решил, что яки с рабами, и правда, важнее и попросил бывшего воеводу помочь ему завтра купцов уговорить, на два рейса до Вершилово и один до Белорецка. Ну и плюс у Фёдора у самого в Михайловске две большие лодьи освободятся, которые туда мастеров на лето везут. Вот только сейчас, столкнувшись с небольшой, в целом, проблемой, понял Фёдор, каково его брату. Тот десяток таких вопросов каждый день решает, и не зря он ему целыми днями на реке задачки всякие житейские задавал, но и Пётр, оказывается, всего предвидеть не может, откуда он мог знать, что шерсти башкиры такую прорву навезут. Шерсть нужна, новая ткацкая фабрика работает, да на валенки спрос только увеличи-

вається, уже и купцы с полнoчных стран потянулись, и там, в Европе, эта новинка понравилась людям.

В это время и князь Бутурлин подоспел и поволок всех к себе на вечерю, по дороге выпрашивая Фёдора о сыне Егорке. А на следующий день Фёдор передал Григорию Григорьевичу приглашение Петра перебираться в Вершилово. Если каждый год Государь будет присылать по десятку княжат, то кто-то ответственный и уважаемый должен за ними присматривать, а за самим Пушкиным травницы и доктора вершиловские присмотрят. Бывший воевода обещал подумать, а что, дети выросли и живут своими домами, жена умерла. Почему бы и нет.

Событие восемьдесят шестое

Воевода Вершилова Ян Забрoжский, гремя кандалами на ногах, переступил порог тюрьмы для военнопленных ляхов, что недавно построили в Нижнем Новгороде. Всего таких тюрем построили три, по одной в Казани, Нижнем Новгороде и Смоленске. Пленные должны были два года дробить камень для дорог. С весны начали строить дороги Нижний Новгород – Казань и Смоленск – Москва. Приказ Дорожного Строительства расширили, ещё бы, ведь одновременно теперь строились сразу три дороги, ещё ведь и Москва – Владимир была незакончена, только половину проложили.

Но все эти строительные работы Яна никак не касались,

он оказался в тюрьме не «потому что», а «для того чтобы». Заброжский вербовал людей для очередной задумки князя Пожарского. Люди для этого дела нужны были особые. Во-первых, они должны быть нищими, ну или почти нищими. Во-вторых, они должны быть поляками. В-третьих, они должны быть шляхтичами. В-четвёртых, они должны быть прожжёнными пройдохами. В-пятых, они не особенно должны любить короля Сигизмунда, а ещё лучше – ненавидеть его. В-шестых, они не должны быть жителями Кракова или Варшавы. Было ещё и в-седьмых и в-восьмых и даже в-пятнадцатых, например, они должны быть холостыми.

Люди нужны были для того, чтобы организовать в Кракове и Варшаве игорные дома, в которых богатые жители Речи Посполитой будут в «рулетку» облегчать свои карманы от лишних денег. Князь Пожарский продемонстрировал Яну эту игру. На самом деле затягивает, даже и выиграть удаётся иногда. Только не пошлешь же в Краков стрельцов или евреев такое дело налаживать. И те и другие плохо кончат. Шляхта – народ горячий, чуть что, сразу за саблю хватается. Поэтому нужны равные им, тоже шляхтичи. И эти шляхтичи должны в этих поединках побеждать. Поэтому, прежде чем отправлять облегчать кошельки, отобранные люди год будут учиться владеть саблями как положено, а не как получится, а ещё изучать казацкие ухватки. Но сначала этих людей нужно ещё найти.

Просто вызывать и разговаривать с пленными бессмыс-

ленно, любой что угодно наврёт, лишь бы на волю выйти. Внедриться в их среду, то есть оказаться в тюрьме и познакомиться с будущими «рулетчиками» в экстремальной обстановке, посоветовал Яну тоже князь.

Ян уже устал удивляться, общаясь с Петром Дмитриевичем. Те знания, что он объяснял прочитанными в детстве книгами атлантов, могли быть и правда ими, но там не могло быть книг про то, как управлять людьми, как без мордобоя и плетей заставлять людей выполнять любую твою команду, как побеждать врагов хитростью, а не количеством и ещё тысячу «как». Нет! Тут нужен огромный опыт. Тут нужны знания, которые в книгах не почерпнёшь, кто бы эти книги ни написал. А где мог всего этого набраться тринадцатилетний отрок?

Да и сказки про «казацкие ухватки» тоже шиты белыми нитками, если бы казаки знали такие приёмы рукопашного боя, разве бы их смогли стрельцы одолеть. Нет! Даже если бы и имелся один единственный казак, что ими владел и научил княжича, то и так не сходится. Тот отрок, с которым Замороженный столкнулся пять лет назад, был хладнокровный убийца, ему человека убить, что муху прихлопнуть. Хороший враг – мёртвый враг, так, кажется, римляне говорили. Про княжича эту поговорку ещё и дополнить можно «мёртв быстро». Такому, пацана не научишь. Опять огромный опыт нужен.

Князь Долгоруков всем шёпотом поясняет, что не иначе сам святой Георгий, покровитель Руси, в княжича Петра все-

лился. Только Ян особой святости и нимба над головой Петра Дмитриевича не замечал. Гарем себе из турчанок завёл, из врагов горы трупов делает, да не в переносном смысле, а в прямом. Так святые себя не должны вести. Но и в пособника нечистого тоже не верилось. Вон он как о своих людях печётся, для него гибель одного стрельца в бою трагедия. Ребёнок голодный в крестьянской семье – несчастье. Но в то же время милостыню он никогда не подаст. Он не добрый, как принято о «добрых» судить. Человек, по мнению Петра, должен много работать и поэтому быть богатым и счастливым.

Только ведь крестьяне в том же Вершилово, до приезда туда княжича, тоже трудились от зари до зари и при этом одной лебедой питались и дети умирали с голоду. А теперь, редкая семья четыре коровы не имеет и ещё уйму всякой живности, и живёт по меркам обычных людей припеваючи, а Петру мало, нужно чтобы все как Дуня Фомина фабрику двухэтажную на берегу Волги с мозаикой на стенах имела. И, по его мнению, вся Русь так должна жить. Вон в чужой, по сути, для него Михайловск повезли мастеров тамошним крестьянам дома строить по вершиловскому образцу. Но не милостыня это. Это удочка, про которую так любит князь Пожарский повторять, типа людям нужно не рыбу давать, а удочку.

А будущих «рулетчиков» Ян нашёл легко, они захотели с него новые сапоги снять, потом кровавые сопли утёрли и позвали его к себе в «ватагу» старшим. Заброжский к ватаж-

никам присмотрелся да и забрал всех одиннадцать человек с собой в Вершилово. Будем из этих «товарищей» вершиловцев делать. Научим и сапоги снимать и работать от зари до зари. Целый год впереди.

Событие восемьдесят седьмое

Мишель де Нойрей – капитан гвардейского полка, был неожиданно вызван в Париж. И там имел разговор сразу с двумя высокопоставленными чиновниками. К армии они не имели ни какого отношения. Первым был канцлер Брюлар, по существу второй человек в государстве, вторым был месье Вилльруа – Государственный секретарь иностранных дел. Капитан не боялся ни гугенотов, ни испанцев, но во время всего разговора холодные мурашки бегали у него по спине.

Говорил в основном Вилльруа, а канцлер лишь изредка кивал, соглашаясь с ним. Мишелю предложили сопроводить в Московию, которую он должен будет именовать «Российская Империя» трёх гончаров, одного будущего стеклодува и одного профессора Парижского университета, кроме того с ним будет и один из людей Вилльруа. Капитану нужно набрать в своём полку двадцать человек, желательно холостых, желательно высоких и крепких, желательно владеющих кроме французского ещё каким-нибудь языком, желательно не дураков и желательно истинных католиков и пат-

риотов Франции. Ещё неплохо было бы, чтобы эти двадцать человек были дворянами и смогли защитить не только себя, но и ту пятёрку, что отправляется в Пурецкую волость. Честно говоря, в мозгу де Нойрея пока он слушал требования к своим будущим подчинённым, сложилось мнение, что найти их будет не просто.

Люди, которых он должен сопровождать, отправлялись для того, чтобы освоить производство фарфора и цветного стекла. Московиты согласились открыть эти секреты в обмен на признание их варварской страны империей, а их самолюблённого монарха императором. Хотелось обозвать этих азиатов идиотами, но это ведь к ним он едет за секретами, а не наоборот. Деньгами будет распоряжаться человек Государственного секретаря, а Мишель отвечает за безопасность и только за неё.

– У меня в местечке Во недалеко от Парижа жена с двумя детьми, что будет с ними, – задал первый вопрос капитан, когда министр, наконец, закончил.

– Ей выплатят ваше жалование за три года, как только вы погрузитесь на корабль. В случае если вы погибнете, ей выплатят ещё раз ваше жалование за три года, – ответил как ни странно сам Брюлар.

– На сколько же мы едим? – поразился этой щедростью Мишель.

– Пока мастера, которых вы будете сопровождать, не научатся тому, за чем их отправляют в Российскую империю.

– И когда мы отправляемся? – де Нойрей любил скитаться по стране, почему бы не побывать за её пределами.

– Где-то через пару недель, не тяните с вашим отрядом, жалование за полгода вперёд для всех вас в двойном размере получите у месье Женю, он и будет руководить экспедицией, он сейчас за дверью и ждёт вас. Да, сколько бы вы там не пробыли, жалование будет идти в двойном размере.

Щедро. Тут идёт война, там, по словам Вильяра мир и благодать. С учётом выплат жене получается тройное жалование, а то и больше. В чём же подвох? Вильяра словно прочёл этот вопрос на лице Мишеля, и чуть скривившись, сказал.

– Капитан, для Франции очень важно, чтобы эти люди, которых вы будете сопровождать, добрались туда и вернулись во Францию живыми и здоровыми. Вы представляете себе, сколько стоит фарфоровая ваза? А сколько стоит сто ваз? И ещё. Говорят, что в недавней войне с Польшей эти русские захватили больше десятка городов без осадной артиллерии и вообще без осады, если вдруг, что узнаете, то мы найдём, чем вас отблагодарить.

Мишель хотел броситься сразу в полк после окончания разговора с месье Женю и получения денег, но вдруг ему пришла в голову шальная мысль. Его сослуживец, командир второй роты их полка, недавно рассказывал, что его отец сходил в Париже в банк «Взаимопомощь» и получил кредит на расширение маслобойни в русских золотых червонцах, за

которыми сейчас все гоняются во Франции. Так он обменял их на сумму в экю, которая почти в полтора раза выше той, которую он взял в банке. И маслобойню новую построил, да ещё и деньги остались.

Вот капитан и решил, а что если зайти в этот банк и сказать, что он едет в Пурецкую волость, нет ли у них для него поручения, которое оплачивается в золотых червонцах. Не зря же они выдают кредиты в русской валюте. Чем чёрт не шутит.

В банке «Взаимопомощь» вежливый молодой человек выслушал предложение де Нойрея и попросил подождать, он сейчас переговорит с управляющим. Ещё через пять минут Мишель сидел на втором этаже банка в кабинете месье де Буше и пил «медовую с перцем» из хрустальной рюмки на тонкой ножке. У Клода, который сидел напротив и внимательно разглядывал капитана, была такая же рюмка, но он даже не пригубил её. И напрасно. Напиток был чудесный, а пить его из такой посуды, вообще божественно.

– Вы правы, месье капитан, у меня есть поручение для вас, и оно будет оплачено даже не золотыми червонцами, а вот этой монетой, – и управляющий достал из ящичка, спрятанного под крышкой стола золотую большущую монету с портретом русского императора в глаза которому были вставлены бесподобные синие сапфиры.

– Матерь Божья! Что это? – поперхнулся водкой Мишель.

– Это – сторублёвая монета Российской империи, – де Бу-

ше катнул её по столу в сторону капитана, продолжающего откашливаться.

– И кого мне нужно будет убить? – де Нойрей даже боялся поднять упавшую перед ним монету.

– Никого убивать не надо. И продавать душу дьяволу тоже. Просто вместе с теми людьми, которых вы будете сопровождать поедет ещё четыре семьи. Даже не так, две семьи и двое мужчин, они пока холосты, правда, с одним будет его мать и двое младших братьев.

– Эти люди государственные преступники? – капитан слышал об этой монете, говорят, что её можно продать и за двести рублей, сколько же это в ливрах или экю?

– Отнюдь, трое из четырёх мужчин это писатели. Может быть, вы слышали об Оноре д Юрфе, авторе пасторального романа «Астрея». Совсем ещё молодой человек, а какой талант, он и будет с матерью и двумя братьями. Кроме него будет Шарль Сорель автор нашумевшего «Пастуха сумасбродного» и поэт Дю Лоран, может хоть его бойкие стишки вы слышали?

– В армии, месье де Буше, не до книжек. Там кровь, пот и дерьмо! Хочется выжить и выспаться, на остальное времени нет, – Мишель допил «медовую» и вопросительно взглянул на бутылку с красивой этикеткой. С неё капитану подмигивала пчела.

Управляющий намёк понял и вновь наполнил рюмку де Нойрея.

– Четвёртым человеком будет Жак Лемерлье. Это архитектор, как и трое предыдущих он получил приглашение переехать на жительство в Пурецкую волость. Он тоже едет с семьёй. Мы как раз подыскивали сопровождения для этой компании. Вы очень удачно и вовремя зашли в банк, месье де Нойрей, – Клод выпил свою порцию «медовой» и отставил рюмку, – Эту монету вы получите от месье Оноре д Юрфе, после отплытия корабля. Точно такую же монету вам дадут здесь, когда вернётесь назад в Париж, благополучно доставив доверенных вам людей.

– Я сообщу об отправлении корабля через неделю, – встал капитан.

Мишель не видел проблем с сопровождением ещё нескольких человек, кроме доверенных ему мастеров и профессора. Какая разница сопровождать пятерых или пятнадцать. Удачно он зашёл. Де Нойрей не знал, что под видом матери Оноре д Юрфе Францию покинула жена профессора Пьера Эригона, а под видом братьев писателя двое их детей.

Событие восемьдесят восьмое

Федька Коровин был младшим в семье Вершиловского старосты, или как его именовали приезжие немцы «бург-мистра». Он закончил четвёртый класс школы и, как и все четвероклассники, получил на лето задание. Только Федька это задание получил от самого князя Петра Дмитриевича.

Федька понимал, что князь выделил его, не потому что он учится лучше всех или самый старательный. Нет, виной тому была фамилия. Он сын старосты, а значит, именно это задание ему будет выполнить легче остальных. «Озадачены» были все, Ванька Лукин, например, должен слепить из глины листья разных деревьев. Их потом обожгут, раскрасят и украсят коридор школы. Наверное, красиво будет, Ваньке ведь и отец поможет, да и старший брат Андрей.

А Федька решил своё задание выполнить без помощи отца. С отцом-то куда проще, дал староста задание крестьянам, те и выполняют. А так Федьке придётся каждый двор обходить, всё лето уйдёт, но потом можно будет Петру Дмитриевичу с гордостью сказать, что выполнил он «задание» на лето. Поручил же князь Федьке найти в Вершилово или деревеньках поблизости курицу, которая несёт самые большие яйца и при этом ещё нужно, чтобы неслась она почти каждый день. Так-то, курицы в основном через день несутся. Пётр Дмитриевич даже объяснил Федьке, зачем это нужно. От этой курицы потом получают цыплят, из них, когда они подрастут, опять выберут курицу, которая даёт самые большие яйца и несётся чаще остальных и так несколько раз, а потом этих цыплят будут всем хозяйкам по очереди раздавать, и можно будет держать курей меньше, а яиц получать больше. Сейчас ведь все дворы сдают яйца на фабрику Дуни Фоминых, а она из них делает вкуснейший соус «декартез», что потом разливают в горшочки и продают купцам заезжим.

Федька любил хлеб намазать декартезом и слопать, запивая квасом. Вкуснятина.

Три недели обходил Коровин младший всех в Вершилово и соседних деревнях и измерял яйца прибором специальным, штангенциркуль называется. Каждая хозяйка, узнав, зачем это нужно, своих курей расхваливала, но прибор этот не обманешь. Сколько сантиметров получилось, столько Федька в тетрадь и записывал. Получилось, что у Анны Охлобыстиной и Варвары Онуфриевой самые большие яйца куры несут, целых пять с половиной сантиметров и у обеих несутся по четыре, а иногда даже и по пять раз в седмицу. Федька женщинам это сказал и передал им наказ князя, посадить этих курей цыплят высиживать.

Только на этом всё не закончилось. Где-то через три или четыре дня после того, как Федька посчитал, что справился он с «заданием» на лето, поехали они с отцом в Нижний Новгород на рынок, купить отцу новые сапоги, да и Федьке заодно на осень обувку присмотреть. Сапоги они купили, а потом отец пошёл в ряды, где живностью торгуют, хотел взглянуть, нет ли кролей чисто белых, хотел он себе шапку из белого кроличьего меха на зиму сшить. Пока батянька ходил по ряду, где кролей продают, Федька по привычке обошёл тёток, торгующих курями и яйцами. Глаз у него был наметан и видел он, что яйца у всех меньше, чем он выбрал. И тут, вдруг, увидел тётку Матрёну Сомову с Вершилова, и она продавала яйца сантиметров по шесть, а то и больше.

– Тётка Матрёна, я же к тебе заходил, и у тебя таких здоровых яиц не было, – Федька перебрал все яйца на прилавке, как на подбор.

– Так у меня тогда Чернуха цыплят высиживала, – махнула рукой женщина.

– Так. А сколько яиц ваша Чернуха в седмицу даёт? – почувствовал удача Федька, аж в носу защекотало.

– Штук по пять. А можа и по шесть, всего не упомнишь, сам ведь видел, у меня пара десятков курей, – опять махнула на Федьку рукой тётка Матрёна.

Тут сам староста Коровин к ним подошёл. Федька ему яйца показал и про Чернуху эту рассказал. Батянька, не долго думая, купил у Сомовой все яйца, а эти самые крупные ей назад отдал и наказал, чтобы она ехала домой срочно и снова посадила курицу свою на высиживание цыплят.

А Федька всю дорогу домой представлял, как он Петру Дмитриевичу про Чернуху расскажет. Теперь-то он точно «задание» выполнил. И будут в Вершилово куры самые большие на Руси яйца нести, а тётка Дуня Фомина ещё больше вкуснейшего декартеза наделает.

Событие восемьдесят девятое

Позади осталась Самара, потом Саратов, а потом и Царицын. Все эти города были основаны ещё при Иване Грозном тридцать с лишним лет назад. Пётр Пожарский с гру-

стью констатировал, что толком за тридцать лет ничего не изменилось. Это по-прежнему были небольшие крепости с гарнизонами из пары сотен стрельцов, с воеводой даже не из князей, и практически полное отсутствие крестьян и мастеровых. Такая плодородная земля и никто её не пашет. Разочаровала князя и Волга. Афанасий Иванович как-то в конце восьмидесятих годов двадцатого века с женой и детьми путешествовали на теплоходе от Нижнего Новгорода до Астрахани и обратно. Волга была широка и многоводна. Сейчас она тоже была широка, но вся состояла из одних мелей. Бывший генерал вспомнил фильм «Волга-Волга». Там был непутёвый лоцман, который знал все мели. Кормчий на их кораблике тоже все мели знал. Только мели эти всё время двигались и иногда в этом году оказывались совсем не в том месте, что в прошлом. Из-за этого приходилось довольно часто высылать вперёд лодочку с парой гребцов и человеком, что шестом проверяет глубину. Движение стопорилось, и это князя Пожарского меньшого сильно раздражало. Он уже смирился, что яровые в этом году не посеют. Нет, посадить-то, конечно, можно, но созреть рожь, а тем более пшеница вряд ли успеет.

Во всех городках по пути сходили на берег и показывали воеводам царёву грамотку, где предписывалось всем оказывать князю Пожарскому всяческое содействие. Петру от воевод ничего не надо было, он только предупреждал, что следом сплавляют лес, и просил проследить, чтобы ничьи

вороватые ручонки на него не зарились. Лес нужен для того, чтобы крепость построить, вот пусть мимо и проплывает. Воеводы божились, что чужого сроду не брали, ну а теперь и другим не дадут. Князь спрашивал про пиратов или вернее речных разбойников. Водятся, конечно, отвечали ему и разводили руками, где же с такими-то куцыми силами такие огромные территории контролировать. И это было правдой, иногда несколько дней нужно плыть, чтобы увидеть хоть следы пребывания человека. Спрашивал Пётр и про три новых больших корабля, что ушли к Кара-Богаз-Голу. Проплывали, уже кажись седмицу назад, тоже грамотку показывали государеву, продукты закупили и дальше поплыли. Ну, хоть, тут всё нормально.

А после Царицына Волга стала на речушки или рукава делиться и пошли ещё медленнее, ведь нужно идти по самому левому рукаву, пойдя, определи, какой из них самый левый. Да ещё купец Трофим Пафнутьевич Коробов, что обещал показать дорогу к озеру Баскунчак, стал останавливать корабли, и сходить на берег, ища одному ему ведомые приметы. Когда Пётр спросил его, что же он высматривает, то оказалось, что давным-давно, ещё при татарах, в месте, где до озера Баскунчак всего пятьдесят вёрст, стоял город на берегу этого рукава Волги. Город этот, как и все татарские городки, был глинобитным, и сейчас от него только холмики остались, вот он эти холмики и разыскивает. Сам Коробов был в этом месте ещё мальцом, отец его ещё при Грозном ходил

на лодьях в Астрахань, брал там ткани восточные. Вот один раз отец тогда двенадцатилетнего Трофимку и взял с собой, тогда он сыну и показал этот размытый дождями и заросший травой городок. Отец даже высказал тогда вслух мечту, сходить за солью к этому озеру. Только не получилось, вскоре отец помер от лихоманки.

– Почитай, три десятка лет прошло, – огорчился купец, что может подвести князя, – Может совсем следов того городка не осталось.

Остались. Нашли в самом начале третьего дня после того, как зашли в этот рукав. Коробов просто сиял, когда Пожарскому эти холмики показывал. Ну, вот и добрались. Совсем и не далеко от Царицына.

– Разгружаемся, – скомандовал Пётр, – Здесь будет город Мариинск.

Две лоды с двумя десятками стрельцов отправили назад в Царицын, встречать и направлять, куда надо, плоты. Леса Пётр заказал много, всё лето и начало осени сплавлять будут. Остальные стали разбивать палатки, для князя поставили шатёр трофейный ногайский. Пётр с Малининым обошли бывший татарский городок. Ну, обошли, это громко сказано. Трава высотой в человеческий рост была вся оплетена всевозможными вьюнками и прочей ползучей нечестью и плюс ещё лопухи и крапива. Прорубали дорогу саблями, да и то получалось не очень. Тем не менее, контуры будущей крепости наметили.

На следующий день выставили дозоры и начали с этой «травой» бороться. Косы справлялись ещё хуже сабель. С огромным трудом почти две сотни мужиков расчистили к вечеру четыре гектара территории, то есть двести на двести метров. Вот теперь стал, виден и бывший татарский городок. Стена глиняная превратилась просто в длинный холм, а мазанки в холмики. Оказалось, что площадь, которую занимал татарский городок как раз такая которую Пожарский под будущую Мариинскую крепость и наметил. Князь переговорил с плотниками и Малининым и решили, что стену нужно как раз на бывшей стене и возводить. Так даже выше стена-то получится.

Утро третьего дня Пётр уделил крестьянам. Их было всего пять семейств. Крестьяне были не из Вершилова. Это были переселенцы с Рогачёва. Польстились мужики на княжьи посулы про дом с двумя печами и прочими постройками, а тут степь голая. Настроение у переселенцев было аховое.

– Давайте так, мужики, – начал Пожарский, – Сейчас уже середина июня и сеять яровые, понимаю, что поздно. Только вы учтите, что здесь гораздо южнее и даже если рожь и не вызреет, то её можно на силос пустить, а распаханые поля останутся.

– Силос это чего? – староста у переселенцев был рыжий и хлипкий.

– Осенью покажу, выкопаем ямы и туда траву и рожь, если зелёная будет, сложим, и будете этим скотину всю зиму

кормить.

Одним словом, организовали снова колхоз и каждому по две десятины или по новому – два гектара, расчистили от травы, вспахали, проборонили и засеяли с помощью, привезённой с собою сеялки. Ужас. Двести человек «упахались», поднимая эту целину. Ровно неделя ушла. Точно бог сверху подсматривал за переселенцами, только последние метры сеялка проехала, как ливень прошёл. Так-то земля суховата была, но теперь зерно точно прорастёт. Освобождены от этой работы были только трое мастеров кирпичников и двое печников. Они сначала искали поблизости хорошую глину, а как нашли стали делать кирпичи и сушить их на солнце.

Пётр, всё с нетерпением поглядывал на реку, когда же подойдут первые плоты. А их всё не было и не было. Плюнул он тогда на всё, взял с собою десяток стрельцов поопытнее и Чепкуна, сына князя Разгильдеева, что прихватил с собою из Вершилова, в качестве переводчика с татарского, башкирского и мордовского, если таковые народности появятся, и ускакал. Поехали искать это самое озеро Баскунчак. Правда, перед тем как уехать Пётр очередной аврал организовал. Он на сто процентов осознал, что если сейчас всем миром не распахать крестьянам ещё и участки под озимые и огороды, то потом они сами не справятся, а остальным некогда будет, нужно будет крепость и дома строить. Утром, навстречу восходящему солнышку, и отправились.

Событие девяностое

Силантий Коровин лежал на лавке у себя в доме и умирал. Умирал он со стыда. Он плохо выполняет возложенную на него Петром Дмитриевичем задачу. С самого начала, ещё в дороге, всё пошло вкривь и вкось. Начались неприятности, как только миновали Владимир. После привала, что устроили в обед того дня, как проехали Владимир, Тимофей Смагин – стрелец из сотни Ивана Малинина запрягал коня и тот вдруг лягнул ногой и попал подковой прямо по правой голени Тимофея. В результате у стрельца перелом ноги. Пришлось отправлять его назад во Владимир в сопровождении двух стрельцов. Те, понятно, отряд догнали через день и в Москву въезжали уже вместе, но одного человека потеряли. А в Москве и ещё одного. В столице Силантий разрешил стрельцам проведать родственников, и выезд назначил только через день, но в этот же вечер на подворье князя Пожарского, где остановился отряд Коровина, вернулся чёрный и смурной Фрол Беспалый. У него за час до его приезда умер отец. Осталась мать с тремя младшими братьями Фрола и четырьмя сёстрами, тоже малыми, старшей только тринадцать минуло. Просил стрелец разрешения задержаться в Москве на седмицу, отца похоронить, да дела в их семейной лавке, что скобяными изделиями торговала наладить. Силантий, конечно, разрешил стрельцу, и отряд ещё на одного челове-

ка уменьшился.

Только и это ещё не всё. На последней перед Смоленском ночёвке под утро на них напали. Татей было много, и вооружены они были не палками, а саблями и луками, даже две пищали было. Если бы вместо вершиловцев оказался любой другой отряд, то, скорее всего, все бы и полегли. Только Фома Исаев – десятник из сотни Шустова, был из тех стрельцов, что первыми вместе с княжичем Петром Пожарским прибыли в Вершилово. Это на нём малец впервые стрельцам казацкие ухватки продемонстрировал и легко уложил лучшего кулачного бойца полка Афанасия Левшина. Он за пять лет научился у Петра Дмитриевича и воеводы Заброжского многому. Караулы вовремя заметили подкрадывающихся разбойников, и встретил их не сонный лагерь, а залп из мушкетов. Но уж очень много было татей. Утром их всех раздели и вдоль дороги горой сложили, тридцать два мертвяка, да четверо пленных. У вершиловцев тоже одного убили и троих ранили. Молодая жена Силантия – Агафья, четыре года у травниц и монашек училась, раны она им обработала и перевязала. Сказала, что ничего страшного, раны резанные и чистые, должны стрельцы поправиться. Только мёртвого ведь не поднять. Так и получилось, что ещё в дороге отряд уменьшился на троих, а если с ранеными считать, то на шестерых.

Самое большое село, что досталось князю Пожарскому Петру Дмитриевичу, было Берёзовое. В него вечером того дня, что начался с нападения татей и въехали. Село стояло

на берегу совсем не широкого в этом месте Днепра, и было в нём шестнадцать дворов и небольшая церквушка с молодым и дородным батюшкой. Разбили на околице палаточный лагерь, Силантий успел осмотреть село и переговорить со старостой, совсем уже древним старцем Иваном Будиновым, безрадостно всё было. Жили люди почти в землянках, и было на шестнадцать дворов двенадцать коровёнок и семь лошадёнок, по другому эту живность и не назовёшь.

Силантий сразу выдал старосте семенную пшеницу и рожь, как раз время сева было. Утром он разослал стрельцов во все остальные одиннадцать деревень, что Петру Дмитриевичу перешли. Нужно было старост с тех поселений доставить в Берёзовое, тоже ведь семена раздать надо, да и переговорить с мужиками, узнать, как те живут. Оказалось, что семь деревенок из двенадцати находятся практически одна возле другой. Из оставшихся пяти, три тоже стояли вместе, а вот одна деревенька в семь дворов и село в двадцать три двора с церковью и небольшой пристанью находятся почти в дне езды, причём село на юге, а деревенька на севере. Что ж, эту деревеньку с красивым названием «Реченька» точно придётся осенью переселять. Силантий наметил на имеющейся карте все двенадцать поселений. Если Реченьку переселить к западу от Берёзового и сделать её центром, то за исключением села с пристанью «Стёжкино», все княжеские новые вотчины будут не дальше чем в часе езды. Силантий со стрельцами выехал на определённое им место и остался

выбором доволен. Есть небольшая речушка, левый приток Днепра, есть лес недалеко и полно земли, Кроме того имелся небольшой холм, на котором и решили разбить острог. Места тут беспокойные, малую крепостицу иметь просто необходимо.

Приезжали старосты, получали семенное зерно, приехала бригада плотников из Смоленска, печник, кирпичник и черепичник искали глину нужную и нашли, всё, вроде, потихоньку налаживалось, но тут грянула беда. Силантий выдал деньги старосте Берёзового на покупку двадцати коров и двадцати пяти лошадей, чтобы у каждого было по две лошади, да по две коровы, как в Вершилово. И хорошо, что не послал, как хотел, пару стрельцов сопровождать огромное стадо из Смоленска. Заняты были все, на месте новой «Реченьки» поднимали две казармы для стрельцов и терем для Силантия, да пять домов для мастеров, что перебрались из Вершилова.

Уже под вечер второго дня прибежал один из парнишек, что перегонял стадо и захлёбываясь слезами, рассказал, что час назад, уже на подходе к Берёзовому, налетели стрельцы из Смоленска и стадо угнали, а старосту Ивана Будинова избили за то, что он лошадей да коров не отдавал. На вопрос, сколько этих стрельцов было, парнишка только выпалил: «много», и снова заревел. Силантий бросился к старшему над стрельцами вершиловскими десятнику Фоме Исаеву. Догнали смолян через пару часов, совсем уже стемнело.

Те разожгли три костра и жарили на вертелах мясо, а часть стрельцов стадо стреноживало. Далеко и не ушли, да со стадом быстро и не получится, как корову не понукай, это не лошадь, шибко не побежит. Исаев придержал коня Силантия и первым выехал на освещённое кострами место. Чужих стрельцов и правда, было много, десятка три. С Силантием же было всего пятнадцать вершиловцев, только вчера прибыл из Москвы Фрол Беспалый, похоронивший отца, да не один прибыл, а со всей своей большой семьёй, мать, бабка, да семеро братьев и сестёр. Самому старшему из братьев Фрола только четырнадцать, не на него же такую ораву оставлять. Коровин пообещал для семьи Беспалого дом построить в первую очередь, уже сегодня и начали.

– Кто такие, а ну стоять! – к Фоме Исаеву и Силантию бросилось несколько стрельцов, оцетинились бердышам.

– Я управляющий князя Петра Дмитриевича Пожарского, – Силантий хотел слезть с коня, но Фома его придержал.

– И что надо, – на освещённое место вышел здоровущий мужик в дорогих одеждах. Фома был выше князя Петра Дмитриевича на полвершка или сантиметров новомодных на шесть, а этот был ещё выше и в плечах Исаеву не уступал.

– Зачем вы наших коров и лошадей угнали? – начал было Силантий.

– Да ты сдурел, что ли холоп! Я товарищ воеводы Смоленска московский дворянин Тихон Петрович Осташков. И стадо это наше. Пошли вон, пока плетей не получили, – Осташ-

ков свистнул и от костров и от стада стали сбегаться стрельцы, на ходу выхватывая из ножен сабли.

– Поехали, Силантий, – потянул его за рукав Исаев, – И, правда, ошиблись мы.

Им дали проехать, кто-то даже огрел плетью коня под десятником. Когда добрались до своих, Фома успокоительно похлопал Коровина по плечу.

– Ты не суетись, Силантий. У них сила, да и товарищ воеводы, власть не малая. Мы как докажем, что коровы и лошади наши?

– Да, у нас староста и мальчишки, целых десять видаков, – ершился управляющий.

– Они холопы, а Осташков этот – московский дворянин и товарищ воеводы.

– Так, что отдать им всё? – выпучил глаза Коровин.

– Зачем отдать. Я прикинул, их десятка три. Сейчас они поедят, да посты выставят, а под утро успокоятся и расслабятся, не дождавшись от нас ни каких действий. Вот тогда мы на них и нападём.

– Свои ведь, русские, – почесал затылок Силантий.

– Убивать не будем, постараемся, по крайней мере. А тати своими быть не могут, нет у разбойника национальности, – махнул рукой десятник.

Не получилось. Смоляне попались матёрые. В результате утренней схватки у смолян восемь убитых и десятков раненых, у вершиловцев трое раненых, один тяжело, стрельцу

пулей от пищаля раздробило руку. Силантий с Фомой обошли побоище и вздыхали оба. Не понятно, что делать дальше. Хоть убивай всех и тела закапывай. Не стали. Совесть не позволила своих убивать связанными. Оружие отобрали, коров и лошадей своих забрали, одной коровы не хватало, её, стало быть, вечером и жарили.

– За убитую корову мы у вас лошадь заберём, – сообщил связанному Осташкову Фома и его коня и увёл под уздцы.

Одного стрельца послали аккуратно проследить за смолянами, что те делать станут. Вот через два дня он и прискакал на взмыленном жеребце.

– Воевода Смоленска князь Юрий Андреевич Сицкий собирает сотню в поход на нас! – выпалил стрелец и голову в кадку с водой сунул, чуть всю не выпил.

Исаев махнул рукой. Как бы говоря, что этого и следовало ожидать.

– От сотни-то отобьёмся. Только ведь это бунт уже. Полк пошлют.

– Когда выступают? – спросил у оторвавшегося, то кадки с водой стрельца Коровин.

– Через день и два дня на дорогу, часть пешая будет.

И вот теперь Силантий лежал в новом своём тереме, ещё полностью не законченном, лежал на лавке и умирал со стыда. Он провалил порученное задание, что будет с ним, Коровин не думал, думал, как исправить ситуацию. Князь Пётр Дмитриевич не раз повторял, что нет безвыходных положений.

ний, нужно просто подумать, как следует.

– Стоп, – подскочил с лавки Силантий, – А ведь воевода не единственная власть в Смоленской губернии, есть ещё Государев дьяк.

– Фома, готовьтесь к обороне, а я в Смоленск одвуконь метнусь, нужно с Государевым дьяком потолковать.

Событие девяносто первое

Государев дьяк вновь образованной Смоленской губернии Илья Трофимович Озеров сидел у себя в горнице и размышлял. Попал Озеров на это место незнамо как, до этого он был дьяком в Каменном приказе, помощником дьяка Игнатия Полозова – главы этого Приказа. Месяц назад вызвали его к Великому Государю, тот задал пару вопросов, про семейство, да желание поработать в Смоленске, и отправил указ на утверждение в Боярскую Думу. И вот уже две седмицы Илья Трофимович вникает в дела губернии.

Народу в Смоленске осталось совсем мало. Когда чуть больше десятка лет назад Сигизмунд осадил город, в нем было почти тысяча дворов, а когда город ляхи взяли, осталось смолян всего двести человек. С тех пор Смоленск был под ляхами, и русского народу шибко не прибавилось, а зимою Речь Посполитая город Руси вернула, и почти все жители ушли с войском польским. За те несколько месяцев, что Смоленск находился под властью Михаила Фёдоровича Ро-

манова, население достигло, может пяти сотен человек, из ближайших сёл, спалённых войною, кто пришёл, да немного старых исконных смолян вернулось. Одним словом – разор и запустение.

С мелкими городками по границе и того хуже – всё население одни стрельцы. Вот только в сёлах русские люди и остались. Илья Трофимович уже и не рад был, что согласился на эту должность. Торговли толком нет, производств тоже, а вот татей хоть отбавляй, и ляхи забредают пограбить и своих хватает. Да, Смоленская губерния это не Нижегородская с её Пурецкой волостью. Там вон и Государевы дьяки резко в гору идут. Фёдор Фёдорович Пронин князем стал и воеводой, а Акинфиев Трофим Силыч следующий дьяк Нижегородской губернии выбился в главы нового Дорожного Приказа. Сколько денег проходит через этот Приказ, и помыслить трудно. И не князя, какого поставили этим выгодным Приказом руководить, а дьяка. Чудеса.

– Илья Трофимович, там посетитель до вас, – заглянул в горницу подьячий, отрывая Озерова от дум важных.

Он хотел было послать просителя подальше и отобедать сначала, вон и солнце уже в зените, но передумал отчего-то, скорее всего из-за непонятного выражения на лице подьячего.

– Кто там? – потянулся Озеров.

– Управляющий князя Пожарского! – выпучив глаза, просипел помощник.

Вот так – так. Только он подумал о Пурецкой волости, а тут управляющий самого Пожарского к нему просится.

– Какого Пожарского? – решил не вспугнуть удачу Илья Трофимович.

– Петра Дмитриевича, – развеял его страх подьячий.

Дела. Что же это хозяину Пурецкой волости то него надо. Ну, пусть не самому хозяину, а только управляющему.

– Зови, – Илья Трофимович сел на лавку перед столом и, придав лицу озабоченное выражение, уткнулся в первую попавшуюся грамотку.

Через пять минут, выслушав то, что поведал ему этот молодой человек, озабоченное выражение лицу уже придавать не надо было. Озаботили его дальше и некуда. Озеров ни на секунду не усомнился в словах управляющего князя Пожарского, а вот что делать, пока не решил. Судьба решила улыбнуться ему всеми тридцатью двумя зубами?

– Говоришь, стекольный завод Пётр Дмитриевич в следующем годе собирается здесь ставить? – переспросил он, потея от волнения.

– Собирался, только татей тут много больно, – криво усмехнулся юноша.

– Ты, Силантий, тут пока посиди. Пойду я, попробую горю твоему помочь, да количество татей в губернии-то поуменьшить, – Государев дьяк бочком выполз из-за стола и скрылся за дверью.

Первым под руку попался подьячий Онисим Изотов, что

доложил о просителе.

– Что дал управляющий? – схватил он его за грудки и при-
тянул к себе, сверля глазами.

– Пять рублёв, – проблеял перепуганный помощник и по-
казал золотую пятирублёвку новую.

– Зайди, верни и на коленях умоляй простить, мол, лука-
вый попутал, – бросил Илья Трофимович и полетел дальше,
боясь, что удача всё же обманет.

Воевода был на дворе. Утром к Берёзовому ушла сотня
стрельцов, тридцать человек конных и семьдесят пешцев,
сейчас воевода готовил в подмогу ещё два десятка конных,
в основном дворян с боевыми холопами.

– Юрий Андреевич, давай-ка отойдём. Дело государствен-
ное у меня, – шёпотом сказал Озеров и, не оборачиваясь,
пошёл к конюшням, где народу не было.

Князь насупился, но перечить не стал, пошёл за дьяком.
Молод был князь Сицкий, едва три десятка стукнуло, а Озе-
рову уже давно шестой шёл. Понятно он князь, но не успел
ещё Юрий Андреевич заматереть и спеси набраться.

– Знаешь ли ты, князь, против кого сотню стрельцов по-
слал? – зарычал на Сицкого Илья Трофимович, едва они
остались одни.

Это было нарушением всех устоев, но Озеров сделал это
умышленно, нужно было подавить в этом юнце любое воз-
можное сопротивление.

– Против татей, на стрельцов наших напавших, – ни чего

не понимая дёрнулся князь, освобождая рукав за который его схватил дьяк.

– Я знаю, кто твой отец. Андрей Васильевич Жекла Сицкий боярин и глава Поместного приказа. Большой человек. Только в этом деле он тебе не поможет. Связался ты, Юрий Андреевич, с тем, кто выше и тебя и отца твоего. Да не с одним связался, а с несколькими сразу и все выше.

– Что ты мелешь, – попытался выдернуть вновь рукав воювода.

– Товарищ твой Тихон Петрович Осташков напал на холопов и отнял у них коров и лошадей, а холопы эти с села Берёзовое принадлежат князю Петру Дмитриевичу Пожарскому меньшому, а до этого были холопами боярина Владимира Тимофеевича Долгорукого, он их в приданное дочери отдал, что за Петра Дмитриевича замуж вышла. Ты думаешь, почему те «тати» малым числом три десятка стрельцов твоих побили. Да, потому, что это вершиловские стрельцы, те самые, что зимою у ляхов шесть городов без единой пушки взяли, те самые, что горы трупов всегда за собою оставляют. А я ещё думал, кто это на московском тракте гору мертвяков седмицу назад уложил. Считаю, нету у тебя уже этой сотни, князь. Перестреляют их вершиловцы. Готовь весь полк. Может и справишься. Только ведь через несколько дней гонец от Государя прискачет и спросит, не ты ли тот князь, что побил холопов Петра Дмитриевича, который половину всех податей казне даёт, да погубил героев войны с ляхами, да ото-

брал животину у людей друга патриарха Филарета. По тебе ли это дерево, Юрий Андреевич? – Озеров отпустил рукав Сицкого и укоризненно покачал головой, – Товарищ ли тебе тать и конокрад Осташков? Не знаю как ты, а я пошлю сейчас людей из Разбойного Приказа в железа его имать.

– Так что же делать? Спустить что ли им, – воевода махнул рукой за ворота, – убийство семи стрельцов и ранение ещё десятерых.

– Нет! Спускать ни как нельзя. Нужно скакать что есть мочи одвуконь в Берёзовое и раненым вершиловским стрельцам подарки дорогие дарить, да холопам тоже, тем что «товарищ» твой избил да обокрал. Управляющий их Силантий Коровин сейчас у меня сидит, с него начинай вину искупать. И гонца-то отправь сотню вернуть. На сто стрельцов и одного князя больше будет у Государя.

Событие девяносто второе

Отец Парамон сошёл на дощатую пристань Белорецка, встал на колени и троекратно перекрестившись, положил земной поклон, стукнувшись лбом.

– Доплыли! Сподобил Господь! – поп ещё раз троекратно перекрестился и пошёл по шатким мосткам назад, за женой и чадами. Чад было у отца Парамона не мало. Трое девок и семь пацанов. Жена его родила двенадцать детишек, но двоих в разное время Господь забрал на небеса, ну, на то его

воля.

Ещё три месяца назад настоятель церкви в большом селе Будиново близ Арзамаса и не помышлял о переезде на Урал камень. Он даже не поверил нарочному, который прискакал из Нижнего Новгорода на взмыленном коне, что его требует к себе патриарх Филарет, находящийся сейчас в Вершилово. Откуда это сам патриарх знает о ничтожном рабе божьем Парамоне. Оказалось просто. На Урале на речке Миасс zaloжили новый город с тем же названием и нужен туда грамотный священник, что умеет детей учить. Вот патриарху и рассказали об отце Парамоне, который в Будиново всех крестьянских детей вместе со своими чадами письму, счёту и слову божьему обучает зимою.

В Вершилово отец Парамон как въехал с открытым ртом, не переставая креститься, так и не закрывал его, пока не предстал перед главою русской православной церкви. Ровные чистые улицы, дома из кирпича с черепичными крышами, громадина собора с мозаикой на стенах, чудесные росписи внутри храма, даже дверь сама распахнулась перед священником. Такого даже в сказках не бывает.

– Кто же надоумил тебя отче детей крестьянских грамоте учить? – после того как отец Парамон приложился к перстню с кровавым рубином на деснице патриарха спросил тот находящего почти в полуобморочном состоянии попа.

Собрал мысли в кучку священник, успокоился чуток, и ответил.

– Так, Ваше Святейшество, своих чад учу, ну и остальных детишек, али не можно это?

– Ты, отче, не бойся, всё ты правильно делаешь, побольше бы нам таких-то священников, грамотный человек сможет слово божие прочесть и себе и другим, благое то дело. Наградить тебя хочу, – патриарх подошёл к попу и приколот к рясе домотканой круглую штуковину на ленточке голубой, – Это «медаль» написано на ней что, сам прочти.

Отец Парамон скосил глаза и прочитал:

– «За укрепление православия»!

– Носи. Заслужил. Только есть для тебя и вторая награда. Поплывёшь ты, как реки вскроются, на Урал камень в новый город Миасс и возглавишь там приход православный, будешь язычников тамошних крестить и приводить под длань Господа нашего Иисуса Христа, ну и детишек учить, – патриарх троекратно перекрестился, глядя на чудесную икону с Господом, парящим в небесах с голубками вокруг.

Невиданной красоты икона и большая, без оклада, да и нужен ли оклад даже золотой при такой красоте.

– Всё, отче, ступай, езжай домой за семьёй. Передай приход помощнику своему пока, после я туда нового настоятеля назначу и дело твоё загубить не дам, продолжит он детей грамоте и слову божьему обучать, а ты через седмицу, чтобы здесь был, реки вот-вот вскроются, а раньше успеешь, ещё краше. Дорога дальняя, чем быстрее отправитесь, тем лучше.

Как после выяснилось, не один он плывёт в даль неведомую, на соседнем судёнышке был ещё один священник с семьёй. Звали его отец Гераклион, и был он настоятелем храма в Вязниках, что на Владимирском тракте. Его патриарх Филарет тоже наградил медалью. Из разговоров на вечерних стоянках каравана выяснилось, что отец Гераклион не только детей в своём приходе грамоте обучает, но ещё на субботней и воскресной заутрене читает верующим Ветхий завет, Евангелие и Жития святых разные. Даже обидно стало отцу Парамону, и как он сам до такой простой мысли не дошёл. Ничего, вот приедут в Миасс, и будет и он пастве по субботам и воскресеньям с аналоя библию читать, не все ведь грамоте разумеют, а о деяниях Господа и святых знать должны люди православные.

Дорога была долгой. Почти полтора месяца судёнышки шли сначала по Волге, потом уже вверх по течению Камы, и последнюю часть пути по реке Белой. Во время стоянок ночных на Волге, пока караваны ещё не разделились, довелось отцу Парамону пообщаться с князем Петром Дмитриевичем Пожарским. Тот принёс священнику кипу новых, пахнущих ещё краской учебников. Там и азбука была и математика для первого и второго класса школы, и даже чудной учебник по Астрономии, науке такой, что ход планет и звёзд изучает. Учебник на две части делился, в первой, для малышей рассказывалось о том, как устроена система Солнечная, да Земля, почему бывают зимы и вёсны. Как всё просто оказалось,

и как продумал всё Творец, когда землю-то создавал, просто взял да на бок немного завалил планету нашу, а людям все четыре времени года подарил. Велик был замысел Господень. Вторая же часть учебника чудного была про движение планет, только отец Парамон ничего там не понял, вот он и спросил князя, а детишки поймут ли.

– Вторую часть Астрономии будут в шестом классе проходить, к тому времени многое дети выучат, легко поймут, – улыбнулся юноша, сверкнув голубыми глазами.

А отец Парамон не успокоился, а наоборот заволновался.

– В Вершилово немцы, что университеты закончили детишек учат, а кто же будет столь сложную науку в Миассе да Белорецке преподавать?

– С нами плывут учебники для первого и второго класса школы, тут на тебя отче вся надежда. Сам учебники прочти, а потом уже детей по ним учи. На следующий год пришло учебники для третьего класса и пару пацанов посообразительней из вершиловской школы, что закончили пять классов. Один год они третьеклассников поучат. Летом они назад уплывут, а приплывут несколько ребят, что уже шесть классов закончили. Ну и так до тех пор, пока не окончат нашу Вершиловскую школу, а потом и университет мальчишки. Вот они потом и будут по всей Руси людей учить, в том числе и в Миассе с Белорецком.

Отец Парамон соглашаясь, покивал головой:

– Великое ты дело Пётр Дмитриевич затеял, и город ве-

ликий строишь.

Князь хитро улыбнулся.

– Не город Вершилово. Село. Хоть и большое. В городе не количество людей главное и городская стена, от которой слово город и происходит. Город – это когда в нём университет есть, больница, школы, библиотеки, театры, цирк, канализация. Много чего надо, чтобы село городом стало. Может лет через пять Вершилово-то и станет городом. Ну, а и от тебя, отче, теперь зависит, чтобы и Миасс городом стал. Много работы. Только бояться её не надо. Работу надо работать.

Чудной юноша.

Событие девяносто третье

Три дня добирался отряд до озера Баскунчак. Трава в рост человека делала поход очень и очень неспешным. Пётр Дмитриевич Пожарский карту этих мест представлял себе плохо и всё время опасался, что может, они чуть южнее взяли и уже мимо озера солёного проехали. А потом к середине четвёртого дня вдруг понял, что сейчас они уже по озеру едут. Сначала трава, с которой три дня боролись, продвигаясь вперёд в час по чайной ложке, стала редеть, а потом превратилась и вовсе в чахлые кустики. А вскоре и совсем кончилась, под ними была серая пустыня. А где же озеро? Пётр спрыгнул с коня и попробовал кинжалом ковырнуть землю. А земли-то и нет. Соль под ними, только припоро-

шённая пылью.

– Всё, православные, прибыли, – радостно сообщил князь своему отряду, обернувшись и увидев Чепкуна, вдруг сообразил, что не знает, какой веры сын князя Разгильдеева, отец, вроде, православный.

Чепкун под взглядом Пожарского перекрестился. Ну, значит точно все православные. Народ поспрыгивал с коней и тоже стал в пыли ковыряться и пробовать её на вкус. Один из стрельцов достал притороченное к седлу кайло и несколько раз им по земле ударил. А под пылью оказалась почти белая соль, ну не такая, конечно, как привык видеть генерал Афанасьев в двадцатом веке, но и не сильно серая и грязная, как то, что выдавали за соль сейчас.

– Сколько же стоит сия пустыня? – обвёл руками вокруг себя отложивший кайло стрелец.

– Да, Строгонову это не понравится, – усмехнулся Пожарский.

Сейчас-то соль на Руси была почти вся из одного места – с Соли Камской, и были купцы Строгоновы единоличными владельцами этих соляных богатств. Монополисты. Всё, товарищи, хватит. Отсюда как бы и не ближе и выпаривать ничего не нужно, руби кайлом открытым способом и доставляй на берег Волги. И соль чище. Афанасий Иванович помнил, что как-то по телевизору видел, что в этой соли NaCl почти 100 процентов. Нужно теперь только город-пристань на Волге основать, да шахтёрский городок здесь. Ну и до-

рогу нормальную проложить. Желательно бы вообще железную дорогу здесь построить. Вроде бы тут чуть больше пятидесяти километров. Если двухпутку строить, то это пусть двести пятьдесят километров рельса. Метр весит десять килограммов, получается двадцать пять тысяч тонн. Много. А если однопутку, тогда пусть тринадцать тысяч. Тоже не мало. Значит нужно рельс облегчить. Ну, это в будущем порешаем, пока на телегах повозим. Тут даже грунтовку с гравийным покрытием не просто будет построить, где-то нужно камень брать и дробить, да сюда доставлять на лодьях. Ужас сколько работы.

Отъехали назад, ища границу озера. Нашли место, и как раньше не заметили, где земля соляным налётом покрыта. Поковыряли. Скорее всего, тут и есть граница. Но ведь где-то должна быть и вода, генерал помнил, что в том фильме, что он видел про Баскунчак, люди лежали на поверхности воды и не тонули, как в Мёртвом море, а потом ещё и грязевые ванны показывали. Где же всё это? И нужно ли это искать. Здесь даже следов пребывания человека нет, а начнёшь искать грязевые ванны, и наткнёшься на грязных степняков. Где-то здесь и кочевья ногаев и через эти места калмыки или, как оказалось – торгуты, движутся сейчас к нижнему Поволжью, чтобы основать «Республику Калмыкию» с городом Элистой во главе. Хотя страусиная политика князю тоже не нравилась. Он сюда людей привезёт, а через них миграция торгутов и пойдёт, а их десяток тысяч, а может

и того больше. Стопчут. Ещё ведь и с другой стороны посмотреть нужно, не может такое прибыльное место никому не принадлежать. Должны здесь соль добывать. И то, что её здесь много, конкуренцию не отменяет. Нет. Рано возвращаться, нужно по краешку озера осторожно на восток проехать.

Тронулись утром. А часам к десяти встали. Поднялся небольшой ветерок и солнце стало припекать, дышать сразу стало нечем. В горле першило и глаза слезились. Пришлось свернуть круче к югу, а ещё через пару километров встать и установить палатки, спасаясь от ветра и солнца. Не просто тут людям будет жить и соль добывать.

Когда солнце склонилось к горизонту, и ветер из сильного стал вполне умеренным, тронулись дальше и опять почти сразу остановились. Чепкун первый заметил дымок на горизонте прямо по ходу отряда. Ну, вот и конкуренты. Приближаться к ним засветло князь Пожарский не решился, их десяток конечно с сотней степняков справится, а там всего один дымок, но лучше в темноте разведать, от шальной стрелы лучше поберечься, времени впереди полно, несколько часов ничего не решают.

На разведку выехали почти сразу, быстро темнело, а ветер был попутный. Значит нужно взять гораздо севернее, обогнуть стоянку неизвестных и постараться приблизиться к ним с противоположной стороны. Если у «товарищей» есть собаки, то учуять при таком ветре не должны, лошади тем

более. Пётр сначала хотел отряд разделить, половину оставить с пристяжными конями, но передумал. Всем табором по большой дуге обогнули чужой лагерь и подъехали, когда уже совсем стемнело на расстояние в полкилометра с северо-востока к ним. Дальше уже сам князь, Чепкун, как переводчик, и двое стрельцов пошустрее пошли, пригибаясь пешком.

Плохо. На открытой глади озера близко подойти не удалось, метров за триста до лагеря предполагаемого противника Пётр остановился, лёг на землю и глянул на костёр в подзорную трубу. Стрельцы с Чепкуном тоже распластались на припорошённой пылью соли. Стояли у костра пять шатров войлочных, и сидело пару десятков человек, ужинали. Чем именно, было не видно, но котелка над костром не видно. Кони были привязаны к кольям, близ шатров. Женщин и детей не видно. Ну, двадцать человек не проблема. Начнут стрелять – поубиваем, не начнут – поговорим.

Тронулись утром, размахивая саблей с привязанной к ней белой тряпицей. Не помогло. Чужой лагерь заулюлюкал и, размахивая сабельками, и пуская стрелы, весь устремился навстречу. Залп из двенадцати мушкетов половину наступающих смёл, но не остановил. Когда степняки приблизились на расстояние пистолетного выстрела, ещё один залп дали. На лошадях осталось двое, они пытались быстро развернуться и удрать, но в коней из арбалетов попали и те кувыркнулись. Оглушённые воины хоть и зыркали глазами исподлобья, но себя связать позволили. Спрашивается, чего стре-

ляли и улюлюкали, мирно ведь с белым флагом ехали. Из дальнейшего «разговора» выяснилось, что это опять торгуты. Разведка очередная. Ищут ногаев. Вот, что с ними делать? Точно придётся весь вершиловский полк приводить и разборки по полной программе устраивать. Иначе этих горячих парней не остудить. Пока дали по коню и отпустили, чтобы эти «разведчики» своего великого Хо-Урлюка хана торгутов и потомка сотрясателя вселенной великого Темучина оповестили, что второй раз его люди нападают на людей князя Пожарского, и второй раз он их бьёт. Если будет третье нападение, то князь Пожарский соберёт все свои войска и истребит всех, до последнего старика, торгутов. Поэтому, прежде чем на кого-нибудь напасть, пусть спрашивают, не люди ли это князя Пожарского.

В успех этой дипломатической миссии Пётр верил слабо. Он отлично понимал, что степняки на такую угрозу, скорее всего, не поведутся. Ну, хоть совесть будет чиста. Предупредил ведь.

Событие девяносто четвёртое

Ян Баптиста ван Гельмонт завёл в последние полгода себе привычку. Он садился к камину, наливал в бокал из стекла, что производили в Пурецкой волости, испанского сухого красного вина и читал письмо от князя Пожарского из этой самой волости. Вино могло быть разным. Было вкусное, бы-

ло не очень. Один раз оказался почти укус. Погода могла меняться, сейчас был разгар лета и только что прошёл дождь, свежий ветер дул с побережья. Хорошая погода. А мог быть мокрый снег или просто блёклый пасмурный день. Только письмо было всегда одно и то же. Его звали переехать в Российскую империю, в Пурецкую волость, в село Вершилово. Там ему дадут дом, слуг, если у него их нет, кабинет в Академии Наук и возможность заниматься наукой, его любимой химией и медициной. Правда, там ещё нужно будет учить детей в школе, но в этой же школе учат детишек и Кеплер и Майр и Мёстлин и Симон Стивен и Исаак Бекман и даже знаменитый художник Рубенс. Ни один университет в Нижних землях, да и нигде в Европе не может похвастать таким набором учителей. Только это далеко не все имена, там есть и известный всему просвещённому миру математик и поэт Клавдио Акиллини, есть известнейший математик и механик Йост Бюрги, есть доктор Антуан ван Бодль, ученик самого Амбруаза Паре. Там, в этом Вершилово, собрались уже практически все самые известные профессора и учёные, самые известные художники, лучшие музыканты и композиторы. Вот только его Яна Баптисту, да может ещё Галилея не хватает. И туда продолжают съезжаться и учёные, и художники, и литераторы и архитекторы. А ещё в этой школе могут учиться и его дети.

Почему же он всё ещё сидит у камина в своём городке

Вилворде недалеко от Брюсселя и вместо того, чтобы собираться в эту империю, сидит себе на стуле и попивает красное испанское сухое вино? Хотел ли он жить в одном городе, ну пусть, селе, с Рубенсом и ван Бодлем, спорить по вечерам с Дезаргом и Йостом Бюрге о Кабале и мистицизме, да, конечно же, хотел. Он был ещё не стар, совсем недавно отметил сорок вторую годовщину. Он ещё может переехать и начать новую жизнь. Он – может. Не хотела ехать жена. Со слезами и криками не хотела. Его Маргарет родилась в семье богатой и знатной. Все в Брюсселе знали ван Рапстов. Сам Ян Баптиста на родителей тоже не жаловался, его отец был прокурором в Брюсселе и членом городского Совета. Мать Мария ван Стассарт тоже была из богатой семьи торговцев. Два брата ван Гельмонта закончили юридические факультеты того же университета в Лёвене и сейчас пошли по стопам отца. А вот с Яном прокурору не так повезло. Его привлекли химия и медицина. После окончания университета Ян Баптиста долгое время путешествовал по Европе, бывал и в Швейцарии и во Франции и даже больше года прожил в Англии, ходил на публичные лекции в Кембридже. В 1605 ван Гельмонт приехал в Антверпен, и там его застала эпидемия чумы. Из города выбраться было невозможно, да Ян Баптиста сильно и не хотел, он помогал ухаживать за больными. И ничего, бог сжалился над молодым человеком. Через четыре года в 1609 году он получил степень доктора по медицине в своём университете, но преподавательская дея-

тельность молодого доктора не манила, он женился на Маргарет и на деньги отца и приданное жены купил себе дом в пригороде Брюсселя Вилворде и пристроил к дому большую лабораторию. И вот уже больше десяти лет занимается своим любимым делом. За эти годы у них с Маргарет родилось семеро детей, правда, три недели назад самый младший сын Яна Баптисты умер, родился слабеньким, да ещё простыл весной. Ну, да бог дал, бог взял. Их Марк Симон точно уже на небе. Радовал отца восьмилетний Франциск Меркурий – второй сын. Он всё свободное время проводил с отцом в лаборатории. Мальчик всё понимал с полуслова, из него в будущем выйдет замечательный учёный.

Сегодня ван Гельмонт закончил свой опыт с ивовой ветвью. Ровно пять лет назад он взял 200 фунтов сухой земли и ивовую ветвь с проросшими корешками, ветвь весила 5 фунтов. Ян посадил ветвь в кадку на участке рядом с домом, единственное, что вносил в землю учёный, была вода. Вчера он выкопал ивовое дерево и взвесил его. Вес составил 164 фунта, вес земли при этом уменьшился всего на 2 унции. Получается, что всё необходимое для своего роста ива взяла из воды. Он уже представлял, как напишет статью по этому поводу, когда в зал зашла Маргарет и увидела мужа с этим злосчастным письмом. Ян Баптиста хотел убрать его, но жена не дала.

– Как думаешь, Ян, сможем мы там купить зеркало как у бургомистра? – глаза жены были мокрыми от слёз.

– Что случилось, Маргарет, – ван Гельмонт вскочил и порывисто обнял жену, прижимая её к себе.

– Эта проклятая гусыня – жена бургомистра, сегодня на собрании нашего комитета целый час хвастала, что её муж купил зеркало из Пурецкой волости размером четыре фута на два. И ещё звала всех в гости посмотреть на это чудо, – жена снова зарыдала.

И ван Гельмонт решил не упустить этот шанс.

– Конечно же, любимая, там, в Вершилово мы сможем купить себе такое зеркало, более того, я слышал, они сейчас делают зеркала ещё больше – три фута на четыре, – Ян Баптиста отпустил жену и показал руками размер зеркала.

– Собирайся, через неделю отплывает корабль отца в Ригу. Мы едим в эту Пурецкую волость. Пусть эта гримза ван Тиис повесится от зависти перед своим маленьким зеркальцем.

Событие девяносто пятое

Княжич Фёдор Пожарский всё яснее понимал, что как бы ты хорошо не планировал свои действия, а жизнь всё равно по-своему переделает. Он прогуливался по берегу реки Миасс и внимательно всматривался в сероватую воду надеясь найти крупитцы золота, вон, сколько его уже намыли. Золото не попадалось, зато это занятие не мешало думать и вспоминать. В каждой точке своего, всю весну планируемого

маршрута, Фёдор натыкался на непредвиденные трудности. В Уфе не хватило кораблей. В Михайловске, куда он привёз мастеров, чтобы они местным построили дома и другие хозяйственные постройки по типу вершиловских, оказалось, что домов надо строить не два десятка, а гораздо больше. И леса поблизости строевого не осталось. Часть ушла на расширение крепости, часть на строительство домов, которые теперь разбирать придётся, часть за зиму перевели на дрова. Теперь придётся валить лес выше по течению Белой, связывать в плоты и сплавливать до Михайловска, а это время. С Фёдором прибыло десять семей мастеровых: шорники, кожевники, ткачи и один столяр, это уже десяток домов, да оказалось, что с того момента, как Пётр проплывал летом из Миасса назад в Вершилово поселение на правом берегу Белой сильно увеличилось, было два десятка дворов, а теперь тридцать семь. Крестьяне, узнав про беспошлинное житьё в новом городке, побросали свои халупы и построили такие же полуземлянки здесь. Плюс приехал поп – отец Серафим, осенью ещё начали клётскую церквушку строить и дом батюшке. А ещё в крепость переселились несколько семей, да сами стрельцы оженлись. Вот и выходило, что бригаде строителей, что привёз с собой княжич, нужно возводить шесть десятков домов со всеми пристройками. Старший в этой бригаде, плотник Козьма Небогатов, Фёдору сразу сказал, что за эти два месяца, что планировалось, они столько не построят. Это по одному двору в день получается. Чудес

не бывает. Да и лесу нет.

С лесом случай помог, княжич приплыл в Михайловск утром и собирался пробыть два дня, давая отдых скотине и людям, а под вечер пристала лодья того самого плотогона Иркена-Игоря, что брата провожал до устья Белой в первом его плавание на Урал камень. Он со своей бригадой, в основном из родичей состоящей, снова плыл лес валить и сплавливать его в Уфу. Фёдор с ним переговорил, и лес этот перекупил, даже деньги лесорубу вперёд отдал. Иркен же и совет княжичу дал, как всё же попытаться выполнить планы по перестройке Михайловска.

— Ты, княжич, лодьи-то, что мастеров да переселенцев привезли, назад в Уфу отправь с шустрым человеком, пусть он на торгу покричит, что плотники, да печники тут нужны до осени, да и просто желающие деньгу заработать, лес ошкуривать особых знаний не надо. Только деньгу придётся немалую посулить, в Уфе тоже работы хватает.

Фёдор так и сделал. Три лодьи отправил назад в Уфу и старшим оставил одного из десятников стрельцов Тимофея Нагибина, как раз малый шустрый и на язык востёр, уговорит мастеров подрядиться. Денег Тимофею Фёдор сразу отсыпал, по два рубля за человека, если лодьи по пятнадцать человек возьмут, то это больше четырёх десятка-то в помощь к вершиловцам. Может, и успеют тогда привести Михайловск в божеский вид. Только Фёдор об этом только в конце августа узнает, когда домой поплывёт.

В Белорецке проблема та же самая возникла. Туда переселялось двадцать четыре семьи мастеровых, да плюс батюшка с семьёй, да ещё одна семья из Михайловска напросилась, прельстились видно на рассказы о золоте. Домов же Никита Михайлович Шульга построил, как и обещал двадцать. Получалось, что срочно нужно строить церковь, школу, где отец Гераклион будет детей учить и шесть домов. Хорошо хоть целины почти не надо распахивать, крестьянских семей всего три, считая ту, что из Михайловска прибилась, да и то одна-то из семей бортники, нет, сеять они рожь с пшеницей тоже будут, но двумя гектарами обойдутся. А ведь в Белорецке это не в Михайловске, тут за подмогой в Уфу не пошлешь. Помог Никита Иванович Шульга, народ весь в Белорецке на вече собрал и попросил поднатужиться в очередной раз, церковь-то со школой для себя ведь. Фёдор на неделю в Белорецке задержался и сам поучаствовал в строительстве и брёвна ошкуривал и ямы копал. Пётр говорил, что если народ увидит, что княжич работает наравне со всеми, то и горы свернуть может. Не ошибся брат и здесь. Никому не хотелось от княжича отставать, и детишки с семи лет начиная и жёнки строить помогали. Считай за неделю-то, и подняли шесть домов и школу и даже церковь начали, но княжич и тут результата не увидел. Ведь ещё и Миасс нужно осмотреть и вникнуть во все дела тамошние.

В самом Миассе пришлось тоже поработать. Ведь с княжичем шестьдесят башкирок прибыло. Пока Фёдор в Бело-

реке неделю топором махал, отец Парамон шестьдесят свадеб и сыграл. Всех неженатых ещё башкир оженил, да ещё и стрельцов больше десятка. Шульга чуть больше пятидесяти домов построил, а переселенцев прибыло почти шесть десятков, да шестьдесят новых семей. Начали строить две новые улицы в Миассе, семьдесят домов – это не шутка. Так ведь ещё и храм нужно продолжать возводить.

А красивый город Миасс получается, почти как Вершилово. Фёдору он понравился.

Событие девяносто шестое

Царь и Великий Государь всея Руси Михаил Фёдорович Романов принимал в Грановитой палате очередных переселенцев в Вершилово. На этот раз рядом сидел его отец патриарх Филарет. Переселенцев было всего трое и все были монахами. Приглашение имел только один. Двое других были его учениками. Приехали они не из вшивой Европы, а почти что свои были. Из Киева были монахи. Старшего звали Захария Копыстенский, он происходил из шляхетской семьи, но был православным. И не только был. Захария написал и издал уже две книги в защиту православия: «Книга о вере единственной» и «Книга о правдивом единстве православных христиан». Ляхи на территории княжества Литовского и землях Червонной Руси или Украины активно насаждали католичество и Униатскую церковь, вот против этого и вы-

ступал Захария. Шляхетское происхождение и удаление Киева от центральных районов Короны Польской пока позволяло Копыстенскому спокойно всем этим заниматься, но он был не дурак и видел к чему всё идёт. До последнего времени в Руси он союзника в своей борьбе не видел. Чехарда на престоле и потеря Московским царством западных земель, не давало ни какой надежды, что с этой стороны будет помощь в его борьбе.

До последнего времени. Совершенно неожиданно для всех Московия легко вернула утраченные земли и заодно и приличный кусок княжества Литовского прирезала и поступила неожиданно, все униатские и католические храмы и церкви на этой территории позакрывала, и вместо них открылись новые – православные. Должны были начаться волнения, но опять неожиданно поступила Москва, взяла да и отменила все подати и налоги, кроме церковной десятины, на два года. И земли с крестьянами не раздала в вотчины своим людям. Ни каких недовольств среди простого народа, паны попытались воду мутить, но сами же крестьяне их на вилы и подняли. Чудно. Не ведут себя так завоеватели. Так, как раз освободители себя должны вести. Если бы не эти чудеса Захария Копыстенский и не подумал бы переезжать в Московию, получив приглашения. Но чудеса были. И звали его не в Москву, а в Вершилово, в Пурецкую волость. Ещё одно чудо. Любопытство перевесило. Захария взял двух учеников из Киево-Печерской лавры, и как только дороги про-

сохли, двинулся в путь.

Всё это монах сейчас рассказал двум Государям и вопрос в конце задал, а чего от него ждут.

Ответил патриарх Филарет.

– Ты, отче, как думаешь, что за война сейчас в Европе идёт?

– Император Фердинанд II воюет против северных немецких княжеств и восставших чехов, – пожал плечами Захария.

– Нет. Это католики воюют с протестантами. То же сейчас и во Франции, там католики уничтожают гугенотов. И бог им в помощь, – троекратно перекрестился Филарет, – Не об этом речь. Католики стремятся всех в мире переделать на свой манер. Справятся с протестантами, и окажется у них два врага всего. Первый это султан турецкий и ислам соответственно, а второй – это православие. Только все остальные православные народы сейчас под пятой того же султана, а мы вот они, одни против всей Европы.

Копыстенский кивнул, с патриархом соглашаясь.

– Наверное, так и есть, Ваше Святейшество, но чего вы хотите от меня?

– Князь Пётр Дмитриевич Пожарский считает, что война эта продлится ещё больше двух десятков лет, как следствие начнутся голод и эпидемии. Русь же пока за стеною Речи Посполитой отсидеться может и усилиться. Науки развить, производства всякие наладить, построить университеты и академии, где, в том числе, и монахов будут учить. Толь-

ко учебников нет, а тем паче учителей. Сейчас тебе отец Захария принесут книги изданные в Вершилово. Это жития святых преподобного Сергия Радонежского и князя Александра Невского, ещё Ветхий завет и молитвенник, ты эти книги прочти внимательно и ровно через седмицу здесь снова с тобой встретимся. Ты же на досуге подумай, что надобно сделать, чтобы учителя нашлись, да и учебники.

Вошедший монах передал ученикам Захарии две связки книг, удивительно маленьких, и проводил их потом в отведённые им в Кремле покои. Сразу после этого монахов накормили отварной рыбой с гречневой кашей и, оставив за дверью покоев служку, чтобы просьбы через него передавать, оставили одних. Копыстенский подивился чудному стулу с мягким сиденьем и такой же мягкой спинкой и, удобно разместившись в нём, открыл первую книгу, бегло посмотрел и взял следующую, а потом ещё и ещё, пока не перебрал все восемь. Интересно. Выходило, что книг всего четыре и каждая издана в двух вариантах. Один вариант на обычном русском языке, а второй был читаем, но мудрён больно.

Книги были напечатаны на тончайшей белоснежной бумаге, и обложки были не из дощечек, обтянутых кожей, а из чего-то лёгкого и обтянутого тканью. Как были между собою скреплены листы, вообще было непонятно, но они точно не были прошиты ниткой. Всё это делало книгу лёгкой и какой-то хрупкой, беззащитной. Шрифт тоже поражал. Буквы не были украшены завитушками, они были одинаковой

высоты и по возможности одинаковой ширины. Это было необычно. Прочитав пару страниц молитвенника, Захария понял, что читать гораздо удобнее и красота стала дорогою просто, а не исчезла. Вот эти ровные строчки были, пожалуй, и краше, чем привычные буквы с вычурными завитками и хвостиками. Строгость и простота. Читалось уж точно легче и быстрее.

Попросив у ученика распорядиться насчёт взвара на травах, Копыстенский открыл на первой странице два варианта молитвенника и начал их сравнивать. Через час он уже освоился с новым русским языком. Без сомнения Кирилл и Мефодий, составившие славянский алфавит, были великие просветители и их не зря причислили к лику святых, но человек, разработавший эти новые правила написания слов и текстов, был им ровней.

Сами книги были просто великолепны, жития были украшены рисунками художника превосходящего всех, чьи картины видел Захария. Они сами по себе, эти рисунки, были шедевром, а всё вместе смотрелось просто чудом. Как бы хотел он, чтобы и его книги были изданы так же. Копыстенский улыбнулся, он понял, зачем ему дали эти книги, теперь он уже точно поедет в Вершилово. Увидеть свои книги вот в таком виде – это не тщеславие. Это – насущная потребность. Такие книги будут покупать, бережно читать и хранить веками. И читать медленно, наслаждаясь самим процессом. И перечитывать. И смысл повествования будет отпечатываться

в душе.

В эту ночь монах не спал. Он осилил Житие Преподобного Сергия Радонежского и только после этого сон сморил Захарию. Следующим вечером Копыстенский открыл Ветхий Завет, но прочитав несколько страниц, отложил книгу и взял другую. Текст несколько отличался от привычного, и Захария попросил, через дежурившего у их покоев монаха, принести любой другой рукописный вариант Ветхого Завета, а сам принялся за прочтение Жития князя Александра Невского.

Через седмицу Захария Копыстенский со своими учениками вновь предстал в Грановитой палате перед Государем и патриархом.

– Что скажешь, отче, о книгах этих, а особо о Ветхом Завете, слышал, что затребовал ты рукописную такую же книгу. Сравнивал? Какие же выводы сделал? – приветливо покивал монаху Филарет, после того как тот прильнул к его руке и отступил крестясь.

– Считал я до сего дня себя грамотным и умным человеком, Ваше Святейшество. Теперь же понял, гордыня это. Тот человек, что книги эти создал и умнее и грамотнее. Если есть в государстве Вашем такие титаны, то зачем я убогий нужен? Только червь гордыни продолжает меня грызть, хочется мне, что бы и мои трактаты были изданы тако же, – Захария вновь перекрестился на красный угол. У них в покоях были иконы письма этого мастера. Это было чудом. Очередным чудом.

Что же случилось на Руси, что чудеса просто валяются, как из рога изобилия.

– Знаешь, отче, что сказал мне князь Пожарский меньшой? Не может один человек, кто бы он ни был, создать что-то поистине великое, нужна команда, нужны единомышленники. Десяток человек эти книги создавал и все лучшие в своём деле, потому и выходят такие чудесные они. Вот и тебе нужно к ним присоединяться. Ну, это ладно. Что о Ветхом Завете скажешь? – патриарх прищурился, с хитринкою глядя на Копыстенского.

– Сравнивал, Ваше Святейшество. Кто прав не ведаю. Греческий я знаю. Нужно брать оригинал и изучать вдумчиво, да не мне одному, а нескольким людям, в совершенстве языком греческим владеющими. В Киеве не раз сталкивался я с разными переводами и все немного, но отличались один от другого. Как лучший и правильнейший выбрать? Думаю я, что как-то с этим справляться надо. Нужно чтобы все книги были напечатаны и одинаковыми были, а то в ересь тако недолго впасть.

– И мы мыслим так же, – Филарет переглянулся с царём.

– А что ты думаешь, отче, где нам учителей для семинарии сыскать? – спросил монаха Государь.

– Переписываюсь я с монахами на Афоне и в Белграде. Пошлю им весточку и попрошу выбрать грамотнейших и послать на Русь. Может и прислушаются, а ежели с письмом книги эти послать, то, думаю, что должны братия отклик-

нуться на просьбу мою.